

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Байкальский государственный университет»

На правах рукописи

СЕМЕНОВА Ольга Фиофановна

**СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АРГУМЕНТАЦИИ В
НЕПРОТОТИПИЧЕСКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ
КРИТИКИ**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Наталья Сергеевна Барбина

Иркутск – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ КРИТИКИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	13
1.1. Критика как коммуникативно-интеллектуальный процесс.....	13
1.2. Логико-философские основания критики	18
1.3. Лингво-аргументативный статус критики.....	33
1.4. Функциональный диапазон критики.....	48
Выводы по первой главе.....	53
ГЛАВА II. КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ КРИТИКИ	55
В ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ «ОТМЕНЫ»	55
2.1. Понятия коммуникативной ситуации и коммуникативного события в лингвистике.....	55
2.2. Прототипическая коммуникативная ситуации критики	65
2.3. Компоненты непрототипической коммуникативной ситуации критики в практике отмены.....	76
2.4. Речедеятельное пространство реализации аргументативных стратегий в коммуникативной ситуации критики	83
2.5. Реализация коммуникативной ситуации критики в дискурсивной практике отмены.....	92
2.6. Универсальные и прагматические стратегии аргументации в коммуникативной ситуации критики.....	99
Выводы по второй главе.....	101
ГЛАВА III. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПОНЯТИЙ ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ КРИТИКИ.....	103
3.1. Дискурс опровержения.....	103
3.2. Категория аргумента.....	106
3.3. Точка зрения	108
3.4. Адресат критики.....	115

3.5. Аргументативный спор как экспликация коммуникативной ситуации критики	116
3.6. Единица анализа	123
Выводы по третьей главе.....	130
ГЛАВА IV. СИСТЕМАТИКА СТРАТЕГИЙ АРГУМЕНТАЦИИ	132
В НЕПРОТОТИПИЧЕСКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ КРИТИКИ	132
4.1. Непрототипическая коммуникативная ситуация критики в дискурсивной «практике “отмены”»	132
4.2. Описание корпуса примеров	133
4.3. Стратегии аргументации в непрототипической коммуникативной ситуации критики	135
4.4. Коммуникативная ситуация «Снос памятников советским воинам».....	136
4.5. Коммуникативная ситуация «Концепция биологического пола».....	143
4.6. Коммуникативная ситуация «Домашнее насилие»	155
4.7. Коммуникативная ситуация «Национальная черта россиян»	158
4.8. Коммуникативная ситуация «Солнечные дети».....	163
4.9. Коммуникативная ситуация «Расизм»	166
4.10. Коммуникативная ситуация «Не в общем хоре»	172
4.11. Коммуникативная ситуация «Голая вечеринка»	175
Выводы по четвертой главе.....	181
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	184
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	188
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	189
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	215
Приложение 1. Материалы КС критики в «практике “отмены”»	217
Приложение 2. Аргументативная карта КС критики	231
Приложение 3. Словарь терминов.....	237

ВВЕДЕНИЕ

Критическое мышление в складывающихся реалиях многополярного мира — это не только индивидуальный навык, но и социальная необходимость. Когнитивные aberrации, во многом обусловленные информатизацией общества [Кравченко, 2019, с. 76], включают и качественные сдвиги в стандартах эвристики, способности анализировать, оценивать и интерпретировать информацию, что особенно важно в условиях существования множества различных центров силы, культурных и политических систем. «Эффект ускорения времени» [Вайсман, 2022] вносит свои коррективы в кропотливый поиск истины. В таких условиях мы становимся свидетелями не только конфигурации практики критики как интеллектуальной деятельности, связанной с анализом и синтезом, но и изменений самого императива рационального коллективного скепсиса.

Присоединяясь к мнению В. К. Финна, который считает, что интеллектуальные способности, которые представляют разум, реализуются лишь в интерактивном режиме с участием человека [Финн, 2023], отметим, что реалией современной жизни общества, в контексте язык–среда, становятся девиантные формы критики, получившие значительное распространение благодаря сетевой коммуникации. В связи с этим обоснованно исследование и верификация способов критического мышления, реализуемого в языковом взаимодействии.

Степень разработанности. Критика получает систематическое освещение в научных работах лингвистического цикла. Традиционным является изучение критики как части теории литературы [Новикова, 2007; Иглтон, 2010], критика исследована как рациональное действие в рамках логико-философского подхода [Асмус, 2009; Грядовой, 2015; Лисанюк, 2016] и теории аргументации [Gabbay, 2007; Snoeck Henkemans; 2007; Paglieri, 2009; Eemeren, 2014]. Как коммуникативное явление критика изучается с точки зрения актуализации конфронтации в разных типах дискурса [Андреева, 2009; Сафина, 2017; Зюбина, 2023; Космодемьянская, 2024]. Значительная часть

научных работ посвящена языковому выражению отрицания как репрезентации критических суждений [Кунаева, 2009; Малинович, 2009; Курских, 2013; Apothéloz, 1993; Dorrian, 2005; Naegeman, 2013]. Имеются работы, освещающие критику с точки зрения конфликтной коммуникации в рамках политической лингвистики [Быков, 2021; Сидоров, 2018], социальной философии [Киселева, 2020]. Проявление критики зафиксировано исследователями в дискурсах «новой этики», в частности, в практике культуры отмены, или кэнселлинга. Подтверждена связь практики отмены и критики [Дубинина, 2023; Vogels, 2021]. Этот социальный феномен трактуется как разновидность культурной, социальной, поведенческой девиации [Бойко, 2021], имеющей двойственную сущность проявления социальной справедливости и манипулятивности [Субботина, 2022]. В фокусе других работ находятся трактовки отмены с позиций буллинга и остракизма [Rutledge, 2021; Gomelauri 2023]. Имеются работы, содержащие экскурс в историю вопроса и показывающие случаи отмены культуры и языка [Reinbothe, 2019; Майорова, 2022], научных направлений [Rotolo, 2022]. Лингвистический аспект критики в «практике “отмены”» исследуется с точки зрения лингвокультурологии [Фефелов, 2022; Мелина, 2023; Peeters, 2019], терминологии [Clark, 2020], смежных понятий и языковой репрезентации нового явления в медиа [Шустова, 2023], лингвоаргументологии [Барбина, 2021] и др. К данному явлению применяется методология концепции дискурсивной практики [Иссерс, 2012]. Складывается научный контекст исследования триггерных высказываний, которые имеют значительный потенциал в формировании сообществ на основании критического осмысления социально значимых повесток [Kornienko, 2022; Kornina, 2024; Барбина, Костюшкина, 2024].

При имеющемся обширном массиве публикаций, относящихся к исследованию критики в языке, необходимо указать на недостаточное исследование ее реализации в разных коммуникативных контекстах. Этот аспект, обнаруживая связь с такими лингвистическими направлениями, как

прагматика языка и риторика, требует более тщательной научной рефлексии, так как дает представление о механизмах общения и речевого воздействия.

В этой связи **актуальность** исследования определяется, во-первых, значимостью стратегического потенциала аргументации критики, который состоит в возможности регулирования нерационального языкового взаимодействия и который пока недостаточно изучен, во-вторых, необходимостью изучения трансформаций моделей рассуждения в критике как инструменте формирования «гражданских ценностей» [Желтухина, 2023] и «аксиологических аттракторов» [Якоба, 2022] в обществе. В-третьих, в аспекте коммуникативной лингвистики существенно исследование триггеров критики, которые являются способом поляризации общества при стимулирующей роли языка социальных сетей и новых медиа. В-четвертых, актуально изучение реализации критики в контекстах «новой этики» как дискурсивной практике на основе подходов, получивших выражение в междисциплинарных исследованиях языка, социологии, дискурса, логики, коммуникации [Ирисханова, 2010; Кравченко, 2019, 2021, 2023; Иссерс, 2012; Карасик, 2019; Левинтов, 2021; Walton, 1992; Novaes, 2016 и др.].

Объектом диссертационного исследования являются универсальные и прагматические стратегии аргументации в непрототипической коммуникативной ситуации критики.

Предметом исследования выступает содержательное наполнение понятия критики, типология ее проявления с точки зрения языковой нормы, прагматические и структурно-семантические особенности высказываний, содержащих критику, в проекции на функциональные параметры аргументативного дискурса.

Цель диссертации – разработать модель анализа непрототипической коммуникативной ситуации критики на примере «практики “отмены”» и исследовать стратегический потенциал аргументации в коммуникативной ситуации.

В соответствии с поставленной целью определен ряд **задач**:

- 1) уточнить логико-философский базис критики и охарактеризовать ее как лингвообъект;
- 2) сформулировать лингвистическое описание феномена «культура отмены» с точки зрения критики в аспекте публичного дискурса;
- 3) адаптировать методологию теории аргументации к исследованию критики и показать, как функционирует категориальное поле аргументации в исследуемом лингвистическом материале;
- 4) разработать модель анализа непрототипической коммуникативной ситуации критики;
- 5) выявить универсальные и специальные прагматические стратегии аргументации в непрототипической коммуникативной ситуации критики в дискурсивной практике «отмены».

Источником материала послужил корпус примеров в виде выборки текстов новостных сообщений, заявлений, комментариев из печатных и электронных ресурсов за 2018–2024 гг. Отбор материала осуществлялся в соответствии с критериями тематической релевантности. Единицей исследования выступил текстовый фрагмент, который включает один или несколько аргументативных шагов критики, объединенных функционально-смысловой завершенностью. Всего проанализировано 3200 аргументативных шагов критики. Корпус сформирован при обращении к следующим группам источников: 1) новостные ленты печатных газет, журналов и их электронных версий: журнал «Правила Жизни» (<https://www.pravilamag.ru>), материалы российского мультимедийного холдинга «РБК» (<https://www.rbc.ru>), издание журнала “Forbes Russia” (<https://www.forbes.ru>), газета “The Guardian” (<https://www.theguardian.com>), газета «The Times» (<https://www.thetimes.com>); 2) текстовые и видеоматериалы социальных сетей «Яндекс. Дзен», «ВКонтакте», «Телеграм», “LiveJournal”, “Rutube”.

Кроме того, в качестве источников материала использовались данные Национального корпуса русского языка, энциклопедических, толковых и переводных словарей. Исследование проводилось на материале русского и

английского языков. Анализ 103 примеров в 8 коммуникативных ситуациях на материале конечной выборки представлен в основном тексте диссертации.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем предпринято лингвистическое рассмотрение дискурсивной новации общественной цензуры, которая проанализирована в системе координат речевых стратегий некооперативного типа. Представлены данные о языковой репрезентации аргументативных ошибок в неконструктивной критике; выявлены стратегии аргументации в непрототипической коммуникативной ситуации критики; уточнено понятие триггерного высказывания с точки зрения речевого воздействия потенциала. Новым является лингвистическое описание современной формы остракизма и модель анализа непрототипической коммуникативной ситуации критики в публичном дискурсе.

Методы исследования. При выполнении работы использован комплекс общенаучных методов исследования: описательный, сопоставительный, методы индукции и дедукции, метод моделирования. Был задействован метод обобщения, метод типологизации, метод компонентного и контекстного анализа; применялись специальные методы исследования: модель аргументативных функций, приемы реконструкции аргументативного дискурса, методологический конструкт «аргументативный шаг», концепция стратегического маневрирования. Для визуализации аргументативных схем критики использовалась программа Rationale.com.

Теоретическую основу исследования составили научные труды в следующих областях: *дискурсология и прагмалингвистика* (В. З. Демьянков [1983; 1989], Д. Остин [1999], О. С. Иссерс [2012], В. И. Карасик [2019], М. Р. Желтухина [2023]), *когнитивная лингвистика* (Е. С. Кубрякова [2004; 2012], О. К. Ирисханова [2014], М. И. Киосе [2022]), *коммуникативная лингвистика* (И. А. Стернин [1997; 2009]), *теории языка* (А. В. Кравченко [2019; 2021]), *системные исследования языка и аргументации* (Г. Джонстон [1963], А. Н. Баранов [1990], П. Хили [1994], Д. Уолтон [2007],

Г. М. Костюшкина [2016], Л. Г. Васильев [2014; 2019], Ф. Х. ван Емерен, [1992; 2010; 2014],;), *логико-семантический анализ рассуждений* (Х. Зигварт, [2008], Е. Г. Драгалина-Черная [2009], М. В. Малинович, [2009], Л. Хегеман [2013]).

На защиту выносятся следующие положения диссертации:

1. Критика как лингвообъект включает две категории исследования: метод познания и коммуникативное явление, к которым применимы две группы норм – логико-рациональные и нормы речевого общения при вербализации негации.

2. Практика «отмены» в публичном дискурсе представляет собой непрототипическую коммуникативную ситуацию критики, в которой преобладают специальные прагматические стратегии аргументации, нацеленные на устранение объекта критики, а не на устранение недостатков.

3. Операционализация абстрактных инструментов логики по отношению к исследованию коммуникативной ситуации критики доступна с помощью средств теории аргументации, позволяющей эксплицировать элементы аргументативного комплекса и точку зрения. В практике отмены реализуется реактивная критика по отношению к существующей точке зрения, которая представляет собой спектр речевых действий от развернутой аргументации до триггерного высказывания.

4. Модель анализа непрототипической коммуникативной ситуации критики основана на оппозиции «диалектическая цель – риторическая цель». Прототипическая коммуникативная ситуация критики реализует диалектическую цель, которая состоит в том, чтобы устранить разногласия рациональным способом («аргументативный оптимизм»). Непрототипическая коммуникативная ситуация критики реализует риторическую цель, где участники коммуникации стратегически используют аргументацию и диалог для достижения своих задач («аргументативный инструментализм»).

5. Универсальные стратегии аргументации в коммуникативной ситуации критики представляют собой кооперативные, логико-рациональные

стратегии, основанные на опровержении с помощью логической демонстрации и фактуальных аргументов. Специальные прагматические стратегии аргументации в непрототипической коммуникативной ситуации критики в дискурсивной практике «отмены» представляют собой объектно ориентированные, конфронтационные, паралогические стратегии, которые реализуются:

а) на уровне тематического потенциала (ограниченный фокус критики, топическая предвзятость, ошибочные схемы аргументации в виде ошибки экстраполяции, недемонстративных аргументов к большинству, жалости, «палке», личности, аргумент «ты тоже»);

б) на уровне адаптации критики к интересам сочувствующей аудитории, что имеет вид номадического поиска адресата;

в) на уровне презентации критики (экспрессивная лексика с пейоративной семантикой, эмотивы, экспрессивный синтаксис).

Теоретическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в решение проблем теории языка в области лингвистической аргументологии, социокогнитивного подхода в коммуникативной лингвистике, персуазивного дискурса, лингвистической теории нарратива. В результате исследования определяется значение феномена «культура отмены» с точки зрения лингвоаксиологии, рассматриваются семиотические аспекты коммуникации, что актуализирует исследование лингвокультурных кодов в современном социуме. Полученные результаты вносят вклад в развитие концепции речевого воздействия, исследование механизмов формирования языковой личности гражданина в многокультурном обществе.

Практическая значимость диссертационного исследования обусловлена тем, что полученные результаты могут использоваться в качестве лингвистического компонента в медиаобразовании. Выводы и материалы анализа могут применяться при составлении курсов по навыкам критического мышления, лекций по теории языка (в части лингвистики текста, стилистики, риторике), спецкурсов по теории и практике аргументации, межкультурной

коммуникации. Приемы моделирования, примененные в работе, актуальны для разработки инструментов автоматизированного распознавания речевых триггеров.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в виде докладов и сообщений на девяти научных конференциях: III Международная научно-практическая конференция «Лингвистика дистанцирования: власть языка и современные реалии» (Москва, 2023 г.), XV Всероссийская научно-методическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы современной лингвистики и гуманитарных наук» (Москва, 2023 г.), IX Всероссийская научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и молодежь» (Иркутск, 2023 г.), V, VI Международная конференция «Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования», (Санкт-Петербург, 2023, 2024 г.), XIV Всероссийская научно-практическая конференция «Лингвистические парадигмы и лингводидактика» (Иркутск, 2023 г.), 2-я Международная научная конференция «Лингвистическая аргументология: проблемы и перспективы» (Калуга, 2024 г.), X Всероссийская научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и молодежь» (Иркутск, 2024 г.), Международная научно-практическая конференция «Россия и мир в условиях стратегической неопределенности» (Иркутск, 2024 г.).

По теме диссертационного исследования опубликовано восемь научных статей, в том числе пять – в рецензируемых научных журналах, рекомендуемых ВАК РФ.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы, списка терминов, списка источников иллюстративного материала, приложений.

В первой главе критика идентифицируется как коммуникативно-интеллектуальный процесс в рамках философии, логики, теории аргументации и лингвистики: представлены философские основания критики, описаны

логический базис критики и ее лингвистический статус, рассмотрена роль критики в теории аргументации, обобщен функциональный диапазон критики.

Во второй главе осмысливаются понятия «коммуникативное событие» и «коммуникативная ситуация», конкретизируется понятие «прототипическая коммуникативная ситуация критики», представлена адаптация понятий теории аргументации для исследования коммуникативной ситуации критики, моделируется прототипическая коммуникативная ситуация критики. Коммуникативное событие критики анализируется как речедетельностное пространство реализации коммуникативной прототипической ситуации критики. Уточняются компоненты коммуникативного события критики. Описывается единица анализа.

В третьей главе проведена адаптация основных понятий теории аргументации к коммуникативной ситуации критики. В этой части работы представлена база для моделирования коммуникативной ситуации критики относительно лингвистического понятия «точка зрения».

В четвертой главе изложены подходы к осмыслению социального феномена «практика “отмены”» (в работе используется термин А. Ф. Фефелова «практика “отмены”» [Фефелов, 2022]). Это явление охарактеризовано как дискурсивная практика. Приведено описание эмпирического материала, дан анализ аргументативных стратегий в коммуникативной ситуации критики, реализуемой в практике отмены, выделены универсальные и прагматические стратегии аргументации в коммуникативной ситуации критики, представлено 8 коммуникативных ситуаций по модели реактивной критики, а также в тексте представлены 2 коммуникативные ситуации по модели дескриптивной критики с анализом ситуативных и языковых примеров.

В заключении приводятся результаты исследования, определяются перспективы дальнейшего исследования критики относительно тактик реализации стратегического потенциала коммуникативной ситуации критики.

ГЛАВА I. ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ КРИТИКИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Критика как коммуникативно-интеллектуальный процесс

Отправной точкой любого исследования критики является логико-философский базис. Действительно, исследование критики требует обращения к фундаментальным аспектам философии в виде вопросов о реальности, знании, истине, морали, этике, культуре и других аспектах человеческой жизни. Философская критика представляет собой обширное поле исследований, которое включает гносеологию в целом и эпистемологию в частности (учение о познании), метафизику (учение о бытии), этику, политическую философию и др.

Кроме того, критика в философском осмыслении представляет собой значимую часть схемы *мыследеятельности* как комплекса интеллектуальных и коммуникативных процессов, включенных в контекст организованной коллективной деятельности в терминах Г. П. Щедровицкого [Щедровицкий, 1986]. Отметим, что в горизонте мысли ученого, считавшего, что носителем интеллекта человек становится лишь факультативно, «по сопричастности к коммуникации» [Щедровицкий, 2005, с. 323], и таким образом обозначившего коммуникативный подход к исследованию познания, критика предоставляет широкий спектр доступных для наблюдения языковых действий, которые иллюстрируют важнейший посыл многих ее трактовок. Данный посыл состоит в том, что критика в широком диапазоне действий от получения знаний до повседневных ситуаций общения имеет преобразующий смысл. Уместна научная метафора «технологичного решета» критики [Левинтов, 2021, с. 15], которая обозначает процесс отсеивания ненужного и выделения того, что принимается за образец и норму.

Специалисты в области познания единогласны в том, что это мыслительное действие высоко специализировано в анализе: «Критическое мышление в первую очередь требует от человека различения и анализа, а вовсе

не синтеза» [Максишко, 2021, с. 30]. Значительное место в литературе занимает трактовка критичности как мыслительной деятельности. Так, например, в теории П. Я. Гальперина первичным параметром действия является уровень умения отличить существенные отношения от несущественных. Одним из результатов этого умения является критичность, под которой ученый понимал разумность действия, его осознанность и ориентировку на критерии качества действия [Гальперин, 1976, с. 25]. По мысли Э. Ватцке, целостный аппарат человеческого восприятия не приспособлен к познанию объективной реальности, но высоко специализирован в выявлении различий и противоречий [Ватцке, 2004, с. 31].

Следовательно, конститuentами критики является анализ и рациональность. Находим подтверждение сказанному в области когнитивной психологии: «Ни у кого из нас не хватает ума, чтобы, рассуждая в одиночку, раз за разом приходить к обоснованным выводам, – рациональность возникает в сообществе мыслителей, исправляющих ошибки друг друга» [Пинкер, 2023, с. 34]. Таким образом, критика – это зона совместного опыта и языкового взаимодействия, имеющая познавательно-преобразующую роль в социуме. В таком ракурсе мы видим философскую репрезентацию критики в контексте нашего исследования.

В рамках главы мы не ставили целью теоретизировать на тему определений рациональности: в методологии науки это все еще нерешенная проблема. Вслед за Д. Труфановым примем одно из определений рациональности как коррелята истинности: рациональными признаются рассуждения, смыслы, знания, действия, которые соответствуют истине, взятой в значении какого-либо образца, эталона [Труфанов, 2013, с. 47]. Эту грань критики следует рассматривать с позиций логики как науки, накопившей большой контекст знаний о рациональном рассуждении. Логика как рациональное действие представляет собой процесс анализа и рассуждения, который базируется на формальных правилах и нормах. Это систематическое и логическое мышление, направленное на достижение

точных и обоснованных выводов. Логика подразумевает использование рационального подхода к анализу. Это означает, что рассуждения должны быть обоснованными и логически согласованными. Данный аспект получает свое развитие в фундаментальных и современных работах ученых и практиков, показывающих связь критики с логической операцией опровержения [Гетманова, 2005; Грядовой, 2015; Righter, 1963; Dorrian, 2005]. В логическом аспекте критика вписана в формальную систему, которая позволяет различать правильные и неправильные формы рассуждений и отклонять те из них, которые не соответствуют критериям валидности.

С другой стороны, критика, будучи погруженной в коммуникативный процесс, приобретает черты эмоциональности, противоречивости, непоследовательности, которые предопределяются «речеповеденческим кодом». Наличие такого кода в отношении критических суждений доказано в работе А. В. Медведевой: «Критическое суждение предполагает следование определенному речеповеденческому коду <...> речеповеденческий код является общим (родовым) термином, включающим в речеповедение как вербальный код, так и все разновидности невербальных кодов, опосредующих коммуникативное поведение, которые закрепила практика, отражая культуру общения в данном коллективе» [Медведева, 2015, с. 6]. Очевидно, что коммуникативные особенности оказывают влияние на рациональное действие критики и в лингвокультурном аспекте, вызывая искажения стандарта рациональности, поэтому рассматривать это явление необходимо именно в проекции на его языковую экспликацию.

Наконец, еще одно понимание критики как коммуникативно-интеллектуального явления актуально представить в рамках аргументирования. Мы исходим из того, что в этом ключе можно наблюдать естественную реализацию логических теорий в коммуникативном пространстве. Если логика является наукой о правилах познавательной деятельности, то аргументация представляет собой практическое приложение

этой науки и разновидность интеллектуальной деятельности, включенной в широкий коммуникативный контекст.

Теперь обозначим схему исследования в виде четырех областей, эскизно наметив круг вопросов обсуждения критики в них (см. рис. 1).

Лингвистика

Коммуникативная ситуация критики, категория отрицания, коммуникативные стратегии, теория прототипов

Аргументация

Аргументативная логика, универсальные и риторические стратегии аргументации

Логика

Логические процедуры опровержения в критике, разрушение доказательства, установление ложности

Философия

Критический рационализм, организованный скептицизм

Рисунок 1. Схема взаимосвязь аттракторов исследования критики (инфографика Slidesgo).

Комментируя этот рисунок, подчеркнем, что предмет критики имеет сильные логико-философские корни. Каждая из перечисленных областей научного знания имеет сложившиеся аттракторы для описания критики. Указанная последовательность демонстрирует вовлечение каждой области в ход исследования критики: область лингвистики – языковое проявление критики, аргументация – инструмент анализа критики в коммуникативных ситуациях, философия – отправная точка (дает ряд определений критики), из логики заимствуем конститuenty критики (рациональность и анализ). Кроме того, задействуя четыре области знания, мы неуклонно входим в зону междисциплинарного трансфера. Последний представляет собой явление, относящееся к научному направлению социальной семиотики. Инициаторами этого направления в науке стали такие ученые, как Ю. М. Лотман,

М. Хэллидей, Г. Кресс, Б. Ходж [Лотман, 1977, 1976; Halliday, 1978, 2009; Hodge, 1979, 1988]. Смысл этого направления (возникшего еще раньше, чем синергетика), его методология, точки роста в анализе смыслового содержания социального опыта описаны в более современных публикациях [Золян, 2017; Социальная семиотика: точки роста, 2020; Тульчинский, 2020]. Приведем определение В. Г. Тульчинского: «Социальная семиотика – дисциплина, а точнее, подход, выражающийся не столько в социальных контекстах (модусах, модальностях) языка, сколько в семиотическом (знаковом) анализе социальных феноменов и процессов» [Тульчинский, 2020, с. 14].

Характеризуя научно-методологическую базу социальной семиотики, ученые сходятся во мнении о том, что семиотический подход формирует особое измерение междисциплинарности, доходящей до конвергенции естественных, социальных и гуманитарных наук [Тульчинский, 2019, с. 117]. Междисциплинарность такого типа влечет за собой трансфер знаний, который возникает из понимания того, что многие проблемы или вопросы могут быть решены с помощью более широкого спектра подходов, чем традиционно предлагается в одной дисциплине. Изучение критики в рамках данной работы представляется наиболее полным и завершенным именно в ракурсе междисциплинарного трансфера, поскольку он способствует интеграции и объединению указанных областей знаний для получения новых результатов. Таким образом можно более внятно трактовать многие явления, спроецировав на них характеристики явлений из других областей, на первый взгляд не связанных.

Безусловно, междисциплинарный трансфер может представлять определенные сложности с точки зрения сочетания различных языков, терминологии и подходов, которые могут отличаться в разных дисциплинах (поэтому в третьей главе мы предложим методологическую обработку понятий из теории аргументации). Тем не менее, успешный междисциплинарный трансфер может принести значительные преимущества и способствовать развитию знания и инноваций. В соответствии со схемой

рассмотрим критику в проекции на область лингвистики, аргументации, философии, логики.

1.2. Логико-философские основания критики

Философских подходов, в которых представлены те или иные трактовки критики довольно много. Остановимся на некоторых из подходов, определяющих критику как мыслительную деятельность.

Проблемность концепции критики эксплицируется применением смыслового содержания общих тем философии к осмыслению природы истины. Особое значение имеет критика в гносеологии с точки зрения расширения знаний, а также их коррекции. Критический рационализм – это философский подход, который предполагает, что знания о мире могут быть подвергнуты сомнению и критике, и что получать новые знания можно через тестирование гипотез и опровержение неверных идей. В критическом рационализме утверждается, что истина не может быть достигнута, но можно приближаться к истине через постоянную проверку и улучшение наших знаний [Лацис, 2016; Popper, 1960; 2022; Найек, 2014].

Философской концепцией, определяющей необходимость сомнения и критики во всех аспектах мышления и исследований, является организованный скептицизм [Мертон, 2000; Книгин, 2009] – философский подход, основным принципом которого является необходимость критического анализа и подверженности сомнению всех утверждений и истин. Организованный скептицизм предполагает, что люди должны придерживаться жесткого критического подхода к знанию и отзываться на новые доказательства. Именно такой подход позволяет оставлять выход к новым идеям и изменению взглядов. Организованный скептик осторожно подходит к точности, признавая, что все доказательства могут содержать ошибки и недостатки.

Организованный скептицизм имеет несколько разновидностей, таких как академический скептицизм и пирамидальный скептицизм, которые

отличаются уровнем радикальности и глубины сомнений. По большей части эта концепция относится к методологии научного творчества, где функционирует специфическая логика, которая отличается от классической множественностью возможных направлений, ходов и результатов, вплоть до противоположных [Майданов, 2019]. Но в целом скептицизм представляет методологический подход, который помогает избежать подтверждения ложных утверждений и ошибочного мышления в жизни.

Следует отметить, что критическое мышление является важным инструментом не только некоторого исследования, но и развития всего общества. Подтверждение этому можно найти в словаре Даля, где критика первично представлена как мыслительный процесс по «розыску и суждению о достоинствах и недостатках какого-либо труда <...> по очистке от прикрас и искажений некоторых событий» [Толковый словарь Даля].

Для более детального изучения понятия «критика» обратимся к словарным дефинициям данной лексемы в русском и английском языках.

Термин «критика» берет начало в греческом *krinein* (лат. – *krisis*), что означало перелом хода болезни в ту или иную, в лучшую или худшую сторону, к выздоровлению или смерти [Collins Online Dictionary]. Вследствие экстраполяции и перемещения смысла теперь назвать кризисом можно ситуацию, не связанную с болезнью: “A crisis is a situation in which something or someone is affected by one or more very serious problems”. Общим для кризиса и критики является корень *krei-*, который означает «просеивание (различение, отличие)» [Там же].

Большой толковый словарь русского языка предлагает следующее определение слову «критика» – это «обсуждение, разбор чего-либо с целью оценить достоинства, обнаружить и выправить недостатки» [БТСРЯ].

Схожее определение находим в Большой советской энциклопедии: критика – это «искусство разбирать, судить» [БСЭ], а Литературная энциклопедия выделяет компонент суждения как первичный сегмент термина «критика» [ЛЭ]. К исследованию научной оценки достоверности подводит

Социологический словарь [СС]. Идиоматический словарь русского языка наделяет существительное «критика» модальностью нежелательности (беспощадная, всесторонняя, жесткая, жестокая, ожесточенная, острая, разгромная, разящая, резкая, серьезная, суровая, уничтожающая), что раскрывает только одну составляющую критики – эмоциональную [Словарь русской идиоматики онлайн].

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона трактует критику относительно областей знания и сфер деятельности: критика историческая, литературная, филологическая, библейская. К примеру, филологическая критика — совокупность приемов, способствующих восстановлению истинного текста литературного произведения и уяснению его содержания и значения в истории литературы [Энциклопедический Онлайн словарь Брокгауза и Ефрона].

В отличие от русского языка, в английском разведено понятие критики в две словоформы: *critique* и *criticism*. По определению онлайн словаря английского языка, критика есть «анализ и оценочное суждение о ситуации, либо о чужих идеях или мыслях по проблеме» [Онлайн словарь английского языка]. В словаре Кэмбриджского университета появляется отсылка на конструктивный характер данного речевого действия [Cambridge Dictionary]. В данном исследовании мы рассматриваем критику как инструмент познания, способный повлиять на процесс восприятия действительности и преобразовать уже имеющийся смысл. Американский словарь Вебстера выводит в противопоставлении *criticism* – *critique* роль составляющей научного поиска [Definition Dictionary Merriam Webster]. Словарь Коллинза указывает на то, что критика — отзыв, преимущественно письменный [Collins Online Dictionary]. «Внимательное суждение» добавляется в еще одном англоязычном словаре [The Britannica], и «детальное разъяснение проблемы» — в последующем [Longman Dictionary].

Следует отметить, что содержательная емкость термина «критика» в английском языке уточняется посредством анализа дефиниции лексемы

“criticism”, значение которой покрывает широкий спектр реакций по отношению к тому или иному факту/объекту:

1. The act of giving your opinion or judgment about good or bad qualities of someone or something [Longman Dictionary of Contemporary English].
2. A comment that shows that you think something is wrong or bad [Macmillan English Dictionary for Advanced Learners].
3. Unfavourable judgment or expression of disapproval [Longman Dictionary of Contemporary English].

Различие в использовании терминов *critique*, *criticism* в английском языке отчетливо видно в следующих примерах:

Critique is a detailed analysis or evaluation of something. If there is an authority on a subject, new writers ask the authority formally to critique their works. In this sense, the word is used as a verb. People mistakenly take critique as a way of passing a negative judgment about something which it is certainly not. Critique comes from French and has roots in Greek word *Kritikos* which means to judge or to pass judgment

Criticism is the act of pointing or highlighting the shortcomings in a work, person, attitude, belief, project, policy or anything else under the sun. However, criticism is not always negative as it is evaluative as well as judgmental in nature. In English language since early times, criticism has been taken to mean finding fault with something or someone. Criticism has always been polite, and there has always been a deliberate attempt by critics to keep their evaluation within limits not allowing them selves to go overboard

While **criticism** is an old English word used commonly till now for evaluation or judgment of a written work or a person or thing, it got replaced by the French *Critique* during the 70's and 80's. It became fashionable to use critique in favor of criticism as if there is a great difference between the two words or, to get over the connotations that criticism suggested. It was believed that critique is not just criticism, and it presented a balanced evaluation of a work

Critique is a noun but today it is used as a verb and in place of criticism. While criticism is believed to be fault finding primarily, critique is believed to be an objective assessment of something that includes both positive, as well as negative comments

In general, **critique** is always impersonal and tries to improve something whereas criticism can be personal at times and many a times taken as an offence by the recipient

Рисунок 2. Различия между лексемами *critique* и *criticism* (сост. по данным словаря М. Вебстер <https://www.merriam-webster.com> и сайта <https://www.differencebetween.com>).

Как видим, английский язык дает большее понимание коннотации лексем, связанных с критикой. *Critique* представляет собой более взвешенную экспертную оценку, предполагающую более серьезное действие, чем *criticism*. Лексема *criticism* означает действия, связанные с выявлением недостатков, тогда как *critique* предполагает анализ, разбор положительных и отрицательных сторон. Еще одно важное различие между этими лексемами состоит в том, что *critique* предполагает безличное рациональное действие, а *criticism* ассоциируется с обидным для адресата речевым действием.

Термины «критика» и «критицизм» связаны с процессом анализа, оценки и выражения мнения о чем-либо. Однако есть различия в их использовании и в русском языке, когда критика обычно применяется в более широком смысле и может быть как общим мнением или оценкой, так и более систематическим анализом, в то время как критицизм связан с философским и специализированным подходом к анализу: критицизм — философско-методологическая позиция, характеризующаяся принципиальным антидогматизмом, установкой на анализ собственных оснований мышления, на выяснение границ применимости фундаментальных понятий и методов [Новая философская энциклопедия]. Контексты употребления лексемы «критицизм» показывают ее функционирование в составе метаязыка науки в случае, когда

речь идет о критицизме по отношению к субъекту и предикату и требовании логической истинности суждений.

Обобщим содержательную часть понятий «критика», «критицизм», представленную в словарях русского и английского языков.

1. Представленные определения критики эксплицируют ее гносеологический аспект, где на первый план выходит диалектика как метод познания. Вместе с тем почти во всех трактовках представлена идея отрицания.
2. Критика может быть применена к различным областям человеческой деятельности, включая критическое мышление, искусство, литературу, науку, политику, социальные явления и многое другое.
3. Несмотря на то, что критика может быть триггером конфликтов, она играет важную роль в науке, искусстве, литературе и других областях, способствует обсуждению исследуемых тем, содействует улучшению качества и стимулирует новые идеи и подходы.

Логический базис критики. В данном разделе рассмотрим логический базис критики, однако сразу оговоримся, что эта связь критики и логики неоднозначна. Если исследовать только перспективу *анофансиса* (др.-греч. ἀλόφανσις — заявление, утверждение), то средств формализации, которыми обладает логика, вполне достаточно. Более объемлющий анализ критики требует поиска ответа на вопрос об онтологическом статусе отрицания и негации, который уходит далеко в сторону от логического выражения критики. Одним из главных моментов, объединяющих логику и критику, можно считать отрицание.

По крайней мере, два аспекта можно выделить в этом вопросе:

- 1) критика как отрицание и опровержение существующей пропозиции, референта;
- 2) критика как отрицательное рассуждение.

Для того чтобы выяснить значение критики в логике, мы обратились к научным и методическим работам. Анализ литературы [Шипунова, 2005; Гетманова, 2015; Ивин, 2014; Яшин, 2019; Асмус, 2021; Малыгина, 2023,

Батурин, 2024 и др.], словарных дефиниций понятия «логика» позволяет сделать следующие обобщения:

- логика – это наука о правильном мышлении и рассуждении, способах доказательства и опровержения;
- мышление изучается логикой в абстракции от содержания объекта, исследуется структурно-формальный процесс рассуждения;
- логика предоставляет набор инструментов и правил для оценки верности и обоснованности утверждений;
- логика исследует условия достижения истинных знаний посредством точных рассуждений.

Как видим, критический компонент представлен анализом, оценкой и выявлением недостатков, ошибок или слабостей в утверждениях. В настоящее время имеется обширный контекст систематического изложения основ логики и описания места критики в ней [Чуешов, 2003; Шипунова, 2005; Гетманова, 2006; Ксенофонтов, 2006; Кириллов, 2008; Ивин, 2014; Грядовой, 2015; Gabbay, 2001; Krabbe, 2006; Finocchiaro, 2005; Yamada, 2008; Novaes, 2016]. Библиография по логике позволяет сделать выводы о критике как объекте исследования. Очевидно, что критика соотносится с темой опровержения.

«Главная цель всех рассуждений, — пишет В. К. Батурин, — подтверждение или опровержение тезиса» [Батурин, 2014, с. 79]. Доказательство и опровержение составляют базовые элементы рассуждений, в которых реализуются логические операции: «Если умозаключение — основная форма умственной деятельности, то доказательство и опровержение образуют ее важнейшие цели. Доказывая, мы ищем истину; опровергая, мы разоблачаем ложь» [Светлов, 2020, с. 168].

Процедура опровержения, так же, как и доказательства, требует соблюдения некоторых правил [Яшин, 2019, с. 4]. Опровержение выполняет функцию определения сильных и слабых сторон доказательства и направлено на выявление ошибок в рассуждениях, несоответствий между утверждениями и фактами. Согласно этому, значительное внимание уделяется структуре

доказательства и опровержения [Кириллов, 2023]. Так, Г. Д. Сысоев определяет опровержение как логическую операцию, направленную на разрушение доказательств, которое может быть реализовано тремя способами: критикой тезиса, критикой аргумента, критикой демонстрации. В процессе аргументации опровержение выполняет деструктивную функцию. Однако, несмотря на чисто критическую функцию, опровержение «сведение к абсурду» часто оказывается полезным, оно служит средством проверки гипотез и доказательств. Критика демонстрации, как и критика аргументов, сама по себе лишь разрушает доказательство, но не показывает необоснованность тезиса и не опровергает его [Сысоев, 2022, с. 61 – 62]. Разновидности дедуктивного опровержения на основе трех канонических вопросов представлены на рис. 3.

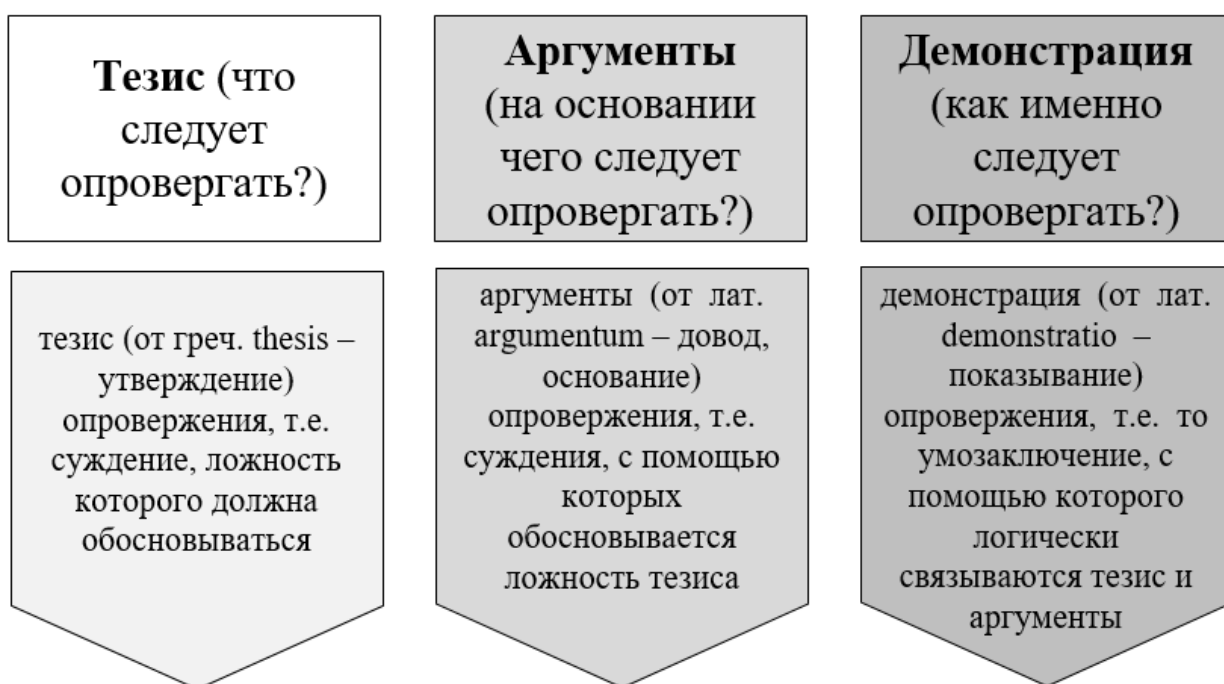

Рисунок 3. Дедуктивное опровержение

Далее представим структуру дедуктивного опровержения (рис. 4).

Тезис		Аргументы		Демонстрация	
	Из тезиса β выводимо следствие, несовместимое с α , или противоречие		Из аргументов α выводится тезис β		Из аргументов α не выводим ни тезис β , ни антитезис $\neg \beta$
	Множество аргументов α истинно		Множество α ложно (противоречиво)		Множество аргументов α истинно
X	Тезис β ложный	X	Тезис β не доказан	X	Тезис β не доказан

Рисунок 4. Структура дедуктивного опровержения, где β обозначает тезис, $\neg \beta$ — антитезис, α — множество аргументов (сост. по [Светлов, 2020, с. 173]).

Также следует различать прямое и косвенное опровержение. Прямое опровержение строится методом «сведения к абсурду» и имеет следующие шаги (см. рис. 5):

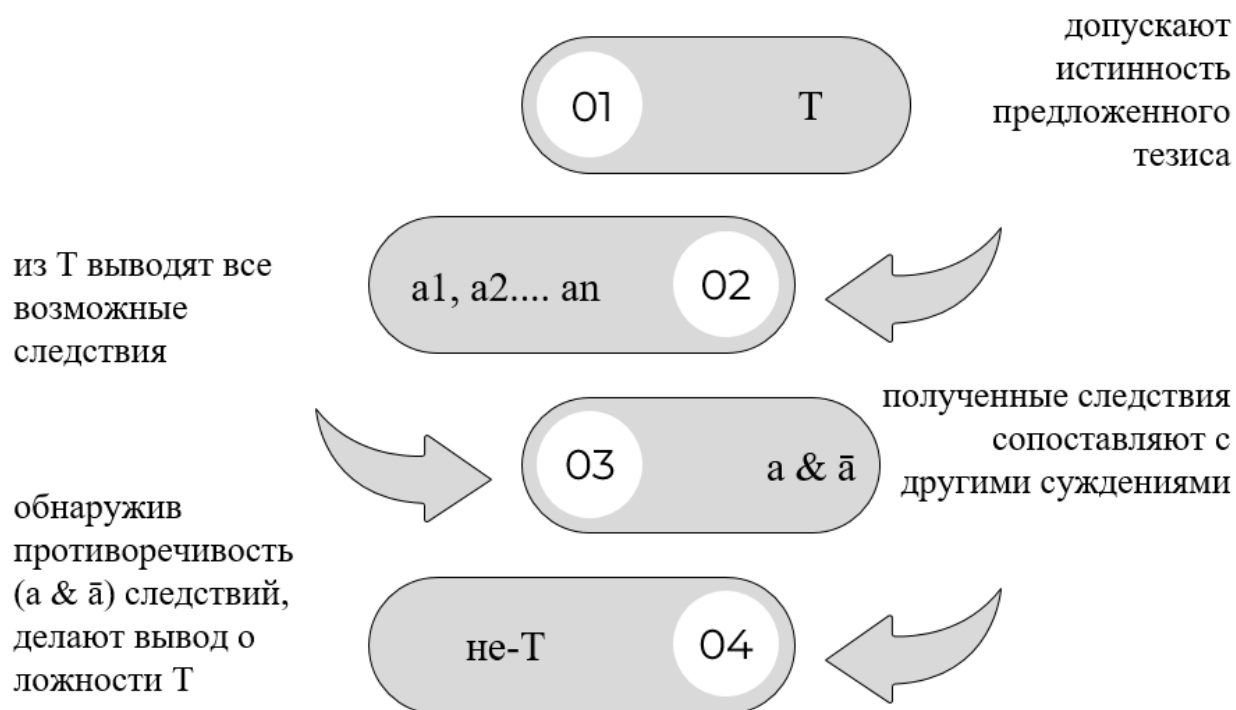

Рисунок 5. Шаги прямого опровержения (сост. по [Гриценко, 2008, с. 218], инфографика Slidesgo).

Косвенное опровержение строится по методу разделительного умозаключения и имеет следующие шаги:

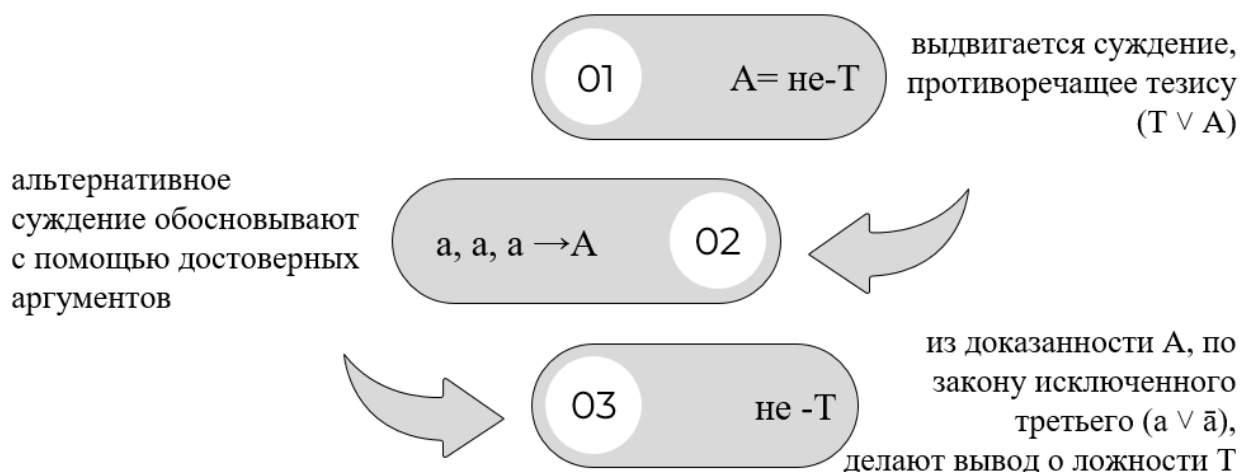

Рисунок. 6. Шаги косвенного опровержения (сост. по [Гриценко, 2008, с. 218], инфографика Slidesgo).

По полноте действий существует методологическая связка: обоснование и доказательство соответствуют критике и опровержению. Обоснование — это доказательство с вероятностью, а критика — это опровержение с вероятностью. Критика — это более широкое понятие, оно включает в себя не только опровержение, но и другие формы анализа и оценки, например, сомнение. Опровержение более узко, оно направлено на доказательство ошибок или неверности конкретного утверждения. Критика может быть более общей и широкой, в то время как опровержение фокусируется на конкретных аргументах или тезисах.

В литературе по логике сам термин «критика» встречается не так часто. Очевидно, что о критике как о неполном опровержении идет речь в терминах оспаривания и возражения: «Оспаривание, опирающееся на надежный фундамент фактов и логики, делает тезис недоказанным или требует его уточнения» [Берков, 2012, с. 213]. Г. И. Малыхина также отмечает это свойство: «Еще одной формой обоснования является оспаривание (возражение). Если опровержение — сильный вариант обоснования ложности тезиса, то оспаривание является слабым вариантом обоснования ложности тезиса. Оспаривание — слабый вариант обоснования ложности тезиса, направленный на установление недоказанности тезиса посредством критики аргументов или логической связи аргументов и тезиса» [Малыхина, 2023,

с. 280]. Как видно, критика представляет собой конструкцию, меньшую, чем опровержение. Критика подрывает, но не опровергает существующую аргументацию. Критика может дополнять опровержение. Критика может приобретать вид контраргументации в случае эксплицитного обоснования контр тезиса.

Представленный выше контекст показывает функцию критики (и опровержения, входящего в него) как *элиминации* недостатков, ошибок и противоречий в существующем обосновании (и доказательстве). Элиминирующая функция критики означает устранение проблемы или препятствия в обосновании и доказательстве. Рассмотренные характеристики опровержения показывают, что эта логическая операция является вспомогательным средством, разрушающим рассуждение. Вот как об этом пишет в разделе «Отрицание как уничтожение суждения» Х. Зигварт: «Отрицание всегда направляется против попытки совершить синтез <...> Объектом отрицания служит всегда выполненное суждение или такое суждение, которое мы пытались выполнить; и отрицательное суждение не может, следовательно, рассматриваться как равноправный положительному суждению и одинаково с ним первоначальный вид суждения» [Зигварт, 2008, с. 145]. Уничтожая возможность синтеза, отрицание ведет к последующему анализу, то есть разложению суждения и продолжению доказательства.

Более того, функция критики не ограничивается элиминацией. Выше речь шла о самом эталонном типе рассуждения — дедуктивном (от общего к частному), который гарантированно ведет к правильному заключению. Однако это далеко не единственные типы рассуждения. Существуют еще индукция (от частного к общему), абдукция (выведение наилучшего объяснения), едукция и субдукция как разновидности дедукции, кондукция. В этих моделях операции отрицания расширяют наше понимание критики. Рассмотрим это на примере индуктивного и кондуктивного рассуждений:

Вчера в городе Иркутск шел дождь.

Сегодня в городе Иркутск идет дождь.

Завтра в Иркутске ожидается дождь.

Вывод: весной в Иркутске часто идут дожди.

Для опровержения этого вывода можно привести много противоречащих фактов, например, *в прошлом году весной ни разу не было дождя*. Опровержение индуктивного рассуждения больше соответствует вероятностному опровержению, то есть критике и оспариванию. В случае кондуктивных рассуждений противоречащие факты изначально не входили в структуру этого индуктивного рассуждения, они являются внешними элементами, которые сами могут быть опровергнуты, и таким образом, могут расширять весь ход рассуждения: *В прошлом году весной ни разу не было дождя, но почти каждый год идет снег*.

Приведем еще пример кондуктивных аргументов, которые типичны для контраргументации. Д. А. Бокмельдер описывает свойство кондуктивных аргументов через то, как они проявляются в опровержении и контраргументе: «Первое делает атакуемый аргумент несостоятельным. Второй же оставляет аргумент оппонента в силе, но указывает на некоторую отрицательную (или противоположную) характеристику тезиса. Иными словами, довод “за” обосновывает приемлемость тезиса, а довод “против” обосновывает его одновременную неприемлемость» [Бокмельдер, 2014, с. 63]. Приведем пример такого рассуждения из словаря аргументации:

In spite of a certain dissonance, that piece of music is beautiful because of its dynamic quality and its final conclusion (1).

Although he is tactless and nonconformist, he is still a morally good man because of his underlying kindness and real integrity (2).

Although your lawn needs cutting, you ought to take your son to the movie because the picture is ideal for children and will be gone by tomorrow [Conductive arguments] (3).

Как видим, кондуктивные рассуждения многозначны, они показывают одновременную приемлемость и неприемлемость доводов. То есть в примере (1) *диссонанс в музыкальном произведении* все же не отменяет его достоинств

в виде *динамичности и финала*. В примере (2) *бестактность и нонконформизм* — это доводы «против», но одновременно приемлемы и доводы «за» — *человек честный и добрый*. В примере (3) *сына надо сводить в кино*, и для этого есть веские причины, но одновременно с этим недопустимо, чтобы *лужайка оставалась непостриженной*. На первый взгляд кажется, что эти аргументы и примеры несколько эклектичны, но они часто встречаются в естественной языковой аргументации и иллюстрируют небинарность человеческого мышления. То есть, кроме черного и белого, есть еще серый диапазон. Но и в строгом смысле опровержением это назвать нельзя. По логике такие рассуждения нарушают закон исключенного третьего.

Опровержение рассуждения по индукции и кондукции показывают такое свойство критики как *экстенсивность*. Критика *трансформирует* и сдвигает аргумент относительно сети аргументации, а не элиминирует его полностью. Таким образом, обоснование и доказательство направлено на закрытие темы, тогда как оспаривание, критика и опровержение, напротив, предотвращает закрытие дискуссий и стимулирует ее открытость.

Далее рассмотрим два вида отрицания полемическое и дескриптивное.

Второй аспект критики, который мы обозначили в начале раздела, связан с критикой как отрицательным рассуждением. В работе О. Дюкро [Ducrot, 1973] можно найти тезис о двух видах отрицания, полемическом и дескриптивном. Первое соответствует речевому акту отрицания и представляет собой опровержение предшествующего позитивного высказывания, а второе — утверждение негативного содержания без ссылки на предшествующее антитетическое утверждение. И таким образом, дескриптивное отрицание ничем не отличается от утвердительного высказывания, в котором сообщается новая информация. Полемическое отрицание коммуникативно связано с отрицаемыми элементами и содержит в пресуппозиции опровергаемое или корректируемое мнение.

Еще одной проблемой исследования критики в логическом аспекте является интерпретация естественного языка с помощью логических форм.

Это отдельная область логического анализа языка, но мы изложим ее лишь эскизно. В логике высказываний о языковом выражении можно сказать только одно из двух: истинно оно или ложно, а вопросы, приказы, восклицания, отдельные слова (например, *Вранье! Абсурд!*) не являются высказываниями. Методологической проблемой является то, что высказывания, содержащие критику, как раз представляют собой разнородные действия, которые варьируются от сомнений до возражения и не связаны с критикой. Например, ирония, риторический вопрос невозможно обозначить логическими средствами. Критические суждения могут вовсе не содержать отрицания. Например, *Вы ошибаетесь; Приведенные вами факты устарели.*

Представим некоторые операциональные термины. Языковой формой *суждения* является повествовательное предложение. *Суждение* и предложение не совпадают по своему строению. Суждение состоит из двух терминов — *субъекта* и *предиката*, которые в предложении совпадают с группой подлежащего и группой сказуемого. Суждения делятся на простые и сложные. Простые суждения не содержат логических союзов, например, *Петров — студент экономического вуза*. Сложные суждения состоят из нескольких простых, соединенных между собой логическими союзами, например, *Управлять — значит предвидеть, а предвидеть — значит много знать* [Цицерон].

Принята объединенная классификация суждений по количеству и качеству:

Общеутвердительные /А/: Все S есть P.

Общеотрицательные /Е/: Ни одно S не есть P.

Частноутвердительные /И/: Некоторые S есть P.

Частноотрицательные /О/: Некоторые S не есть P.

Таким образом, при анализе видов умозаключений в критике можно получить данные о том, какая информация в них содержится. Например, прямое отрицательное умозаключение (и опровержение).

1-я фигура. Модус Celarent. Аксиома: Субъекту X отказывается в силу его принадлежности к классу S в обладании тем признаком P, который этому классу ингерентно не присущ. Формула: 1. Ни один S не может быть P. 2. X есть P. Значит, X не может быть S.

2-я фигура. В её модусах Cesare и Camestres происходит исключение элемента X из класса S в силу обладания или необладания его признаком P, ингерентно присущим или не присущим всему классу S. Модус Cesare. Формула: 1. Ни один S не есть P. 2. Данный X есть P. 3. Значит X не есть P. Модус Camestres. Формула: 1. Все S суть P. 2. Этот X не есть P. 3. Следовательно, X не есть S. Косвенное опровержение (от противного). Если бы A (p), то было бы B (q) // если B нет (не-q), значит, нет и A (не-p). Логическим итогом косвенного опровержения «от противного» является контрапозиция с отрицанием и конверсией [Рагозина, 2019, с. 71].

Подводя итог, отметим, что характеристикой критики / опровержения является категория ретроспективности. Диалектический смысл понятия критики заключается в специфической природе фальсификации в связи с процедурой опровержения и установления ложности. Реальное отрицание в критике представляет собой многообразные формы, которые могут не опровергать аргумент, но трансформировать его, смещать относительно начального рассуждения, более того, опровергаемые пропозиции становятся частью критики. В дедуктивных умозаключениях критика трактуется как акт разрушения, *элиминации* доказательства, что в коммуникативном аспекте содержит потенциал открытия дальнейшего рассуждения. Рассуждения недедуктивного типа указывают на свойство критики в виде *экстенсивности*.

Основной смысл критики в логике — отрицание логической корректности: критика выявляет логические ошибки в аргументах или рассуждениях, что может привести к отрицанию выводов, сделанных на основе неправильных логических шагов. В связи с этим критика как разновидность опровержения является процессом формирования выводного знания.

1.3. Лингво-аргументативный статус критики

Диапазон проявления критики настолько разнообразен, что не может не вызывать научной рефлексии со стороны лингвистов. Этап в развитии аналитической философии, выразившийся в возникновении философии логического анализа и лингвистической философии, привел к прямому переносу некоторых логических понятий, принципов анализа и установок на языковые единицы. Рассмотрев широкий контекст разноплановой литературы, приходим к выводу, что как таковой концепт КРИТИКА встречается в лингвистических работах лишь спорадически, но исследован широкий спектр ее проявлений. Научный дизайн исследований повторяет основные концепции из философии и логики. Но есть и новые осмысления критики, которые тяготеют к социологии и имеют междисциплинарный посыл. Рассмотрим последовательно интерпретацию критики в лингвистическом смысле, объединив соответствующие подходы по кластерам.

1. Отрицание. Одна из ключевых лингвистических функций критики заключается в выражении несогласия. Это включает в себя использование различных форм отрицания для указания на недостатки или неправильность действий, концепций или мнений. Именно отрицание является языковым фактом проявления критики, а семантика отрицания систематически исследуется в лингвистике с точки зрения логики [Санников, 1989; Падучева, 1997; Урысон, 2000; Рахилина, 2008; Драгалина-Черная, 2009; Малинович, 2009; Рагозина, 2009; Ladusaw, 1996; Laka, 1990; Naegeman, 2013; Harves, 2013]. Основанием для такой трактовки является то, что отрицание имеет прямое соотнесение с логикой в виде логического/семантического оператора отрицания. Логическая техника, таким образом, позволяет выделить ряд вопросов, связанных с отрицанием. Основные опции можно представить в виде следующих направлений, которые взаимосвязаны.

Философская проблема онтологии отрицания *A лишено свойства P* и *A не есть P* в лингвистике исследуется с точки зрения утверждения (ассерции) и отрицания (негации) в многообразных формах их языковой реализации

(отказ, опровержение, возражение, сомнение, запрет и др.). Исследуется актуализация данных категорий в виде отрицательных, утвердительных, причинных пропозиций ([Малинович, 2009]). Значимую часть занимает вопрос онтологии отрицания: отрицательные высказывания, по мысли Е. Г. Драгалиной-Черной, могут рассматриваться как выражающие «присутствие отсутствия» или как результат логического вывода об «отсутствии присутствия» некоторых обычных «позитивных» фактов [Драгалина-Черная, 2009, с. 24].

Семантические и синтаксические аспекты фразового и сентенциального отрицания. Во многих работах исследуются специализированные языковые средства отрицания, анализируется связь отрицания и грамматических явлений, синтаксические механизмы, лицензирующие свойства отрицания [Корнакова, 2014]. Актуальна проблематика семантического и риторического, а также разных видов невыраженного отрицания в виде иронии и поверхностного отрицания. Структура отрицания, например, нейтральное отрицание вида *не P* и противопоставительное (контрастивное) — *не P, а Q* [Труб, 2005].

Отрицание анализируется с точки зрения категоризации, концептуализации и смыслопорождения. По мысли Н. К. Рябцевой, «вглядываясь в то, что человек утверждает или отрицает, можно увидеть мир, в котором он живет, а вглядываясь в мир, в котором он живет, можно увидеть то, что он утверждает и отрицает» [Рябцева, 2009, с. 118]. Это развито в когнитивно ориентированных работах Н. Н. Болдырева, где отрицание связано с интерпретирующей функцией языка [Болдырев, 2008]. Исследуются вопросы модальной и оценочной интерпретации. Приведем цитату Т. Б. Радбиль: «В *не*-номинации одновременно присутствует и сам предмет, и точка зрения на него говорящего, т. е. он выступает и как реально существующая субстанция, и как факт концептуальной сферы говорящего» (разрядка наша) [Радбиль, 2009, с. 101].

Часто обсуждаемым является вопрос о том, какая категория более фундаментальна, отрицание или утверждение. Проблема дескриптивного, семантически автономного *верно, что не p* и полемического реактивного отрицания *неверно, что p* исследуется в терминах дескриптивно-выводного, дескриптивно-невыводного, полемического отрицания (см., например, [Рагозина, 2009]).

Логический метод дает возможность реконструирования языковых проявлений критики. Это нашло отражение в работах, исследующих контраргументацию. Например, А. В. Пучкова установила, что языковое выражение контраргументации представлено сочетаниями разнообразных лексических единиц с противительным, прохибитивным значением (глаголы с алетической и акциональной модальностью, неглагольные средства выражения несогласия, адверсативные союзы и наречия с противительным значением и т. п.), средствами выражения негативной оценки (аргументативные переменные, вводные слова, перформативные обороты и т. п.), средствами обеспечения когезии про- и контраргумента (эллипсис, вводные конструкции, дескриптивные варианты ментальных перформативных высказываний и т. д.) [Пучкова, 2006, с. 5]. Для анализа критики применяется понятие «Аргументативный Шаг» [Васильев, 2014]. Установлено, что логическая когерентность Аргументативного Шага опровержения на интерактивном уровне соответствует трём элементам аргументативного комплекса. Это имеет вид трёхчастной текстовой структуры, где представлена констатация опровергаемого утверждения, его оценка, обоснование оценки [Баребина, 2020].

Отметим, что исследование отрицания и его проявления в языке представляют собой чрезвычайно широкое поле научных изысканий и по хронологии, и по спектру обсуждаемых вопросов, изложение которых потребовало бы отдельной монографии или главы. На современном этапе ученые сходятся во мнении о том, что языковые концепты отрицания устроены намного сложнее, чем их логические аналоги. Об этом говорит и

установленный Н. Д. Арутюновой «факт асимметрии утверждения и отрицания в логике и в языке» [Арутюнова, 1999, с. 664], и наличие языковых парадоксов, когда «опровергается то, что отрицается» [Суховерхов, 2009, с. 357]. Интерпретация признака «отрицательности» и его грамматическая реализация в составляющих разных категорий может значительно различаться. Техники и методология логического анализа могут прояснить многие вопросы в передаче отрицательных или конструктивных замечаний в критике, однако своего рода «методологический зазор» может быть устранен лишь при обращении к реальным контекстам речевой практики. Это и демонстрируют работы, в которых данные о логике языка спроецированы на область дискурса и коммуникативной лингвистики, которые позволили расширить область поиска до значительных границ междисциплинарности.

Другим значимым направлением, применяющим идеи логики в анализе языкового проявления критики, является реконструкция критического дискурса с помощью логической техники. Такой подход помог исследовать пропозициональную структуру критики. В таких работах сделаны выводы о соотношении логических операций опровержения с логическими операциями обоснования, сделаны выводы о структурной симметричности аргумента и контраргумента, о ретроспективности контраргумента [Пучкова, 2006; Рагозина, 2009; Quiroz, 1992; Apothéloz, 1993]. В этом же ключе выполнено исследование Н. С. Баребиной, в котором по отношению к критическим реакциям в дискуссиях применены параметры фокуса, нормы, вида действия и уровня. В связи с этим все репликовые шаги оппонента распределены автором по следующим параметрам.

По параметру фокуса все критические реакции направлены на один из компонентов аргументативного комплекса «пропозиция аргумента → основание для инференции (демонстрация) → пропозиция тезиса».

По параметру нормы критические реакции относятся к критике валидности аргументации и критике норм ведения дискуссии.

По параметру «вид действия» все критические реакции подразделяются на кларифицирующие (запросы, сомнения) и фальсифицирующие. Фальсифицирующая контраргументация формирует сильное опровержение / конструктивную критику (контртезис) и слабое опровержение / деструктивную критику (указание на недостатки проаргументации).

По параметру уровня выявляются критические реакции основного уровня и мета-уровня; в последнем случае критика представляет собой составляющую часть дискуссий по поводу процедурных компонентов аргументативного взаимодействия, которые не касаются основного аргументативного комплекса «тезис – аргумент – логическая связь между ними» [Баребина, 2020, с. 310].

Расширение этой тематики возможно при подключении к исследованию коммуникативного компонента. Аргументация критики в виде коммуникативной ситуации контраргументации также исследована в работах Н. С. Баребиной, где сделаны выводы о том, что контраргументация направлена на формирование противоположного заключения. Однако подход Н. С. Баребиной, реализованный в ряде публикаций, дополняет эти выводы. Доказано, что качество контрарности в контраргументации характеризуется такими понятиями, как противоположность, обратность, отрицательность и *экстенсивность*. То есть контраргументация реализует идею противоположности и *распространения* [Баребина, 2020]. Это говорит о том, что если обоснование ведет к закрытию дискуссии, то критика, напротив, способствует дальнейшему анализу, разбору темы, значит, вектор критики как коммуникативного действия направлен на активизацию языкового взаимодействия.

2. Прагматика. С точки зрения лингвистической прагматики в исследовании критики учитываются два объективных условия: исследование в коммуникативной ситуации и функциональные характеристики критики. Следуя таким путем, ученые указывают на различные способы реализации критики. Для этого используется терминология прагмалингвистики: речевой

акт репрезентатива, коммуникативный акт, инициативный и реактивный речевой акт, успешность и неуспешность, коммуникативная интенция.

Исследуются разновидности критики как коммуникативного действия. К таковым следует отнести опровержение, которое включает следующие элементы: отрицание, фактические и логические доказательства, утверждение. Установлены типы дискурсов, в которых данное действие реализуется наиболее регулярно [Андреева, 2009; Боц, 2021].

Кроме того, как показала Е. В. Пучкова, существуют и прагматические способы выражения опровержения в виде уверенного речевого поведения [Пучкова, 2006]. Безусловно, речевое поведение и языковая личность критика дают много материала для осмысления. Эта работа расширяет понимание критики исследования в рамках дискурсологии. Е. В. Пучкова указывает, что опровержение следует трактовать как манифестационно-знаковое образование, возникающее в результате кодирования контраргументации в дискурсе опровержения [Пучкова, 2006].

Данные исследования И. В. Андреевой, проведенного на основании пропозиционального анализа, подтверждают идею ретроспективности по отношению к высказыванию-стимулу. Ученый показывает генезис возражения, начиная от возникновения противоречия между инициативным и реактивным высказыванием. Актуальным, на наш взгляд, является рассмотрение неязыковых факторов-стимулов проявления коммуникативного намерения возражения, к которым можно отнести намерение возражать, общий круг референции, вовлеченность агентов в ситуацию спора [Андреева, 2009]. Также мы согласны с ученым в том, что специализированные средства выражения возражения в реальной коммуникации встречаются крайне редко, а осуществляются они путем использования языковых средств, характерных для выполнения иных коммуникативных действий.

Критические высказывания в политическом дискурсе проанализированы Т. С. Боц [Боц, 2021]. Исследователь подтверждает

принимаемый в данной работе подход о том, что критика – это явление аргументативной природы.

Общим местом является то, что критика представляет собой диалогический модус взаимодействия. Пожалуй, самым проблемным в этой тематике является полнота и языковое выражение критики. Действительно, обоснован ее реактивный характер и тесная семантическая и прагматическая связь с инициативным речевым актом утверждения [Кунаева, 2009], что предполагает спектр реакций от сомнения до опровержения в структуре обмена диалогическими ходами:

Иницилирующая реплика *You lied to me*

Реактивная реплика *I didn't lie / Rubbish! / Are you sure about that?*

Почти все исследователи сходятся во мнении, что критика – это в большей или меньшей степени негативная оценка. Некоторый разброс мнений наблюдается в том, каков референт этой оценки. Большинство ученых исследует именно реактивную оценку в реальном или отсроченном языковом взаимодействии. Но, мы не можем с этим полностью согласиться. На наш взгляд, необходимо вести речь и о том, что сама критика выступает в качестве иницилирующего суждения. Некоторые исследователи говорят об этом, но не четко или в других терминах, например, указывая на альтернативное высказывание, неverified суждение. Однако даже в приведенном коротком примере видно, что иницилирующая реплика — это также негативная оценка, которая не связана с никаким предыдущим высказыванием.

Если действительно считать критику явлением аргументативного характера, то критика является выражением негативной точки зрения. Референтом критики в этом случае выступает не существующая проаргументация, а некоторое положение дел. Приведем пример критики нереактивного типа.

Культура и политика не должны быть на одном уровне. Музыканта нельзя ставить перед выбором. Цензурирование артистов — это очень негативный и очень неправильный сигнал (4).

Еще одним проблематизируемым вопросом является анализ той информации, которая содержится в критических суждениях. Установлено, что данное речевое действие объединяет жанры обвинения, упрека, укора, порицания, провокации [Иссерс, 2009; Боц, 2021, с. 6]. Но, кроме этого, выявлена система стратегий и тактик критики при выражении критического суждения: конфронтационная стратегия — тактики упрека, угрозы, обвинения, иронии, возмущения, оскорбления, сравнения и прерывания; нейтральная — тактики молчания, игнорирования и прерывания; кооперативная — тактики намека, совета, смягчения и сравнения [Медведева 2015, с. 6]. Согласимся с мнением исследователя и приведем пример кооперативной критики:

И даже критика часто выражается в форме дружеских пожеланий и советов (5).

Примечательно в данном случае то, что критика как инициирующая негативная аргументация является коммуникативной провокацией. Представленный выше пример (5) послужил сигналом для комментариев:

Культура и политика не должны быть на одном уровне. Музыканта нельзя ставить перед выбором. Цензурирование артистов — это очень негативный и очень неправильный сигнал (4).

Комментарий 1. *Ну пусть Труффальдино им теперь сыграет... (4).*

Комментарий 2. *Внутри-итальянские партийные разборки, а жертвами становятся артисты (4).*

Еще одним важным аспектом является коммуникативная интенция критики. Многие исследователи указывают на интенции эмоциональной дестабилизации и провокации, что представляет оппозицию рациональному идеалу поиска истины. Это подтверждает идею экстенсивности критики.

3. Лингвокультурология. Стимулом к новому осмыслению феномена критики стали разного рода события, происходящие в периоды масштабных социокультурных, экономических и политических изменений в социуме. Лингвисты обратили внимание на то, что действие критики представляет

удачные пути, которые в конечном итоге позволят достичь рациональных целей критики. Критика имеет важный лингвистический статус, так как в ней используются языковые средства для передачи негативной оценки, задействуются различные формы вежливой формулировки и уточнения. Это может включать в себя использование позитивных оценок, просьб к получателю, а не утверждающих выражений, что можно сделать лучше.

В целом, статус критики в лингвистике включает в себя широкий диапазон действий, как связанный с использованием специализированных лингвистических средств отрицания, так и не связанных с ним. То есть критика является немаркированным речевым действием. Эксплицируется идея ретроспективности, экстенсивности, конфликтогенности, характерна негативная оценочная семантика.

Критика в аргументации. Феномен критики имеет сильные логико-философские корни, он представляет собой метод познания, действий коррекции относительно некоторого критерия, которым выступает категория истины. Проблема, фиксируемая учеными, состоит в том, что устоявшиеся воззрения, будучи экстраполированными на область реальных явлений общественной жизни, имеют мало объяснительной силы в отношении самой критической деятельности. Об этом В. Г. Хомелев пишет следующим образом: «Столь часто встречающиеся в общем правильные суждения о роли критики в жизни общества носят весьма абстрактный и нередко декларативный характер» [Хомелев, 2004, с. 3]. На разрыв между логикой и практикой рассуждения указывают современные ученые, это уже стало «общим местом». Однако и дискредитировать логику в корне неверно. В аспекте этой проблемы выгодное положение в изучении критики занимает теория аргументации, которая, как известно, имеет более сформированный базис изучения рассуждений с точки зрения социального и интеллектуального действия. Рассмотрим, какую роль отводят аргументологи критике.

Теория аргументации представляет собой междисциплинарный подход, и в настоящее время сформировано системное представление об этом

направлении. Разные ученые на разных основаниях выстраивают такую систему. Так, в научной школе Г. М. Костюшкиной исследуется аргументация в аспекте концептуальной систематики речи и речевой деятельности. Аргументация как феномен речемышлительной деятельности может рассматриваться и как явление системы представления (языка), его ментальной сферы с моделированием аргументативного механизма языка, так и речи, и речевой деятельности. В подходах данной школы авторы предлагают примеры изучения систем аргументации как феномена речевой деятельности в концептуально-категориальном плане, категориально-социальном плане, а также как феномена речи/дискурса, находящего выражение при помощи умозаключений [Костюшкина, 2016, с. 25].

В Калужской научной школе предлагается логико-лингвистический подход к аргументации: аргументация — это дисциплина, изучающая способы обоснования утверждений в рамках рассуждения или обмена рассуждениями, и тем самым отделяющаяся от риторики как учения о способах убеждения [Васильев, 2014, с. 55]:

В работах В. Н. Брюшинкина и Е. Н. Лисанюк разработан логико-когнитивный системный подход к аргументации [Брюшинкин, 2007; Лисанюк, 2016]. Аргументация — разновидность социально-ориентированного рационального поведения и представляет собой выражение интеллектуальной деятельности людей [Лисанюк, 2016, с. 130]. В подходе Е. Н. Лисанюк особое внимание уделено рациональности познавательной деятельности аргументации, более того, ученый считает аргументацию разновидностью познавательной деятельности.

В работах голландских ученых, обобщивших взгляды разных научных школ и построивших генезис подходов к аргументативному дискурсу, представлена систематическая теория аргументации с акцентом на прагматическую диалектику. Аргументация — это вербальная, социальная и рациональная деятельность, направленная на то, чтобы убедить разумного критика в приемлемости некоторой точки зрения путем выдвижения комбинации

пропозиций, подтверждающих или опровергающих точку зрения [Еемерен, 2021, с. 5].

Общее понимание критики в теории аргументации все так же связано с идеей критического рационализма и организованного скептицизма. В этом смысле критика — это своего рода вспомогательное средство по отношению к мнениям и точкам зрения. Методологическая роль критики состоит в выявлении слабости, недостатков или нелогичности в аргументации посредством оценки и анализа аргументов и рассуждения. Это имеет вид аргументативного позитивизма, где положительная и рациональная роль критики состоит в том, что систематическое оценивание и проверка помогают развивать более качественное обоснование и доказательство. Перефразируя слова Ф. Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста, можем сформулировать первое понимание критики в аргументации. *Критика должна согласовываться со стандартами, применяемыми в социокультурном сообществе, где предъясняется аргументация.* К таким стандартам относится многомерное понимание истины, в основу которой может быть положен не один критерий. Во-первых, классическая научная концепция истины предполагает идеал познания объективной реальности (корреспондентская теория истины). Во-вторых, критерий истины требует согласования идей с мнением сообщества (интерсубъективная теория истины). В-третьих, в основе прагматического понимания истины лежит идея полезности, эффективности (прагматическая теория истины). Вторым стандартом критики являются *стандарты ведения дискуссии.*

Если сформулировать роль критики в аргументации, то можно обозначить несколько наиболее очевидных ее аспектов. Первый — это реактивная критика.

В этом случае критика выполняет роль разрушения доказательств. Схематически действие критики можно представить следующим образом:

Аргументы → инференция → Тезис

По этой схеме разрушению может подвергнуться любой из этих элементов пропозиции. Это достигается выявлением нелегитимности аргументов, неправильности логической структуры, поиском фактов, противоречащих тезису. Кроме того, возможны альтернативные точки зрения.

Приведем пример. Ситуативный контекст. Пример представляет собой фрагмент переписки между рецензентом (A1 — агент дискуссии 1), давшим отрицательный отзыв о диссертации и опубликовавшим открытое письмо, в котором он объясняет причину отказа, и соискателем (A2 — агент дискуссии 2).

A1. Четкое выделение основных результатов диссертации и соответствие каждого из них докторскому уровню является содержательным (а не формальным) требованием. Для математика важно не только решать проблемы, но и грамотно расставлять приоритеты. Когда я покупаю собранный компьютер и обнаруживаю, что качество одной детали не соответствует запрошенной цене, я ухожу к другому продавцу (а не рассматриваю другие детали в надежде, что низкое качество одной детали компенсируется сверхвысоким качеством другой). Аналогичный подход необходим при рассмотрении работ, претендующих на поощрение <...>. Противоположный подход приводит к — сознательному или бессознательному — запутыванию оценки результатов и тем самым мешает прогрессу науки (б).

Если воспользоваться моделью аргументативных функций, то в фрагменте можно выявить суждение о том, что *не следует тратить время на рассмотрение некачественных работ. Диссертации, в которых обнаружены погрешности так же не нужны, как и компьютеры с некачественными деталями.* Рассмотрим ответ.

A2. И Вы снова обосновываете свою позицию тем, что если при покупке компьютера Вы обнаруживаете плохую деталь, то отказываетесь от покупки. Это рассуждение не имеет отношения к сути дела (по моему мнению, оно чисто демагогическое). Мы обсуждаем диссертации, то есть

штучные, сложные творческие произведения (иногда запутанные ввиду новизны исследований), а не штампованные изделия, изготовленные на поточном отлаженном конвейере (6).

В данном примере мы видим указание на неверный логический прием. Аргументация может содержать логические трюки или ошибки, такие как апелляции к эмоциям, поспешные обобщения, ложные аналогии. А2 указывает на ложную аналогию: при создании аналогии на основе незначительного сходства А1 упускает принципиальные различия между ними. В данном случае критикуется инференция, то есть логический переход от аргумента к тезису отсутствует, следовательно, весь тезис (суждение) неверен.

Пример демонстрирует еще одну важную характеристику критики в аргументативном процессе. Общение происходит относительно некоторого императива, который значим в этом сообществе, в данном случае — *прогресс науки*.

Такая интерпретация критики в теории аргументации связана с полемическими контекстами в режиме здесь и сейчас или в отсроченных форматах, опосредованных медиа, почтой и т.д. Критика может быть частью полемики, но она фокусируется больше на оценке и анализе, а не на споре и противопоставлении точек зрения. Реактивный характер критики по отношению к существующей аргументации предполагает совместный интерактивный поиск консенсуса. На первый план выходит нормативный аспект — *критика должна соответствовать правилам дискуссии, которые способствуют преодолению разногласий и которые приемлемы для участников спора*. Поиск приемлемости и допустимости критериев решается посредством разработки кодекса участников дискуссии. Эта линия наиболее последовательно представлена в прагматодialeктическом подходе к аргументации [Eemeren, 1992; 2010].

Еще одним случаем является критика, которая сама выступает как форма аргументации, например, в правовой сфере, научной, литературной критике, социальных сетях и медиа. Это случай негативной аргументации [Cabrerá,

2019], где критика является рассуждением, аргументацией негативной точки зрения по отношению к некоторому референту.

Рассмотрим пример, контекст которого следующий: журналист С. Пархоменко высказался по поводу решения учредителя благотворительного фонда «Вера» Н. Федермессера вступить в Общероссийский народный фронт:

А все ли помнят, с чего начинала Елизавета Глинка, и в какое услужливое, потасканное ничтожество она позволила себя превратить незадолго до смерти? Все помнят, как кремлевские сволочи ее хладнокровно и сноровисто употребили в дело на раннем этапе войны в Донбассе? Это я к тому, что нам всем нужно очень беречь Нюту Федермессер и очень терпеливо объяснять ей и тем, кто с нею работает, зачем их втаскивают туда, где они постепенно оказываются (7).

В данном примере мы видим критику со стороны журналиста. Оставляя пока в стороне риторику сообщения (данное сообщение явилось триггером обширной дискуссии, даже тех, кто разделял взгляды журналиста, тон его высказываний привел в негодование), выделим структуру рассуждения.

Тезис: Учредитель благотворительного фонда не должен идти на компромиссы с властью. Аргумент: Такие компромиссы приводят к смертельным последствиям. Инференция: Пример: Основательница фонда «Справедливая помощь» Е. Глинка начинала так же (аналогия).

Пример демонстрирует, как критика инициируется самим агентом, имеет референт к некоторым событиям. Относительно какой теории истины происходит коммуникация — корреспондентской, intersубъективной, прагматической, — неочевидно. Здесь мы видим, что нет никаких специализированных языковых средств выражения негации. Этот пример показывает, что критика — это не только рациональное действие, но и эмоционально заряженное речевое событие, которое способно привести к определенным изменениям, мобилизуя последователей и объединяя оппонентов.

Итак, критика, будучи рассмотренной с точки зрения теории аргументации, представляет два способа: 1) реактивная критика (критика существующей аргументации, рассуждения, доказательства), 2) критика как форма аргументации (аргументирование негативной точки зрения).

1.4. Функциональный диапазон критики

Исключительной функцией критики как метода познания, ее первичной функциональной средой является оценивание и анализ в условиях рациональной рекреации. Все же критика сочетает в себе и черты нескольких других видов деятельности — творческой, интеллектуальной, эстетической — в большей или меньшей степени проявляющихся в разных дискурсах и деятельности, например, в науке, искусстве, публицистике, политике. Особенно хорошо исследована критика в таких областях, как наука и литература. Однако изменения в характере коммуникации затрагивают всё больше сфер человеческой жизни, включая профессиональное общение, общественное и деловое взаимодействие групп людей и организаций. «Цифровая революция» [Катасонов, 2018], которая сопровождается сменой социального и технологического уклада ведет к большим трансформациям идеала рациональности. В современной жизни все чаще появляются девиантные формы критики. Поэтому актуален вопрос функции критики.

В науковедении выделяются такие функции критики, как селекционно-оценочная, эвристически-прогностическая, корректирующе-развивающая, концептуально-конструктивная, концептуально-негативная, обвинительно-идеологическая [Баранец, 2011]. Обнаруживается понимание критики как фильтра, барьера, охраны, защиты традиции в той или иной научной парадигме, а также как инструмента власти для осуществления негативных санкций [Аверькова, 2011].

Как следует из главы, функции критики глубоко фундированы в философском осмыслении телеологии критики, поэтому существенным является понимание критики, транслируемое направлением критического

рационализма. Критический рационализм — это философская и научная методология, развитая К. Поппером, которая акцентирует важность критического мышления, проверки гипотез и опровержения теорий. Анализ работ ученого и его интерпретаторов [Поппер, 2022; Тарутин, 2021], позволил выявить следующие принципы данного направления.

1. Фальсификация: истинность научных теорий не может быть безусловно доказана, а только проверена их опровержением. Научные гипотезы и теории должны быть выдвинуты таким образом, чтобы существовал шанс их опровержения. Если гипотеза выдерживает множество проверок и критики, она может рассматриваться как лучше подтвержденная, но всегда существует возможность, что в будущем она будет опровергнута.

2. Критическое мышление: подчеркивается необходимость активного и критического мышления. Вместо пассивной веры в теории, критический рационализм призывает к постоянной проверке и изменению теорий с целью улучшения знаний.

3. Эволюционный подход: научное познание рассматривается как эволюционный процесс. Развитие научных знаний описывается как постоянный поиск и критика неправильных и ошибочных теорий, что в конечном итоге приводит к более точным и надежным знаниям.

4. Социальная критика: критический рационализм распространяется не только на научную мысль, но и на социальные, политические и философские идеи.

В связи с последним положением отметим еще один аспект критики, который дает основания трактовать данный феномен как социальный институт. Тогда такая критика является еще одной областью исследований, представляя собой зону совместного действия и опыта, что соотносится с концепцией социального конструктивизма, в частности, с идеей саморегулирования сообществ. В этом значении критика рассматривается как властный дискурс [Андреева, 2014], «социальная и публичная критика» (в терминах Л. Н. Тимофеевой [Тимофеева, 2020]), представляющие собой

системообразующий код, с помощью которого из системы исключаются все не присущие ей коммуникации [Антоновский, 2006]. Это обнаруживает междисциплинарные связи с социолингвистикой с точки зрения социального автопоэза и специализированными областями критики, такими как литературная критика, научная критика, медиакритика, где для каждого дискурса актуален свой внутрисистемный код.

В работах Н.С. Баребиной имеются примеры осмысления внутрисистемного кода, формируемого отрицательной аргументацией (контраргументацией) [Баребина, 2012; 2019].

Внутрисистемный код социальной системы относится к набору правил, норм, ценностей и процедур, которые регулируют внутреннюю деятельность и функционирование данной социальной системы. Он служит своего рода внутренним языком или системой обозначения, которая определяет то, что признается правильным и неправильным, допустимым и недопустимым в рамках данной системы.

Внутрисистемный код состоит из ряда элементов, рассмотрим их подробнее.

1. Правила и нормы. Внутрисистемный код включает в себя правила и нормы, которые определяют, как люди внутри социальной системы должны вести себя и взаимодействовать друг с другом. Эти правила могут относиться к таким аспектам, как поведение, коммуникация, роли, ожидания и т.д.

2. Ценности. Ценности являются важной частью внутрисистемного кода и представляют собой идеи о том, что является желательным и ценным в данной социальной системе. Ценности могут включать такие качества, как справедливость, свобода, равенство или другие ценности, которые определяют поведение и принятие решений в рамках системы.

3. Процедуры и протоколы. Внутрисистемный код также может включать процедуры и протоколы, которые определяют способы выполнения определенных действий, решение проблем или принятие решений в

социальной системе. Это могут быть формальные или неформальные процессы, которые обеспечивают эффективное функционирование системы.

4. Коммуникационные модели. Внутрисистемный код может включать специфические коммуникационные модели, которые используются в данной социальной системе. Это может включать специфический язык, терминологию или способы взаимодействия и передачи информации.

Внутрисистемный код социальной системы может различаться в разных культурах, организациях или сообществах. Он служит основой для поддержания внутреннего порядка и согласованности внутри системы, а также определяет ожидания и нормы поведения членов этой системы. Таким образом, очевидна познавательно-преобразующая роль критики в социуме.

Итак, в главе мы рассмотрели логико-философский базис критики, ее лингвистический статус и реализацию в теории аргументации. Теперь можно сделать некоторые обобщения о том, какова терминируемая этим словом реальность. По большей части концепт критика представляет собой узел омонимичных терминов, которые нередко взаимозаменяют друг друга в разных ситуациях. В целом, можно утверждать, что в отношении феномена критики произошел дисциплинарный трансфер из области философии и логики на область естественного языкового взаимодействия, где критика принимает различные черты. Особое место занимает критика с точки зрения инструментария критического мышления, который реализует идеал скептицизма, являющийся частью метапознания в виде стратегий осознанного мышления. Важно и то, что с точки зрения когнитологов, не синтез, а анализ свойственен человеческому мышлению. Это означает, что познать всю действительность невозможно, тогда как сделать действие-различение для человеческого мышления вполне естественно. Обозначим две ипостаси критики.

Критика-1. Метод познания. Как метод научного исследования критика играет важную роль в развитии знания и научного прогресса. Она включает анализ и оценку исследований, идей, теорий или выводов, применение

логических и эмпирических аргументов для их проверки и опровержения. Критика выявляет ограничения и недостатки существующих идей или концепций относительно некоторого стандарта, а также предлагает новые альтернативы, гипотезы или подходы. Она способствует обсуждению и обмену мнениями между учеными и способствует дальнейшему развитию знания в конкретной области.

Критика-2. Как коммуникативное явление критика является процессом выражения негативных мнений и разногласий в отношении определенных идей, действий или произведений. Она включает обсуждение, анализ и оценку с позиции собственных убеждений субъектов, их опыта или ценностей. Критика может быть высказана в форме письменного или устного выступления, обзора, комментария, рецензии или дебатов. Коммуникативная критика может иметь разные цели, включая информирование, убеждение, изменение мнения, вызов к действию или развлечение.

Выводы по первой главе

Представленный в главе обзор демонстрирует потенциал четырех теоретических аспектов изучения критики: философии, логики, аргументации, лингвистики, которые дают следующие интерпретации исследуемого явления.

1. Философский базис формирует характеристики критики как метода научного познания (Критика-1). Познавательно-преобразующая роль критики обусловлена философскими направлениями критического рационализма и организованного скептицизма. Базовыми императивами являются поиск истины, анализ, рациональность, отрицание. В гносеологическом смысле это явление представляет собой ступень критической деятельности: осмысление → критика → опровержение.

2. Основной смысл критики в формальной логике — отрицание логической корректности: критика выявляет логические ошибки в аргументах или рассуждениях, что приводит к отрицанию выводов, сделанных на основе неправильных логических шагов. Анализ видов опровержения показывает, что критика осуществляется по отношению к умозаключениям дедуктивного и недедуктивного типа, где она трактуется как акт разрушения, элиминации доказательства. Логически критика является частью дихотомии обоснование—доказательство ↔ критика—опровержение, где первый элемент каждой дихотомии является меньшим по полноте действия. В связи с этим критика как разновидность опровержения является процессом формирования выводного знания.

3. Лингвистическая трактовка критики включает следующие составляющие:

а) семантические и синтаксические аспекты фразового, лексического, сентенциального отрицания;

б) прагматика отрицания и смежных речевых действий в виде сомнения, оспаривания, несогласия в коммуникативной ситуации;

в) лингвокультурные особенности дискурсов, реализующих критику.

В целом можно сказать, что трактовка критики в языке охватывает широкий спектр речевых действий, которые не всегда содержат специализированные языковые средства отрицания, но включают другие связанные с этим действия, эксплицирующие несогласие. Критика является немаркированным речевым действием негативной оценочной семантики. Это выражает идею ретроспективности, экстенсивности и конфликтогенности, а также характеризуется негативной оценочной семантикой. Очевиден и терминологический перенос дефиниций критики из области логики и философии (Критика-1) на область естественных языковых взаимодействий (Критика-2), что не всегда соответствует действительности.

Если логическая трактовка критики — это формальная система, применимая к анализу внеконтекстных высказываний, то аргументативная теория операционализирует логику как инструмент исследования критики в коммуникативном пространстве. Пропозициональная структура критики подразделяется на два способа:

1) реактивная критика (критика существующей аргументации, рассуждения, доказательства);

2) дескриптивная иницирующая критика (аргументирование негативной точки зрения относительно некоторого положения дел).

Характеризуя критику как лингвообъект, отметим, что последняя представляет собой часть более широкого дискурса, в котором обсуждаются и оспариваются определенные идеи и ценности. Это подразумевает исследование коммуникативной ситуации, в которой осуществляется критика. Коммуникативная ситуация критики дает возможность включить в анализ лингвокультурные аспекты, агентные структуры, прагматические стратегии и телеологию критики как зоны совместного опыта и языкового взаимодействия.

ГЛАВА II. КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ КРИТИКИ В ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ «ОТМЕНЫ»

Задачей настоящей главы является рассмотреть вопрос о реализации критики в социальном явлении, получившем название «культура отмены» в аспекте лингвистических понятий «публичный дискурс», «дискурсивная практика», «коммуникативная ситуация». Изложение мы предварим двумя терминами. «Публичный дискурс представляет собой вербальное общение с неопределенно широкой массой адресатов» [Карасик, 2018, с. 32]. Определение второго термина с небольшим перефразированием таково: дискурсивная практика — появление новых коммуникационных каналов, смешение дискурсов и кодов (интердискурсивность, поликодовость), а также формирование новых идентичностей и идеологий, стимулирующих трансформацию дискурсов [Иссерс, 2011, с. 230–231].

2.1. Понятия коммуникативной ситуации и коммуникативного события в лингвистике

Перенос логической интерпретации критики на коммуникативный контекст невозможен автоматически, без обращения к коммуникативным характеристикам, которые трансформируют рациональную оценку. Логические доказательства и опровержения должны быть соотнесены с коммуникативными процессами. Несмотря на то, что слово «критика» воспринимается как общепонятное и не требующее пояснений, нельзя считать, что характеристики и типы общения, имеющие отношение к критике, определены и систематизированы. Выражение критики в коммуникативной реальности настолько обширно и разнородно, что одна только систематизация возможных ситуаций ее проявления вызывает сложности. Критика может быть выражена в различных формах, включая письменные обзоры, рецензии, аналитические статьи, комментарии или дискуссии, полемику, споры, межличностное и анонимное общение, жалобы. Данные формы относятся к разным модусам взаимодействия, происходящим в разных режимах и по

разным каналам. При этом сама ситуация критики очень четко локализуется в любой из указанных выше форм.

Поэтому необходимо выработать стратегию анализа, которая могла бы охватить обширный класс форм проявления критики посредством фиксации соответствующей ситуации. Актуальной научной стратегией в исследовании сложных систем является декомпозиция, которая позволяет детализировать, структурировать объект и в целом уточнить рамки исследования. Анализ литературы позволяет выявить продуктивные стратегии в описании и выявлении архитектурного строения коммуникативного процесса. Одним из таких универсальных способов для исследования сложных систем в разных дисциплинах является прием выделения категории *события*. А. П. Бочарников и С. В. Свешников так характеризуют эту категорию: «Событие есть некое важное (с точки зрения кого-либо или чего-либо) законченное изменение (результат изменения, результат действия кого-либо или чего-либо), которое свершается (происходит, случается и т. д.) в рамках некоторой пространственно-временной локализации» [Бочарников, 2023, с. 8].

Существует трактовка события, которая тяготеет к системности и динамике сложностных систем социальной реальности, что происходит из концепций французских философов Ж. Делеза [Делез, 1998] и А. Бадью [Бадью 2013, 2016]. По мысли А. Бадью, события представляют собой некоторые точки, которые переплетаются в социальном пространстве, последовательность задается мышлением, имена событий представляют собой точки-понятия, которые формируют последовательность состояний, но и сами они являются фрагментами и конструктами социальной реальности [Бадью, 2016, с. 10]. В концепции Ж. Делеза событийность факту придается посредством приписывания ему определенных свойств реальности. При этом слова-события имеют потенциал практически бесконтрольной сериальности, то есть ризомы в виде совокупности актуальных и потенциальных событий. Язык, будучи средством формулирования событий, конструирует и деконструирует социальную реальность [Делез, 1998, с. 184–185].

Философские воззрения на событие сочетаются с физическими характеристиками, а именно с тем, что это прежде всего, акт говорения (в отличие, например, от природных событий). Следовательно, событие должно удовлетворять нескольким требованиям: оно должно произойти с кем-то, быть значительным, изменяющим поведение или сценарий действий явлением.

В лингвистике эта категория является продуктивным инструментом для анализа языкового взаимодействия и имеет характеристики интегративности и конструирования [Пилюгина, 2015; Борисова, 2019]. Интегративная роль события в лингвистических исследованиях проявляется в том, что при описании разных языковых фактов анализируется изменение положения дел в мире, рассматривается взаимодействие коммуникативных и когнитивных единиц, а также актуален анализ с позиций коммуникативного синтаксиса и семантики.

В лингвистике есть еще одна категория анализа, сходная с коммуникативным событием — это *коммуникативная ситуация*, описываемая Н. И. Формановской как «сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся. С одной стороны, этот комплекс порождает речь, а с другой стороны, отражается в речи в своих существенных компонентах» [Формановская, 2014, с. 60]. Лингвистическое понимание коммуникативной ситуации соотносится с интеракцией общающихся, коммуникативным актом и в каком-то смысле оно противопоставлено понятию высказывания. Однако до сих пор в научной литературе трактовки коммуникативной ситуации и коммуникативного события нечетки. Весь массив теоретической литературы по этому вопросу показывает, что существует несколько трактовок этих понятий. Представим их далее.

Первая группа исследований сосредоточена на коммуникативной ситуации. Показателен блок знания, сложившийся в результате изучения коммуникативных ситуаций отчуждения [Косова, 2013], возмущения [Чапаева, 2009], извинения [Туфанова, 2016], проявления интереса

[Бондаревская, 2023], где ученые успешно пользуются этим методологическом конструктом для категоризации монологических текстов-репрезентантов коммуникативной ситуации и диалогического взаимодействия. По аналогии с уже выявленными коммуникативными ситуациями в виде «встречи одноклассников», «совещания», «семейной ссоры» можно выделить еще ряд ситуаций, которые очень похожи на стереотипные ситуации и имеют статус прецедентных в терминах В. В. Красных. Такой статус получают ситуации, которые «хорошо знакомы носителям ментально-лингвального комплекса, актуальны в когнитивном плане, т. е. имеют инвариант восприятия, апелляции к которым частотны» [Красных, 2002, с. 60]. Так же считает В. Р. Муравлева, которая показала, что анализ прагмалингвистической специфики текстов, функционирующих в коммуникативной ситуации информационной войны, «становится наиболее показательным, если он осуществляется с учетом характерных особенностей организационной структуры, актуализации и содержания отдельно взятой типизированной коммуникативной ситуации» [Муравлева, 2021, с. 4].

Среди техник анализа широко представлено выявление элементов коммуникативных ситуаций. Эвристический потенциал этого подхода состоит в возможности выявления прототипических ситуаций, так как они дают основания категоризовать и структурировать элементы коммуникации. Например, Т. Н. Кузьмина разрабатывает систематику стратегий и тактик в категоричных коммуникативных актах [Кузьмина, 2019], А. А. Шубина моделирует категориальную ситуацию проявления свойства и выявляет прототипический вариант проявления свойства в научных текстах [Шубина, 2022].

Выделяются признаки прототипической коммуникативной ситуации, разные исследователи обозначают от четырех до шести таких признаков. В целом об этой группе исследований можно сказать, что коммуникативная ситуация представляет собой действенный инструмент для категоризации

различных видов и контекстов общения, целей общения, участников коммуникации, используемых языковых средств и т. д.

Вторая группа исследований задействует понятие коммуникативного события, которое при более внимательном изучении почти не отличается от понятия коммуникативной ситуации, например, Н. Ю. Сороколетова, исследуя коммуникативное событие поздравления в политическом дискурсе, указывает, что оно имеет четкую регламентированную структуру, организацию, объем, специфическое языковое и структурное оформление текста [Сорокалетова, 2016, с. 148]. Н. А. Прокуденко исследует речевой конфликт и отмечает, что коммуникативным событием он является в специфических ситуациях: совещаниях, беседах. По средствам выражения, вербальным и невербальным, эти разновидности соотношений речевого конфликта с событием полностью идентичны [Прокуденко, 2010, с. 133]. Е. И. Шейгал и Ю. М. Иванова рассматривают игру как коммуникативное событие, которое является прототипической разновидностью игрового дискурса [Шейгал, 2010, с. 19]. Можно сказать, что в этой группе исследований коммуникативная ситуация и событие являются синонимами, и это мнение довольно распространено.

В третьей группе исследований просматриваются различия между коммуникативной ситуацией и коммуникативным событием по разным основаниям. Есть возможность установить эти различия. В. Е. Гольдин понимает коммуникативную ситуацию как внутреннюю форму коммуникативного события [Гольдин 1997, с. 25]. Действительно, как можно заключить из некоторых работ первой группы, коммуникативная ситуация происходит в рамках другого события. Например, коммуникативная ситуация отчуждения является составляющей конфликтного коммуникативного акта [Косова, 2013]. Проявление интереса как коммуникативная ситуация анализируется в диалоге, последняя является стимулом повышения познавательной активности человека в широком спектре ситуаций, поступков, бытовых сцен и т. д. [Бондаревская, 2023]. Как считает О. А. Смолина,

«коммуникативная ситуация является одним из структурных компонентов коммуникативного события», а сам термин «коммуникативная ситуация», как указывает автор, употребляется в значении, синонимичном значению термина «коммуникативный акт», в свою очередь этот термин предполагает спектр факторов, оказывающих влияние на протекание коммуникативного события [Смолина, 2008, с. 108–109].

При работе с коммуникативной ситуацией исследователи говорят о прагматическом пространстве коммуникации, уделяется больше внимания стратегичности речи адресанта и воздействию на адресата, нежели потенциалу изменения некоторого положения дел, как это показано, например, в работе А. А. Орсовой, рассматривающей воздействие на социального адресата посредством изменения качеств референциального события [Орсова, 2019].

Некоторые работы показывают широкое толкование коммуникативного события, в которое может входить и коммуникативная ситуация. Например, О. К. Ирисханова и Ю. Б. Мотро трактуют понятие «коммуникативного события» весьма широко: оно включает в себя подчиненный некоторой цели комплекс разнообразных речевых действий — простых и сложных, письменных и / или устных, интерактивных и отсроченных, монологических, поли- или диалогических, реальных и виртуальных» [Ирисханова, 2010, с. 28]. Е. И. Шейгал и Ю. М. Иванова под коммуникативным событием понимают «максимальную единицу членения дискурса – акт коммуникации, границы которого определяются вступлением в общение и его завершением, и которое характеризуется постоянством таких социолингвистических переменных, как участники и хронотоп» [Шейгал, 2008, с. 7].

Эти работы отражают специфику описания недискретного коммуникативного процесса с помощью коммуникативного события, которое является более обширным понятием, чем коммуникативная ситуация.

Еще одна полоса изысканий в этой области сформировалась в работах, которые используют коммуникативное событие как ресурс для моделирования. В этой плоскости, с точки зрения диалогического общения,

выделяют коммуникативное событие Н. А. Сидорова и А. А. Смерчинская. Авторы рассматривают коммуникативное событие как особую гетерогенную (фрагментарную) категорию дискурса, которая коррелирует с феноменом имплицитных теорий диалогического общения и считают, что каждому коммуникативному событию соответствует определенная ситуативная модель вербальных и невербальных элементов диалога [Сидорова, 2017, с. 141]. В основу моделирования коммуникативного события Ю. Б. Мотро положена обобщенная когнитивно-прагматическая структура, стержнем которой служит концепт «эксперт» [Мотро, 2010, с. 8]. Модель коммуникативного события в игровом дискурсе основана на семиотической дихотомии игры «игровая vs реальная действительность» [Шейгал, 2008, с. 18].

Детальную разработку понятий «коммуникативного события» и «коммуникативной ситуации» находим в работах И. Н. Борисовой [Борисова, 2018; 2019]. «Коммуникативное событие, — пишет ученый, — вычленяется в контексте социальной деятельности как ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально и культурно обусловленный процесс речевого взаимодействия его участников» [Борисова, 2018, с. 43]. Два измерения коммуникативного события, по мнению ученого, следует соотносить с динамикой (сценарии и скрипты) и со статикой (коммуникативная ситуация, фрейм) [там же, с. 44]. В подходе ученого, как мы видим, коммуникативная ситуация и коммуникативное событие являются комплексами разного уровня.

Можно выделить коммуникативные ситуации-сценарии, реализующие критику. Эффективность конструкта *коммуникативной ситуации* в применении к критике мы видим в выявлении *прототипической ситуации критики* в виде типичного или характерного примера этой ситуации.

Значимый аспект в категоризации коммуникативных ситуаций критики состоит в том, что критика представляет собой стимул для развития коммуникации. В первой главе было показано, что качества экстенсивности, конфликтогенности, присущие критике, способствуют динамике языкового

взаимодействия. Это убедительно показано в работах Н. С. Баребиной на примере контраргументации [Баребина, 2016; 2019, 2020]. Качество контрарности в контраргументации характеризуется противоположностью, реверсивностью, отрицательностью, экстенсивностью. Симптоматично то, что критика не способствует закрытию дискуссии и согласию. Это также объясняется с помощью механизма иллюкутивного вынуждения в диалогическом взаимодействии, открытого А. Н. Барановым и Г. Е. Крейдлином [Баранов, 1992]. В терминологии ученых критическое суждение иллюкутивно вынуждает реплику. Критическое суждение является преформой-заготовкой для ответа. Критика вызывает или непосредственную, или отсроченную реакцию.

Здесь уместно обратить внимание на сложившийся в лингвистике научный багаж, основанный на теории игр Э. Берна. Особенно тщательную разработку идей психолога в теоретическом и прикладном применении к науке о языке находим в работах И. А. Стернина [Стернин, 2012, Розенфельд, Стернин, 2018]. Изучение языковых практик в контексте социальных игр может помочь понять, как общество влияет на язык и наоборот. Социальные игры могут быть поняты как набор норм, правил и ожиданий, которые влияют на то, как мы используем язык в различных социальных ситуациях.

Знаково то, что Э. Берн, утверждая, что по большей части общественная жизнь хоть и является игрой, это вовсе не означает несерьезного или забавного поведения. Наоборот, есть игры трагического и фатального характера. По мысли ученого, «главное отличие игры от других видов человеческой деятельности — это не лживость эмоций, а то, что их проявление подчиняется правилам» [Берн, 1988, с. 11]. Такие правила или коммуникативные законы выявил И. А. Стернин:

– *закон притяжения критики* — объективный закон, действующий в человеческом обществе: чем больше вы выделяетесь из окружающих, тем больше о вас злословят и тем больше людей подвергает критике ваши действия [Стернин, 2012, с. 128–129];

– закон коммуникативного самосохранения — человек в общении старается сохранить достигнутое им на данный момент коммуникативное равновесие. Это — проявление общего закона самосохранения, которому подчиняется жизнедеятельность всех живых существ. Закон действует на бессознательном уровне [Стернин, 2012, с. 118]. Критика, осуществляемая в присутствии других людей, неэффективна почти на 100 %.

Критика как социальная игра используется в обществе для оценки и анализа различных аспектов жизни, таких как искусство, политика, наука и т. д. В этом контексте критика является способом коммуникации и обмена мнениями между людьми и может рассматриваться как игра власти и влияния. В обществе критика часто используется для утверждения своей позиции, демонстрации своего интеллекта или просто для уничтожения репутации оппонента. В публичном дискурсе критика становится средством влияния, формирования определенной точки зрения, а нередко — средством манипуляции. В истории существует много примеров, когда публичная критика выступала действенным инструментом поддержания социальной иерархии в научном, культурном, политическом сообществе, средством формирования идеологических, научных, художественных направлений. Публичная критика является отражением власти тех, кто выражает свое мнение.

В современном обществе публичная критика приобрела статус, имеющий некоторые признаки охлократии (власть толпы). Общественные движения для выражения коллективного мнения включают разновидности отрицания и критики некоторых ценностей в виде «культуры пробуждения», «культуры вызова», «культуры осуждения», «культуры отмены». Учеными установлено, что «концепт “культура отмены” можно рассматривать в качестве инструмента манипулирования социумом». Авторы объясняют появление такого инструмента сдвигами от преклонения перед авторитетами к гражданскому участию [Акопов, 2024, с. 31]. Ц. Лю, Ч.-Ц. Су считают, что «культура отмены вошла в сферу цифровой культуры, где любой пользователь

может быть судьей, присяжным и палачом». Исследователи предостерегают от распространения этой формы критики в других контекстах и приводят примеры таковой в академическом сообществе, когда поводом для критики служит не научная ценность, а соответствие труда текущей политической корректности или социальным тенденциям [Liu, 2023, p. 326].

Современное социокультурное пространство стало полем реализации социальной игры, включающей критику. Призывы к коллективному бойкоту компаний, отдельных лиц, произведений литературы и искусства становятся все более ощутимым феноменом, который в терминологии лингвистических исследований представляет собой категорию дискурсивной практики, которая подразумевает функционирование коммуникативных систем внутри общества и представляет собой отчетливо наблюдаемую языковую реальность. Итак, культура отмены представляет собой разновидность публичной критики, которая более эффективна, чем точечная критика.

Представим еще один аргумент в пользу артикуляции критики в дискурсивной практике отмены или кэнселлинга. Такое утверждение мы сделали, обратившись к данным опросов, представленных в отечественных и зарубежных исследованиях. Так, в работах [Vogels, 2021; Дубинина, 2023] были проанализированы ответы респондентов на вопрос о том, что, по их мнению, означает термин «культура отмены». 4 % опрошенных полагают, что это способ критики. Незначительная цифра не ослабляет нашего аргумента относительно соотношения критики и действия отмены. Насколько можно судить по ответам на открытые вопросы, «отмена» подразумевает критику:

- 25 % всех взрослых упоминают темы, связанные с тем, стремятся ли люди, которые критикуют, осудить или пытаются быть полезными;
- 14 % сосредоточены на том, является ли критика других в социальных сетях продуктивным поведением или нет;
- 8 % касаются предполагаемых целей тех, кто критикует [Дубинина, 2023, с. 32].

Итак, коммуникативное событие критики следует рассматривать в двух перспективах: как коммуникативную ситуацию в статике и как явление с точки зрения деятельностно-поведенческого аспекта в динамике. Коммуникативная ситуация служит инструментом для анализа и категоризации различных аспектов проявления критики в дискурсивной практике отмены, которая реализуется в более широком контексте публичного дискурса.

2.2. Прототипическая коммуникативная ситуации критики

В настоящее время категория прототипа применяется к анализу языковых явлений различных уровней. Под прототипом понимают абстрактный образ, воплощающий множество сходных форм одного и того же объекта, наиболее репрезентативный пример понятия, фиксирующий его типичные свойства. Известно, что формирование прототипов происходит при помощи двух моделей: модели частотных признаков и модели центральной тенденции. Согласно модели частотных признаков, прототипы отражают наиболее повторяющиеся признаки, которые принадлежат определённым членам категории. Модель центральной тенденции сочетает в себе принцип «семейного сходства», представленный Л. Витгенштейном [Витгенштейн, 1976], и центральную тенденцию, разработанную Э. Рош [Rosch, 1976]. Признак «семейного сходства» подразумевает, что члены одной и той же категории совместно разделяют основные признаки, и совсем не обязательно, чтобы каждый член категории обладал ими. В таком случае прототип представляет собой что-то среднее из всего набора членов категории.

Основанием для выделения прототипа являются следующие положения:

- пересечение определенного количества характерных или типичных свойств-признаков;
- указание на статус типичности;
- обладание максимальным числом необходимых признаков, характерных для той или иной категории.

В лингвистике установлено, что прототипическая теория категорий является действенным инструментом описания и анализа языковых фактов разных уровней.

Сформировался значительный базис работ, в которых можно найти уточнение определений, выявление взаимосвязей между понятиями, разработку классификаций и теоретических моделей для более глубокого понимания методов и принципов научного исследования с помощью теории прототипов. Представим некоторые выдержки из работ, где представлена трактовка ситуации как прототипической. Итак, термин «прототипическая ситуация» в общем смысле — это типичный или характерный пример определенной ситуации или явления. Дж. Лакофф называет прототипическую ситуацию «некой идеализированной абстрактной сущностью», «набором совместно реализующихся характеристик, который более существен для нашего опыта» [Лакофф, 2008, с. 105]. Л. И. Горбунова на основе анализа теоретической литературы выявляет концептуальную составляющую прототипической ситуации: «Во-первых, это некое дополнительное объективное знание о ситуации, которое возникает на основе опыта и, как правило, не отражается языковой единицей, использованной в ее базовом значении <...> во-вторых, концептуальная составляющая может формироваться за счет перцептуальных признаков прототипической ситуации, которые интерпретированы определенным образом, им придается ценностный смысл» [Горбунова, 2010, с. 357]. Как показала Л. В. Топка, прототипическую ситуацию следует трактовать как явление с полевой структурой. На примере коммуникативной ситуации «Пожелание» автор показывает, что в данном комплексе имеется ясно выраженное ядро и межкатегориальные сегменты со скалярностью признаков типа укор, требование, которые находятся в периферии [Топка, 2013, с. 246–247].

Становится очевидным, что прототипический подход применяется и к коммуникативной ситуации. Особенно широки возможности этого метода в моделировании. Например, А. А. Шубина, исследуя категориальную

ситуацию свойства, пишет, что «прототипический подход отражает определенным образом систематизированные реалии в исследуемом контексте, так как, выявляя более прототипические или менее прототипические компоненты у конкретного варианта категориальной ситуации, оно оформляется в определенный класс, то есть систематизируется» [Шубина, 2023, с. 603]. Т. Н. Ланина, моделируя категоричный коммуникативный акт, выстраивает модель прототипических и непрототипических актов такого типа, заложив в основу параметр асертивного / конфликтогенного значения категоричности [Ланина, 2023].

Рассмотрим возможность описания прототипической ситуации критики. Поскольку коммуникативные проявления критики весьма разнородны, необходимо выбрать прототип — наиболее типичную для критики ситуацию. Как известно, деструктивная критика характеризуется негативным и разрушительным подходом, она обычно сопровождается язвительными или оскорбительными высказываниями. Деструктивная критика провокативна, так как часто направлена на вызов или оспаривание самого человека, его качеств, способностей или намерений. Деструктивная критика является формой оценки, которая фокусируется на негативных аспектах без конструктивных предложений или попыток улучшения. Она обычно несет в себе агрессивный или враждебный тон и может быть направлена на личность, а не на конкретные действия или идеи. Деструктивная критика может вызывать негативные эмоции, унижение. Такого рода критика содержит некооперативные стратегии.

Напротив, неагрессивные аргументативные стратегии критики помогают конструктивно анализировать и оценивать идеи, мнения или действия. Очевидно, что этот участок аргументативной коммуникации является наиболее проблематичным и мало исследованным. Мы выскажем предположение о том, что существуют некоторые универсальные стратегии, которые способствуют императиву конструктивной критики и улучшают качество аргументации. Для того чтобы перейти к характеристике стратегий

аргументации в коммуникативной ситуации, введем понятие прототипической коммуникативной ситуации критики.

В качестве примеров из массива подобных действий приведем следующие ситуации.

Ситуация 1. Обсуждение и оценка научного труда, произведений искусства, литературы или кино. В этом случае ситуация критики реализуется в соотнесении объекта анализа с некоторым идеалом или стандартом в ходе рецензирования, составления отзыва, заключения о работе или произведении. На основании существующего у специалиста алгоритма анализа выявляются сильные и слабые стороны объекта критики.

Ситуация 2. Деловые обсуждения и анализ в рабочей среде. Здесь возможны ситуации совещаний, обмена экспертными знаниями, в ходе которых сотрудники обсуждают бизнес-планы, проекты или стратегии. Более слабые идеи в свете критики отбрасываются как не соответствующие критериям выгоды, пользы, целесообразности.

Ситуация 3. Публичные выступления и дебаты. Событие включает ситуации политических дебатов, телевизионных интервью или академических дискуссий. Целью таких речевых ситуаций является убедить аудиторию в правильности своей позиции. Критика участвует в реализации идеи соревновательности. То есть победа или успешная защита оказывается у того, кто смог «отбить» критику оппонента и сам, в свою очередь, успешно атаковал аргументы противника с помощью критики.

Ситуация 4. Переговоры. Содержат идею поиска компромиссов при имеющемся конфликте интересов сторон. Эта ситуация не предполагает поиска объективно правильного решения, но представляет собой совместный поиск общих оснований для некоторого соглашения. Критика выполняет функцию обозначения границ, за которые участники не готовы выйти.

Как видим, выявить и описать прототип критики совсем непросто, тем более, что не все ситуации критики представляют собой эксплицитный диалог, как в ситуации 1, а в ситуации 3 противник по дебатам не является прямым

адресатом критики. В ситуации 3 критика носит совещательный характер, а в ситуации 4 — состязательный. Перспективу для решения этой проблемы открывает категоризация, в ходе которой можно выделить некоторые лексемы, которые и указывают на то, какие элементы структуры являются облигаторными и необлигаторными, а также выявить доминанту критики. В этой связи следует указать, что работы по моделированию ситуации ведутся по двум направлениям: «от слова» и «от объекта». Такой подход является когнитивным, в нем можно увидеть представление о языковых единицах как о знаках, дающих доступ к структурам знания, которыми пользуется человек в коммуникации. В рамках подхода предложены различные способы построения когнитивного аналога языковых процессов. Моделирование осуществляется как на уровне отдельных лексем, так и на уровне текстового или дискурсивного целого. Как отмечают О. К. Ирисханова и Ю. Б. Мотро, «модель коммуникативной ситуации отражает обобщенный прототип такой ситуации, т. е. включает более общие социальные и прагматические знания членов социума о данной категории событий» [Ирисханова, 2010, с. 29]. Конструируя ситуацию, исследователи обращаются к языковым фактам и указывают, что лексические категории являются лингвистическим коррелятом, по которому можно судить о свойствах ситуации. Например, А. Верхаген считает, что «важная конструкционная операция основана на том факте, что объекты и ситуации могут восприниматься на разных уровнях “разрешения” или “детализации”, а показателем этой когнитивной особенности является тот факт, что лексические категории могут образовывать таксономические иерархии, состоящие из различных уровней специфичности» [Verhagen, 2007, p. 51]. Далее автор приводит примеры глаголов, которые очень шаблонно представляют какую-то ситуацию. Высокую степень специфичности в придании конкретики имеют модификаторы.

Г. И. Кустова отмечает, что «нужно допустить, что существует сравнительно небольшой круг наиболее освоенных “обиходных” ситуаций и

объектов, в частности — круг “основных”, фундаментальных для человека действий, определяемых его основными природными и социальными (в рамках данной культуры) потребностями. Это своего рода прототипический набор базовых видов действий» [Кустова, 2000, с. 85–86]. Как далее показал автор, базовые действия описываются основными «корнями», соответствующими типам движения, положения, преобразования объекта и др. То же относится и к существительным, обозначающим основные объекты, и к прилагательным, обозначающим базовые свойства.

То есть в применении к нашей теме исследования мы можем рассмотреть параметры прототипической ситуации с существительным *критика*. Прототипическую ситуацию критики можно моделировать посредством исследования словарных дефиниций лексем, обозначающих критику в толковых словарях. В первой главе (раздел 1.1.) установлены базовые концепты критики в виде поиска истины, рациональности, отрицания, ретроспекции.

Уточняя этот вывод, пойдем вслед за А. В. Медведевой, выявляющей содержательную емкость понятия «критика» в англоязычной коммуникации на основании синонимов и слов-симиляров. Исследователь выявляет синонимичный ряд понятия *criticism: opinion, judgment, remark, statement, comment, animadversion, disapproval, reprehend, stricture, reflection, blame, fault-finding, censure*. Отмечается также, что понятие «критика» в английской лингвокультуре предполагает варьирование значения соответствующих лексических единиц от нейтрального до негативного [Медведева, 2011, с. 436–437]. В разделе 1.1. мы указали на важную особенность: лексема *criticism* означает действие, связанные с выявлением недостатков, тогда как *critique* имеет нейтральное значение, то есть анализ, разбор положительных и отрицательных сторон. *Critique* предполагает безличное рациональное действие, а *criticism* ассоциируется с речевым действием, включающим мнение и убеждения субъекта критики, которое может быть обидным для адресата: лексема *critique* имеет синонимы *critical essay, critical commentary,*

critical examination, analysis, review. Лексема *criticism* представлена синонимами *censure fault, finding, stricture, animadversion, reflection* [Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus].

Рассмотрим такую же категорию слов в русском языке: *высказывание, опровержение, осуждение, обличение, порицание, упрёк, отповедь, замечание, опровержение, отзыв, оценка, критиканство, охаивание, дискуссия, обсуждение, спор, суждение, оценка, мнение, обсуждение, вывод, полемика, дискуссия, спор, разнос, разбор, разбирание, рассмотрение, анализ, исследование, проработка, изучение, проверка, расследование, экспертиза, замечания, критические замечания*.

Обратимся к данным ассоциативных словарей. Для слова «критика» чаще всего актуальны ассоциации: *критик, критиковать, плохо, человек, осуждать, осуждение, мнение, обсуждение, ошибка, высказывание, ругать, газета, ресторан, статья, отзыв, кино, правда*. Наиболее частотными являются лексемы: 1) *мнение*, 2) *оценка*, 3) *осуждение*, 4) *комментарий* [[www.https://wordassociations.net/ru](https://wordassociations.net/ru)].

Как видим, содержательное наполнение понятия «критика» варьируется от нейтрального до негативного. Оставаясь при этом мнении, обратимся к примерам из НКРЯ (примеры 8–16), которые не относятся к практике отмены, но использованы для установления прототипических свойств критики. Данные примеры показывают, что критика также имеет как некоторый стандарт-ядро, так и разного рода отступления от него. Это показывают коллокации с прилагательными:

Но главная фирменная черта журнал — профессиональная, хладнокровная критика (8).

По этой причине в сети рано или поздно оказывается почти все: и низкопробная, и качественная критика, и действительно талантливые авторы, и пустышки, и грамотные, тщательно отделанные тексты и заготовки, и обдуманно составленные электронные библиотеки, и хаотичные

склады публикаций, произведения известных авторов и графоманские поделки (9).

Это не значит, что он был прав в деталях, но его основная цель и точка зрения, по-моему, правильная, и его **критика** всех софиологов и Бердяева совершенно **справедлива** (10).

Она заговорила о том, что всякая **критика** должна быть в первую очередь **объективной**, оценивать в целом, а потом уж **выискивать блох** (11).

Но **критика** современности в условиях августовской эпохи, по сравнению с Луцилием, **ослаблена и смягчена** (12).

Итак, с точки зрения фактов **критика** была во многом **справедливой**, хотя после двух лет восторженных откликов она стала для Фадеева настоящим шоком (13).

Но **критика** делится на **важную, профессиональную**, к которой я всегда прислушиваюсь (14).

Коллокаты в виде существительных также специфицируют значение лексемы «критика».

У нас уж так повелось — или один сироп и лакировка, или **критика на уничтожение** (15).

Сегодня уже понятно, что **критика правительства** станет **стержней** предвыборной кампании «Единой России» (16).

С другой стороны, коллокации с лексемой критика в качестве главного слова показывают объект критики: *критика познания, критика идеологии, критика морали, критика оппонентов.*

Представим коллокации с лексемой критика в качестве зависимого слова: *предмет критики, огонь критики, роль критики, в ответ на критику, шквал критики, волна критики.*

Представим коллокации с лексемой критика в качестве аргумента в сочетании с глаголами: *не выдерживать критики, выступить с критикой, вызвать критику, принимать критику, избежать критики, выслушивать*

критику, реагировать на критику, не согласиться с критикой, не бояться критики.

Действие критики специфицируют словосочетания с глаголами, где критика выступает в качестве субъекта: *критика объясняет, критика доказывает, критика содержит.*

Данные корпуса подтверждают содержательную емкость понятия критики с точки зрения ядра — объективная, справедливая критика — и других значений со *скалярностью признаков негативности.*

Итак, представим пример языковой категории «критика». В данную категорию будут включаться все лексемы, связанные с речевыми действиями критики, в том числе *отрицание, оценка, сомнение, опровержение, обсуждение, полемика, замечание, осуждение, порицание, высказывание, оскорбление* и т. д. Исходя из модели частоты признаков, прототипом должен стать тот член категории, который в большей степени соответствует признаку критической оценки или часто встречающимся сочетаниям признаков. В этой категории частотными признаками выступают признаки, отвечающие логико-философской трактовке критики как *рационального аналитического действия.* Из перечисленных контекстов речевых действий, связанных с критикой, только один вид имеет эти все часто повторяющиеся признаки. *Отрицательная оценка* приобретает статус прототипа в категории «критика».

Теперь перейдем к характеристикам коммуникативной ситуации критики. Область подобных исследований весьма обширна и представлена рядом работ. В некоторых, уже выявленных исследователями ситуациях, обозначен жесткий сценарий, зафиксированы роли и типы отношений между участниками ситуации (возраст, социальный статус, симметричность / несимметричность) [Роднова, 2020], объект и состояние [Семкова, 2021].

В разделе 1.1. мы показали, что свойства критики как интеллектуальной деятельности наиболее полно раскрываются в аргументации. Поэтому мы воспользуемся наработками из области теории аргументации, так как в ней

имеются удачные попытки систематизации параметров, структуры, типологии проявлений аргументации. Весьма полезными для нас оказались результаты исследования Е. Н. Лисанюк, в котором исследователь обосновывает три вида аргументации: аргументация-обоснование (обсуждается одна позиция), аргументация-убеждение и практическая аргументация (обсуждается две и более позиции) [Лисанюк, 2016, с. 12]. Стартовым моментом является то, что аргументация — это явление *диалогической* природы. Присоединяясь к этому мнению, которое выражают многие аргументологи, подчеркнем, что критика составляет диалогическое действие. Представим дополнительный базис для этого утверждения, так как обращение к диалогичности является ключевым для современных разработок по теории аргументации. В сжатом виде это изложено в работе Н. С. Баребиной, где отмечено, что диалогичность является имманентным свойством аргументации не только собственно в диалоге, но и в аргументации-монологе. Некоторый текст-аргументация в виде статьи или учебника всегда имеет своего адресата, реакция которого может быть отсроченной. Еще одна особенность состоит в отличии аргументации от процессов логического доказательства и обоснования. Аргументация всегда оставляет «зазор» для возражений, потому что она редко бывает полностью доказательной в такой степени, как математическое доказательство [Баребина, 2018, с. 9]. Как видим, диалогичность предполагает контраргументацию или хотя бы степень несогласия в виде возражений и сомнений, а критика как раз реализует этот аспект аргументации.

Отсюда перейдем к значимому для нас понятию аргументативного спора, разработанному Е. Н. Лисанюк. Автор пишет следующее: «Понятие аргументативного спора выражает определенное идеализированное представление о процедуре реализации аргументации и служит в качестве функциональной абстракции для изучения того, каким образом осуществляются процессы аргументирования в обосновании, убеждении и практической аргументации. При помощи понятия аргументативного спора можно исследовать особенности упорядочивания позиций агентов на трех

уровнях: аргументационной структуры, аргументационного множества, а также внутреннего строения аргумента, если потребуется» [Лисанюк, 2016, с. 13].

Если исходить из философского понимания критического рационализма, то в качестве изначального пункта в характеристике аргументативного спора следует принять условия рациональности и логической осмысленности аргументативной коммуникации. В первой главе мы обозначили этот функциональный диапазон как Критика-1. Ожидается, что последняя призвана улучшить положение одной из сторон или обеих сторон в соответствии с какой-то системой координат. Характеристики, которые аргументация призвана преобразить в лучшую сторону, — это достоверность вывода, степень согласия сторон, эмоциональное состояние, репутация и стратегическое социальное положение участников аргументативной коммуникации. В этом состоит идея *аргументативного оптимизма*, о котором можно судить по работам С. Кастельфранчи и Ф. Паглиери [Castelfranchi, 2007; Paglieri, 2009]. Если представить произвольное желательное свойство, на которое направлена аргументация (достоверность выводы, степень согласия и т.д.), то предположим, что в момент t_0 , еще до начала спора или дискуссии, такое свойство имеет значение N . В идеализированном случае, даже если аргументация в определенный момент времени t_1 произошла, но не была успешной, значение желательного свойства все же остается равным N . Согласно этому, аргументация в любом случае, даже если она не была успешной, может только улучшить ситуацию, или, по крайней мере не испортить существовавшего положения дел. То есть каждая сторона останется при своем мнении или иначе: сторона, которой придется признать доводы верными, охотно и добровольно откажется от своей позиции. Как видим, идея аргументативного оптимизма соответствует понятию аргументативного спора, и в некоторых случаях мы действительно можем наблюдать такие диалоги. В реальности значение свойства N после завершения спора может быть со значениями, « $=$ », « $<$ », « $>$ ». В соответствии с идеей аргументативного

оптимизма, формулой аргументативной коммуникации является N со знаком «≤». Это означает, что идеальная цель аргументации — по возможности устранить рациональным логическим путем имеющиеся разногласия. Данная цель интересует всех участников предполагаемого спора или дискуссии. Осмысление аргументативной коммуникации сквозь призму аргументативного позитивизма дает возможность проанализировать внедиалогические цели в повседневной коммуникации, которые реализуются в деятельностно-поведенческом аспекте коммуникативного события критики. При этом аргументативный спор дает возможность оценить роль и функцию шагов, реализующих критику.

Итак, функциональная абстракция в виде *аргументативного спора*, в которой реализуется идея аргументативного оптимизма, будет принята в нашей работе в качестве прототипической ситуации критики. Этому соответствует критикорационалистический идеал в виде ядра «объективная справедливая критика», где лексемами-репрезентантами безличного рационального действия являются: а) *анализ / analysis*, б) *оценка / evaluating* в) *отрицание / negation*.

Представленный в разделе материал дает возможность выделить несколько способов репрезентации универсальных коммуникативных стратегий критики в прототипической коммуникативной ситуации критики: кооперативность, объективность, нейтральность, логичность, диалогичность.

2.3. Компоненты непрототипической коммуникативной ситуации критики в практике отмены

Уточним, какие структурные элементы КС критики могут быть выделены в анализе. Мы обратились к подходам к анализу ситуативно обусловленного языкового общения, систематизированным в работе В. И. Карасика. В применении к трактовкам дискурса ученый описывает эти подходы следующим образом: «Объектный — О чем идет речь? (Топик дискурса)», «Субъектный — Кто является участником общения? (Формат

дискурса)», «Инструментальный — Каковы способы осуществления коммуникации? (Модус дискурса)» [Карасик, 2019, с. 259–263)]. Для целей работы концептуально и методологически подходит второй «субъектный подход (формат дискурса)» на том основании, что исходной единицей анализа в нем как раз и является, *коммуникативная ситуация*, в «рамках которой обычно выделяются ее участники, системообразующая цель дискурса, его хронотоп, ценности, коммуникативные стратегии, жанры, коммуникативные формулы» [там же, с. 259]. Анализ дополнительной литературы (например, [Смолененкова, 2024, с. 12–17; Бочарников, 2024, с. 23]), позволил нам выявить следующие компоненты: *продукт критики; точка зрения; объект критики; субъект критики; коммуникативный контекст критики; цель критики*.

Продукт критики представляет собой языковое произведение в виде устного высказывания, письменного текста, содержащего критические суждения. Используя с некоторыми преобразованиями определение В. В. Смолененковой, охарактеризуем продукт критики как комплексное сочинение или речение, излагающее последовательный анализ и аргументированную оценку акта или некоторого факта [Смолененкова, 2024, с. 11]. Этот компонент в первую очередь является объектом нашего анализа. Речевые действия, которые можно отнести к практике отмены, представляют собой рассуждения, структура которых вполне логична (например, *модный бренд допустил неправильные высказывания* (тезис), *не пытался проверить информацию о принудительном труде нацменьшинства* (аргумент), *не запрашивал ее у китайских властей* (аргумент)). Анализ продукта критики предполагает обращение к пропозициональной структуре критики, которую мы условились ранее подразделить на следующие части:

- реактивная критика: критика существующей аргументации, рассуждения, доказательства;
- дескриптивная критика: аргументирование негативной точки зрения относительно некоторого положения дел.

В практике отмены реализуется реактивная критика, которая высказывается по отношению к имеющемуся действию, высказанному мнению или точке зрения.

Объект критики. Этот ключевой элемент коммуникативной ситуации представляет собой конкретную сущность в виде человека, компании, группы лиц, которые допустили некоторые действия, противоречащие нормам, ценностям, императивам некоторой группы людей. Эти нормы являются референтом, на который ссылаются критикующие, а высказывание объекта часто выступает триггером критики. Зафиксируем отклонение от прототипической КС критики, так как критикуется не столько действия отменяемого, сколько он сам. Объектом критики могут быть следующие сущности:

- индивиды (конкретные люди, чьи действия, высказывания или творчество подвергаются анализу и оценке);
- группы (сообщества или организации, чьи практики или идеологии становятся объектом обсуждения);
- социальные явления (широкие концепции или тенденции, такие как культура отмены, гендерные стереотипы и т.д.);
- институты (государственные или образовательные учреждения, чья политика или действия могут вызывать критику).

Кроме того, имеются данные о триггерных высказываниях [Kornienko, 2022; Kornina, 2024], которые имеют большой эмоциогенный потенциал. В исследуемом материале практики отмены обнаружена значительная часть примеров, когда одно высказывание послужило поводом для обширной и продолжительной критики.

Еще один компонент коммуникативной ситуации критики составляет *адресат критики*. Специфичность адресата критики в практике отмены состоит в том, что критикующие, выражая негативное мнение, обращаются не столько к критикуемому субъекту, сколько к неявной массе сочувствующих.

Последние проявляют гражданственность, активно развивая тему и делаясь своими чувствами в Сети.

Явление КО известно тем, что оно мобилизует большую аудиторию, а критику неважно услышать ответ от отменяемого. Поэтому адресат критики – это все же большая аудитория потенциально согласных с отменой людей. Активные участники коммуникативного пространства (принимающие участие в обсуждениях, высказывающие свое мнение), а также пассивные наблюдатели, могут изменить свое прежнее положительное мнение и отношение на отрицательное. В данном случае следует говорить о практике отмены как о социальном действии, способном воздействовать и изменять мнение общества.

В этом проявляется номадическая сущность критики в КО, которая связана с расширением понятий «медиаадресант» и «медиаадресат». На это указали исследователи М. Р. Желтухина, Д. В. Парамонова, М. В. Бусыгина, выявив «значимый лингвокультурный маркер медиасознания гражданина любого государства — это маркер причастности к кому-либо или чему-либо» [Желтухина. 2023, с. 37].

Если мы обратимся к контексту теории аргументации, то увидим, что прототипическая ситуация аргументирования содержит еще один компонент в виде реципиента аргументативного текста. Это рациональный судья или зритель как анализатор рассуждения. Фигура рационального судьи часто не привлекается к анализу из-за того, что она совпадает с фигурой оппонента. Но в строгом смысле такая фигура все же есть, например, в судебном дискурсе, она эксплицитна и исполняется судьей, который наблюдает за взаимодействием пропонента и оппонента. В этом контексте укажем на то, что рациональный судья в отмене из обсуждения почти исключается. Высказывания в защиту критикуемого спорадичны, а попытки трезво проанализировать ситуацию ведут к тому, что обвинения кондуктивно затрагивают рационально настроенных адресатов, которые предпочитают устраняться от участия в общем осуждении.

Субъект критики (носитель точки зрения) — это автор-критик, характеристика которого исчерпывается словарными дефинициями:

1. Критик — это человек, который дает отрицательную оценку кому-либо или чему-либо.

2. Критик — это человек, который профессионально занимается тем, что публично, в прессе и т. п. устно или письменно оценивает, анализирует музыкальные произведения, театральные постановки и т. п. [Толковый словарь русского языка под ред. Д. В. Дмитриева, 2003]. Хотя языковая личность критика регулярно исследуется, концентрация на профессиональной языковой личности критика-литературоведа, музыкального критика, критика-искусствоведа (см., например, [Новикова, 2007; Алешинская, 2020]) заметно сужает наше понимание коммуникативного поведения критика. Попытки типологии языковой личности критика все же есть в работе Е.А. Шпомера [Шпомер, 2011]. На основе работ философов мы можем принять во внимание выявленные ранее функции критики и типы критиков (см. таблицу 1).

Таблица 1. Функции и типы критиков (составлено по [Левинтов, 2021, Михайлова 2021])

Функции критики	Типы критиков
мнение, отношение с разными задачами (рассуждение)	критик-собеседник
выявление многообразия мнений	критик-провокактор-полемист
провокация мышления	критик-оппонент
экспертиза с разными задачами (прокурорская, цензорская, просеивательская)	критик-эксперт
оценка и суждение (обсуждение и осуждение)	критик-цензор
цензура;	критик-селекционер
селекция: разложение по фракциям, различение, отличие и просеивание	критик-буфер

Языковая личность субъекта критики в культуре отмены представляет собой неоднозначную структуру, связанную с концепцией цифрового гражданства. Участие в цифровом обществе предполагает вовлечение в

онлайн-сообщества и участие в обсуждениях: «языковая личность не может существовать вне общественнополитических отношений, она включена даже при возможной пассивности в общественно-политическую деятельность, прежде всего, посредством гаджетов, сети Интернет» [Желтухина, 2023, с. 16].

Функционально в практике отмены критик – это цензор, а структурно выделяются один или несколько активных высокостатусных критиков-инфлюэнсеров, и шлейф равнодушных последователей.

В примере отмены Джоан Роулинг один из актеров высказывается с критикой писательницы: *Respect for transgender people remains a cultural imperative, and over the years I have been trying to constantly educate myself. This is an ongoing process <...> As someone who has worked with both JK Rowling and members of the trans community, I wanted to make it absolutely clear where I stand. I disagree with Jo's comments. Trans women are women, trans men are men, and nonbinary identities are valid. I would never want to speak on behalf of the community but I do know that my dear transgender friends and colleagues are tired of this constant questioning of their identities, which all too often results in violence and abuse. They simply want to live their lives peacefully, and it's time to let them do so* (20).

Значительный массив комментариев тех, кто разделяет точку зрения критика, включает реакции от разочарования до гнева и угроз: *I wish you a very nice pipebomb in mailbox* (20). Мнения, которые не соответствуют общему тренду, не учитываются. Таким образом, субъект критики в практике отмены — это коллективный критик в цифровом пространстве, который состоит из инициатора и последователей.

Контекст критики. Внешние условия представляют собой контекст, на фоне которого происходит взаимодействие. Данные условия накладывают большие ограничения и определяют вид продукта критики. В лингвистике сформирован массив данных, в рамках которого внешние условия критики можно продуктивно исследовать с точки зрения дискурса. Событие критики всегда встраивается в какой-то коммуникативный контекст. Например, это

может быть публичная критика в средствах массовой информации, обсуждение в академическом сообществе, личная беседа и так далее.

Контекст критики в «культуре отмены» имеет выраженную политическую подоплеку, примеры составляют случаи отмены русской культуры на фоне СВО в виде увольнения российских музыкантов и разрыва контрактов с деятелями культуры. Большую часть контекста составляют резонансные темы, которые сразу не очевидны, но обладают потенциалом триггерности. Примеры относятся к случаям домашнего насилия, неуважения к складывающимся группам новых идентичностей. Контекст критики показывает имеющиеся в текущий момент «гражданские ценности» [Желтухина, 2023, с. 9].

Цель критики. Функционал этой категории анализа можно представить в виде ядра с прототипической целью — нахождение истины (Критика-1) и широкого спектра вариантов целей (Критика-2), которые могут комбинироваться, находиться в иерархических отношениях (см. рис. 8).

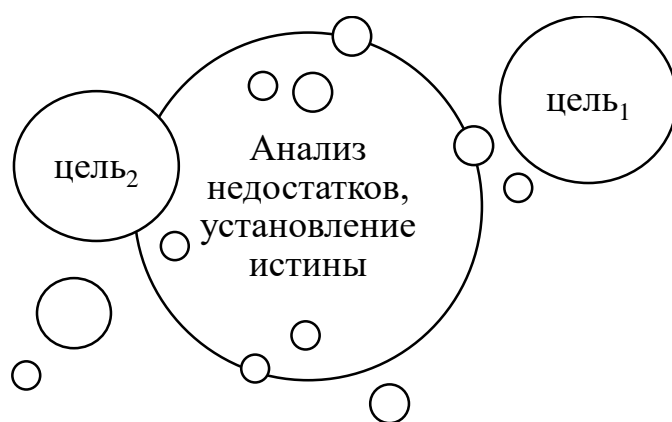

Рисунок 7. Цели в аргументации критики.

Например, область «цель₁» на схеме может представлять собой обособленную цель в виде самопрезентации. Область «цель₂» представляет собой наложение двух целей, например, самопрезентации путем анализа недостатков, к ним может добавляться еще множество второстепенных целей, в частности, цель дискредитации оппонента и др. Для того, чтобы прокомментировать цель критики в практике отмены, мы провели контекстуальный анализ и составили корпус примеров тех единиц, которые

наиболее часто встречаются в окружении лексем «культура отмены». В корпус вошли следующие лексемы и фразы на русском языке: *бойкот, перечеркивание, вычеркивание, отмена прежних заслуг, отказ, разорвать контракт, тюрьма, похоронить карьеру, заклеить имя, физическая расправа, публичное осуждение, уничтожить, изъять (песни, музыку), очернить, травля.*

На английском языке словосочетание «культура отмены» сопровождается следующими элементами: *boycotting, killed one's career, you died, "submit or we will smudge you", being banned, calling someone out for using language, be fired, punitive spotlight, isolated, has been dropped, public ultimatum, booed, removed, broke ties with, doxing.*

Как видно, цель «коллективной нетерпимости» состоит в *вычеркивании* объекта из социума, его *устранении*, что контрастирует с прототипической целью критики в виде коррекции недостатков.

2.4. Речедеятельностное пространство реализации аргументативных стратегий в коммуникативной ситуации критики

Деятельностно-поведенческий аспект составляет второе измерение коммуникативного события. Рассмотрим этот аспект применительно к критике. В работе, на которую мы ориентируемся в определении двух аспектов коммуникативного события — статики и динамики, автор характеризует деятельностно-поведенческий аспект следующим образом: «Ориентирами и регуляторами коммуникативного поведения участников являются социальный и этнокультурный контекст, коммуникативные нормы, сценарии и способы взаимодействия, рассматриваемые в единстве. Ролевые, статусные и релятивные характеристики участника предписываются ему социальным и коммуникативным контекстом» [Борисова, 2018, с. 44]. Мы соотносим этот аспект с речедеятельностным пространством дискурса. Это определение приведено в работе О. А. Крапивкиной, моделирующей судебные дискурсивные практики. Автор пишет, что речедеятельностное пространство

является средой дискурсивного конструирования реальности. Дискурсивное конструирование опосредовано социокультурным контекстом и детерминировано конвенциями дискурсивного экспертного сообщества, интенциональным состоянием говорящего и фактором адресата [Крапивкина, 2019, с. 3].

Концепция речедеятельностного пространства включает в себя физическое пространство, где происходит общение, а также социокультурные и психологические аспекты, которые влияют на характер и качество коммуникации. Физическое речедеятельностное пространство включает в себя место, где происходит общение (например, офис, пространство Сети, улица, страницы журнала и т.д.). Социокультурные аспекты речедеятельностного пространства включают в себя культурные нормы, стереотипы и обычаи, которые могут влиять на способы общения и интерпретацию сообщений. Психологический аспект речедеятельностного пространства связан с эмоциональным состоянием участников общения, их личными характеристиками и мотивацией. В целом понимание речедеятельностного пространства помогает лучше понять контекст коммуникативного взаимодействия. Очевидно то, что речедеятельностное пространство, в котором происходит коммуникативное событие критики, является полем реализации большого спектра непрототипических ситуаций критики. Как отмечает М. И. Киосе в обзоре теорий конструирования событий, оно может подвергаться анализу в аспекте его тематических ролей, формирующих событие компонентов (сегментов), например, референтов, пространства и времени, действий и состояний, его координат (статичность – динамичность, контролируемость – неконтролируемость и др.), когнитивных схем интерпретации, в основании которых находятся концептуально-тематические области [Киосе, 2022, с. 59].

Для анализа стратегий аргументации вернемся к аргументативному спору, который в нашем исследовании является прототипом коммуникативной ситуации критики.

Методологическое решение, которое предлагает обращение к аргументативному спору, находится в плоскости баланса между «аргументативным оптимизмом» [Paglieri, 2010] и «аргументативным инструментализмом» [Лисанюк, 2020]. Идея «аргументативного оптимизма» предполагает, что устранение разногласий, доступных с помощью аргументации, – это идеальная и положительная цель, к которой должны стремиться все участники любых споров, если они разумны и рациональны. Это можно выразить поговоркой «*В споре рождается истина*», которая по идее аргументативного оптимизма должна всех устроить. Считается, что аргументативное взаимодействие в любом случае улучшает позиции сторон: в случае удачного разрешения разногласий позиции сторон преобразуются и оптимизируются, в случае неудачного разрешения разногласий стороны ничего не теряют, а остаются на своих начальных позициях. Идея «аргументативного инструментализма» соотносится с реальной картиной языкового взаимодействия и показывает, что участники стратегически используют аргументацию и диалог для достижения *своих* задач, которые бывают жизненно важными и совсем не связанными с тем, чтобы улучшить ситуацию других участников общения. В дополнение отметим, что собственно аргументация редко бывает самоцелью участников, а удачное или неудачное разрешение споров может как улучшить, так и ухудшить положение сторон (личное положение, социальный статус, эмоциональное состояние и т. д.).

Идея «аргументативного инструментализма» дает основания обратиться к концепции аргументации-спора Г. Джонстона [Johnston, 1963], которая дает большее понимание о стратегии потенциального оппонента. Осмысление концепции автора позволяет утверждать, что оппонент исполняет свою роль не из-за абстрактной идеи атаки доводов для проверки обсуждаемых точек зрения, а в свете того, что его точка зрения, возможно, изменится. Если большинство работ по практике и теории аргументации представляют последнюю исключительно как действие, связанное с убеждением партнеров по диалогу и направленное на преодоление разногласий, и действие, связанное

с поиском истины [Perelman, 1969; Brockriede, 1975; Healey, 1994; Snoeck Henkemans, 2014], то Г. Джонстоун [Johnstone, 1963], можно сказать, полемизирует с представленными выше идеями. В понимании ученого, аргументация — это всегда риск потерпеть неудачу или подвергнуть свои взгляды изменению, оставаясь при этом толерантным к взглядам других. Это требует значительных интеллектуальных и личностных усилий.

Концепция Г. Джонстоуна, которую можно обозначить как «аргументация-риск» состоит в том, что цель аргументации заключается в поддержании напряжения и риска между оппонентами. По мнению ученого, спорить люди начинают не ради согласия и не ради победы над другим. В первую очередь, они делают это в когнитивных и социальных целях — ради самоутверждения и самопознания, и уже во вторую — стремятся к убеждению других. Философское значение аргументации заключается не в том, чтобы достигнуть согласия по какому-либо вопросу, а в обсуждении знаний, взглядов и ценностей, позволяющем каждому участнику спора выдвинуть свое мнение на суд других, осознавая риски его непринятия. Принимая эти риски, человек становится рациональным субъектом своей точки зрения, а не только объектом убеждения для других.

Дихотомия «аргументативный оптимизм» vs «аргументативный инструментализм» методологически соотносится с балансом между диалектической и риторической целями дискуссии. В аспекте этого баланса расширенная версия прагма-диалектики предлагает инструмент для оценки того, как агенты спора используют аргументацию для решения своих задач. Данный инструмент разработан в концепции стратегического маневрирования и представляет собой методику анализа с помощью диалектической цели и риторической цели дискуссии, которые можно анализировать на всех ее стадиях. Напомним, что четыре «дискуссионные стадии», с помощью которых можно добиться устранения разногласия, это стадии конфронтации, открытия дискуссии, аргументации, заключительная стадия [Еемерен, 2021, с. 79]. На основании анализа работ в этой области [Еемерен, 2010, 2014] дадим

определение целей в дискуссии в связи со стратегиями. Диалектическая цель дискуссии — рационально, логично сделать вклад в обсуждение; риторическая цель — представить свой вклад в разрешение разногласий наиболее эффективно и в свою пользу. Каждому этапу дискуссии соответствует своя диалектическая задача, соответствующая стандартам рациональности, в то же время есть и ее риторический аналог, к которому неизбежно склоняются коммуниканты, если они обращаются к аргументированию своих мнений.

Е. В. Ли обозначает эту дихотомию как «универсальные и уникальные стратегии аргументирования» [Ли, 2011], обозначая первые как рассуждение по строгим правилам логики, которые приемлемы в любой аудитории. Уникальные стратегии, по мысли исследователя, характерны для определенных этнокультурных сообществ и для определенного дискурса, например, политического. А. Г. Моногарова номинирует стратегии, которые отличаются от универсальных, как прагматические стратегии в виде «субъектно-ориентированных кооперативных и конфронтационных стратегий, направленных на защиту личных интересов каждого участника дискурса» [Моногарова, 2017, с. 4]. В других публикациях мы тоже нашли термин «прагматические стратегии» [Кунина, 2007; Чернышенко, 2014], под которым исследователи понимают некоторые специфические стратегии, связанные с целями коммуникантов. А. В. Журова выявляет стратегии эвфемизации и дисфемизации, которые используются для смягчения коммуникативных рисков и представляют собой речевое маневрирование [Журова, 2022].

Во избежание терминологической путаницы необходимо дать пояснение о соотношении коммуникативных стратегий и аргументативных стратегий в исследовании коммуникативной ситуации критики. Традиционным для лингвистики является прагматически ориентированное понимание коммуникативной стратегии как комплекса речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей. К этой трактовке необходимо присоединить оппозицию аргументативных стратегий. Мы будем

называть стратегии, реализующие диалектическую цель дискуссии или ее этапов *универсальными (рациональными) аргументативными стратегиями*, понимая под этим критику-рассуждение, основанную на логических аргументах, фактах и разумных выводах. Универсальные стратегии, таким образом, также входят в категорию прагматических стратегий на том основании, что стратегии не могут быть непрагматическими. *Специальными прагматическими аргументативными стратегиями* мы будем называть стратегии, которые отклоняются от рациональных, смещаются в область неаргументативных шагов и составляют риторический аналог универсальных стратегий.

Поясним понимание риторики, представленное в прагма-диалектике в виде трех аспектов: 1) учение о системе топосов (*topoi* или *loci*), 2) учение о взаимодействии оратора и аудитории, 3) учение о технической стороне речи. В связи с этим выделяются три аспекта риторики, лежащие в основе стратегического маневрирования в аргументативном взаимодействии [Eemeren, 2010, p.95] (см. рис. 9):

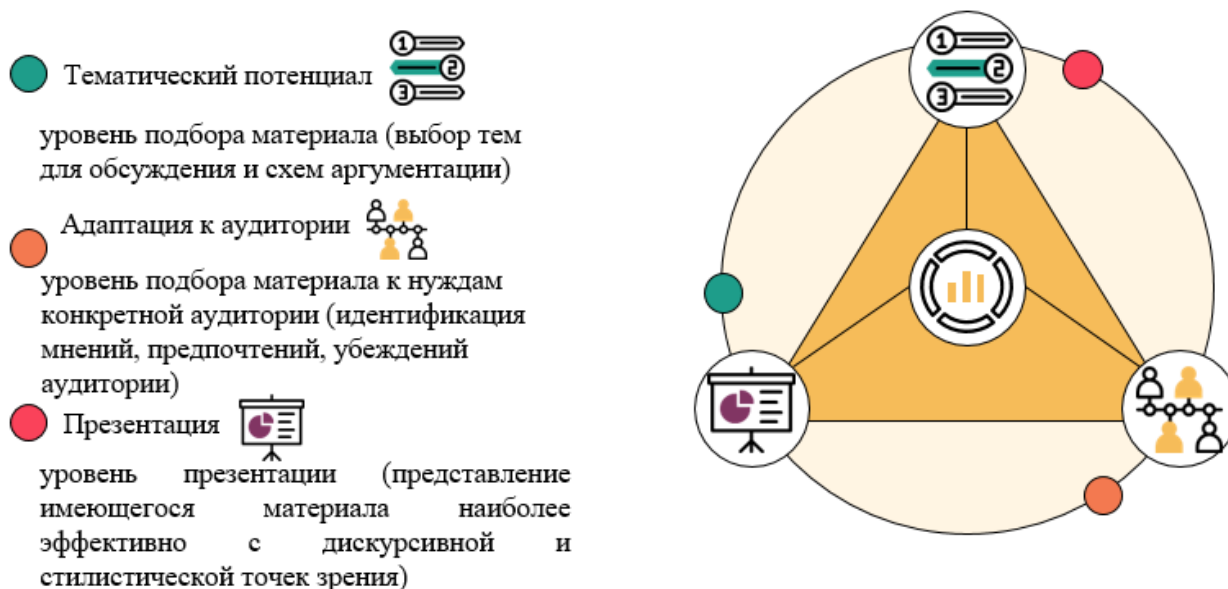

Рисунок 8. Три уровня стратегического маневрирования при переходе к риторической цели дискуссии (инфограмма составлена с помощью slidesgo.com).

На схеме показаны уровни реализации риторической цели. Стратегии могут проявляться на трех уровнях в соответствии с тремя аспектами риторики. Все три уровня взаимосвязаны, но уровень презентации является наиболее явным в анализе, так как даёт возможность проанализировать риторические структуры на лексико-грамматическом уровне.

Изучив дополнительную литературу по стратегическому маневрированию в дискурсе [Мордовин, 2004; Жмакина, 2019; Барбина, Косяков, 2018; Журова, 2022; Eemerен, 2023], мы сформулировали оппозицию «диалектическая цель – риторическая цель», вписав ее в функциональную абстракцию в виде аргументативного спора, который анализируется с помощью модели четырехчастной дискуссии. То есть прототипу соответствует диалектическая цель и рациональные (универсальные) стратегии, а непрототипическим ситуациям критики соответствует риторическая цель и специфические (уникальные стратегии) аргументирования. Представим это на схеме (см. рис. 10).

Аргументативный оптимизм –
 диалектическая цель –
 рациональные стратегии

Аргументативный инструментализм –
 риторическая цель – прагматические
 стратегии

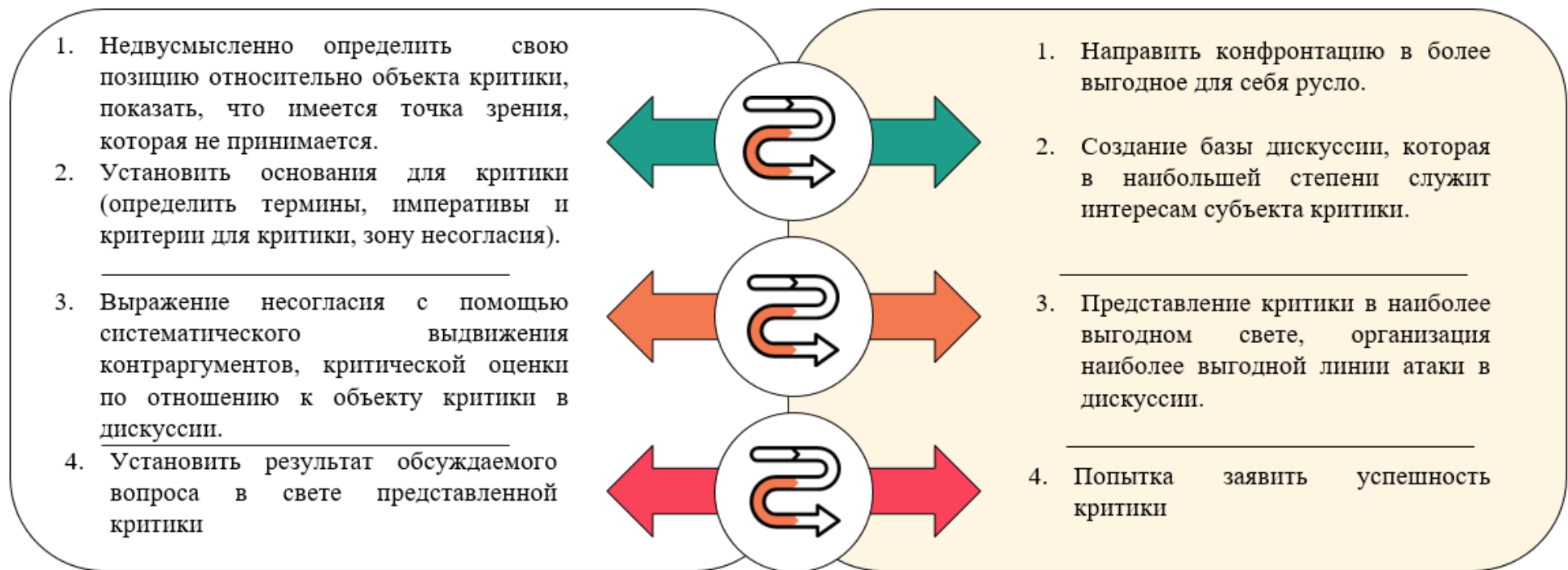

Рисунок 9. Взаимодействие диалектической и риторических целей на четырех этапах дискуссии, где 1 – стадия конфронтации, 2 – открытия дискуссии, 3 – аргументации, 4 – заключительная стадия (инфограмма составлена с помощью slidesgo.com).

Итак, критика в коммуникативной ситуации почти всегда связана с побочными эффектами в виде внедиалогических целей, ожиданий, намерений, опасений, вспышек недовольства и опрометчивых высказываний. Эту часть критики мы можем проанализировать с позиций эмоционально-стилевого модуля общения. Поэтому есть все основания задействовать инструментальный подход к анализу дискурса и исследовать рациональность и нерациональность критики.

Понятие аргументативного спора, в котором критика имеет вид рациональной формы, позволяет провести чёткую границу между аргументативными дискурсивными практиками, в основе которых лежит *argumentum ad rem*, и формами речевого воздействия, основанными на использовании иных *argumentum ad hoc*. При аргументации *Argumentum ad rem* (аргумент по существу) приоритет отдается фактам, логике и предмету обсуждения дискуссии, что делает его более обоснованным подходом к аргументации по сравнению, например, с ошибочными аргументами *ad hominem* или *ad populum*, которые апеллируют к эмоциям или общепринятым убеждениям, а не к рациональным соображениям. Аргументы *ad hoc* создаются для объяснения конкретного случая или для защиты определённой позиции, при этом не принимаются во внимание более широкие контексты или принципы. Такие аргументы часто используются в дебатах и обсуждениях, но они могут быть логически недостаточными или поверхностными.

В работе Г. М. Костюшкиной и Н. С. Баребиной прагматическое измерение критики исследуется в терминах аберрации. Ученые описали девиантный узус критики-рассуждения, который представлен ошибками аргументации, фактоидностью дискурса, смешением стилевых модулей, принадлежащих дискурсам разной степени институциональности, что составляет аберрации рационального стандарта критики [Баребина, 2024]. Солидаризируясь с подходом ученых к трактовке прагматики критики, мы учитываем мнения представителей прагма-диалектического подхода к аргументации, которые убедительно доказывают, что в действии

аргументирования необходимо выделять диалектическую рациональность и риторическую эффективность, которые находятся в постоянном балансе. Ф. Х. ван Еемерен пишет об этом следующим образом: «Чтобы достичь цели разрешения разногласий по существу, аргументативный дискурс должен соответствовать стандартам обоснованности, которые не только действительны для проблемы, но и intersubjectively действительны для диспутантов» [Eemeren, 2023]. М. Доури пишет, что в аргументации есть некоторый идеал в виде норм аргументации, соотнося такие с логичностью, объективностью, разумностью [Doury, 2006]. В целом контекст исследования аргументативного дискурса в системе координат «рациональность – риторичность» сформирован на том основании, что в аргументации следует выделять рациональный модус в виде объективного, беспристрастного обоснования мнения, другая сторона, которая свойственна языковому взаимодействию коммуникантов представляет собой риторическое измерение. Такое измерение содержит систематические отклонения от рациональности в виде большого количества возможных неточностей языкового употребления (ловушки языка, полисемия, метафоры, фигуральность выражения, эвфемия, дисфемия), нарушения логических стандартов, категориальных ошибок, нарушений коммуникативного кодекса.

Все, что не входит в круг логико-рационального модуса, будем относить к непрототипическим вариантам реализации события критики, а значит — к специальным прагматическим аргументативным стратегиям.

2.5. Реализация коммуникативной ситуации критики в дискурсивной практике отмены

Общественная критика в современном цифровом пространстве, активно функционирует как новая этика или «культура отмены», которая связана со стремлением контролировать свободу мнений и с возможностями, предоставляемыми социальными сетями. Рассмотрим данное явление более подробно. Возникшее относительно недавно в современном

коммуникативном пространстве явление «культура отмены» является предметом научного интереса для ученых различных направлений. Культура отмена (англ. cancel culture), (далее по тексту работы КО) является новой формой речевого воздействия, способной влиять на формирование общественного мнения. Будучи реалией современного общества, КО активно функционирует как способ 1) привлечь внимание общественности к обсуждаемой/или чаще критикуемой проблеме, 2) привлечь к ответственности критикуемого субъекта, будь то отдельный человек, группа, организация и даже страна.

На основе изученных словарных дефиниций, близких по значению практике отмены, данных в отечественных и зарубежных источниках, проследив появление и функционирование данного явления за рубежом, а затем и в России, описанные в трудах ученых разных областей знания [Баребина, Костюшкина, 2024; Быков, Ахмедова, 2021; Фефелов, 2022; Киселева, 2020; Мелина, 2023; Субботина, 2022, Семенова, 2023; Alvarez Trigo 2022; Bhat, Klein, 2020; Vogels 2021, Riley, 2021 и др.], можно отметить, что остается много вопросов по его определению. Следует ли рассматривать КО как самостоятельный термин или практикой, характеризующую определенное действие? Вслед за О.С. Иссерс, именующей речевую реальность дискурсивной практикой, нам также представляется целесообразным называть КО и дискурсивной практикой и коммуникативным объектом [Иссерс, 2012, с. 15]. Если называть КО коммуникативным объектом, то представляется возможным изучить данное явление с точки зрения лингвистической категории, а именно: как язык в своем взаимодействии влияет на состояние общества. Так, А. Ю. Мелина называет КО «общественной ответственностью за свои заявления или действия, свершившимся фактом, который анализируется как общественное явление, в котором физические и юридические лица могут быть только объектами, а не субъектами» [Мелина, 2023, с. 59]. По мнению автора, «в политической, социальной и бизнес-сферах вопрос общественного одобрения, поддержания положительного имиджа и

контроля публичной реакции на негативные ситуации имеет особую важность, и даже одно событие локального масштаба при нужной огласке может повлечь за собой серьезные финансовые и репутационные потери» [там же, с. 60]. И здесь прослеживается взаимосвязь критических суждений, реализуемых в коммуникативных ситуациях «отмены» с последствиями для объектов критики.

Следует отметить некоторые отличия в подходах к пониманию данного явления в русскоязычном и англоязычном дискурсах. По мнению Н. М. Горшениной «в русскоязычном дискурсе “культура отмены” чаще всего обозначает некий свод правил, предназначенных для того, чтобы избежать обвинений» [Горшенина, 2020], в то время как англоязычный дискурс неразрывно связывает «отмену» либо с растущей ролью социальных сетей [Trigo, 2020], либо с поляризацией общества [Bhat, 2020]. Давая оценку действительности феномена «культура отмены», следует обратить внимание на речевые или коммуникативные агрессии как тактику давления и воздействия. «Агрессивность подстегивается анонимностью и оттого – безнаказанностью. С. В. Чугров считает, что «так складывается “новая этика”, порождаемая мнимой неуязвимостью сетевых акторов, скрывающихся за никами <...>». «Спорадические проявления культуры отмены в разных формах существовали издревле, но сейчас, в эпоху доминирования веб-сетей, она обрела концентрированный, почти тоталитарный характер, генерируя тревожный пульс эпохи морального беспокойства» [Чугров, 2022, с. 88]. Публичное осуждение считают неэффективным, поскольку против жертвы выносятся мгновенный приговор, и, почти не разобравшись в ситуации, её объявляют преступником или персоной нон-грата. Кроме того, «культура отмены» оказывает противоположный эффект на сторонних наблюдателей, подталкивая их скорее посочувствовать жертве и вырабатывая предвзятое отношение к ценностям, проталкиваемым сторонниками «отмены» [Субботина, 2022].

Далее обратимся к лингвистическому описанию этого явления. Традиционным для лингвистики является вопрос терминологии. Опираясь на идею об ориентирующей функции термина, мы будем исходить из того, что термины являются «главным средством концептуальной ориентации, ориентиром мышления и ориентиром деятельности» [Голованова, 2011, с. 78]. Обращение к контекстам обсуждения исследуемого нами феномена показывает, что существуют как термины с легко читаемой внутренней формой (собственно отмена, канселлинг и др.), которые можно рассматривать в качестве ядра соответствующей терминосистемы, так и образные номинации, а также иносказательные и косвенные вербальные средства, обозначающие понятия из этой области. Очевидно, что термины, принадлежащие сфере КО, объективируют оппозицию между специальным (научным, профессиональным) знанием и знанием повседневным. Данное обстоятельство можно прокомментировать мнением Е. И. Головановой о том, что «с одной стороны, в термине зафиксирована принадлежность обозначаемого фрагмента действительности к той или иной специальной категории предметов, процессов, признаков. С другой стороны, в терминологическом наименовании эксплицитно закреплён когнитивно значимый (а значит, обладающий систематичностью) атрибут, выделяющий данный объект в классификационном ряду» [там же, с. 82].

Для более точного понимания сути нового языкового явления мы ознакомились с десятью терминами, близкими по значению к понятию «культура отмены». Далее в тексте приведем один пример из англоязычного источника и два из русскоязычного. Кембриджский словарь трактует *cancel culture* как «способ поведения в обществе или группе, особенно в социальных медиа, когда предпринимается полный отказ и прекращение поддержки кого-либо, кто сказал или сделал что-то обидное» [Cambridge Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cancel-culture>].

В отечественных словарях определение понятия «культура отмены» отсутствует, однако есть такие термины, как остракизм и бойкот, которые связаны с этим языковым явлением:

– остракизм — 1. (греч. терм.) — изгнание гражданина из пределов государства; решение об этом принималось путем голосования черепками (остракос — по-гречески черепок). 2) Изгнание, гонение, отвержение. [Словарь политических терминов URL: <https://www.dictionary/political-terms/fc/slovar-206.htm#zag-498>];

– бойкот — 1. полное или частичное прекращение отношений с кем-л. в знак несогласия с чем-л., протеста против чего-л. [Большой толковый словарь URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/>]; 2. (перен.знач.) прекращение отношений с кем-либо в знак протеста против чьего-либо поведения, поступка [Толковый словарь Ожегова онлайн URL: <https://slovarozhegova.ru>]; 3. форма политической и экономической борьбы, предполагает полное или частичное прекращение отношений с отдельным лицом, организацией, предприятием. Например, отказ наниматься на работу, покупать продукцию данного предприятия [Энциклопедический словарь онлайн URL: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com>].

Обобщая, отметим, что остракизм, протест, бойкот, гонение не всегда предполагают вербальное действие, это можно сделать молчанием, тогда как действие, связанное с отменой, имеет выраженный вербальный компонент.

Следующим шагом к описанию дискурсивной практики КО считаем обращение к дискурсу, однако, солидаризируясь с мнением А. Ф. Фефелова, отметим, что в настоящее время следует различать *дискурс вокруг культуры отмены*, который подразумевает множество публикаций, описывающих данное явление как элемент различных дискурсов: политического дискурса [Быков, 2021], сетевого дискурса [Афанасьева, 2020; Балахонская, 2018], медийного дискурса [Розанов, 2023; Кин, 2015]. А.Ф. Фефелов пишет о *дискурсе вокруг культуры отмены*, указывая на «задачу в исследовании характерных черт дискурса, возникающего вокруг cancel culture, их

нарратива» [Фефелов, 2022, с. 129]. С другой стороны, существует и собственно языковая область КО, в которой обсуждается ответственность за слова и действия. Однако говорить о том, что это дискурс отмены преждевременно. Речь можно вести о способах говорить на темы ответственности, которые приняты в том или ином обществе. Такое понимание КО коррелирует с термином дискурсивной практики [Иссерс, 2011, с. 230–231]. Итак, на основе вышеизложенного дадим обобщенное определение исследуемого явления. *Культура отмены — современная речевая реалья, динамично функционирующая в широком контексте массмедийного пространства и социальных сетях; эксплицитно выражается интенция вычеркивания и устранения критикуемого объекта.*

Проиллюстрируем теперь реализацию критики в этой практике.

Шведская компания Н&М отказалась закупать хлопок из Синьцзян-Уйгурского автономного района, аргументировав это тем, что *в этом районе используется принудительный труд уйгуров-мусульман.*

Это стало поводом для кампании по бойкотированию и закрытию магазинов Н&М в Китае. Реакции на это заявление последовали от самых разных структур и людей. Приведем примеры.

Коммунистический союз молодежи Китая обвинил Н&М в *распространении ложных слухов.* Китайская армия назвала заявление Н&М *невежественным и высокомерным.*

Мы не можем мириться с какими-либо силами, позорящими и порочащими чистый и безупречный хлопок Синьцзяна. Надеюсь, эта компания проявит уважение к принципам рынка и исправит допущенную ошибку, а также воздержится от политизации коммерческих вопросов, — заявил на брифинге представитель министерства торговли Китая Гао Фэн (17).

Представители государственной телекомпании CCTV выразили мнение о том, что *модный бренд допустил неправильные высказывания, не пытался проверить информацию о принудительном труде нацменьшинства, более того — не запрашивал ее у китайских властей* (17).

Как видим, в реакциях на высказывание H&M присутствует критика, которая представляет собой указание-опровержение главного тезиса компании и в терминах теории аргументации показывает отсутствие или недоброкачественность аргументов H&M. Также критики усмотрели политический подтекст в действиях модного бренда.

Скандал набирает обороты в социальных сетях. Приведем некоторые комментарии пользователей:

Я был в Синьцзяне. Многим моим родственникам и друзьям хорошо живется в Шихэцзы, Урумчи, Синьцзян! Синьцзян – это не то, что придумали эти иностранцы ... Я действительно не понимаю одной вещи. почему некоторые страны не могут всем сердцем сосредоточиться на своих собственных делах? В вашей стране слишком много мест, которые нуждаются в улучшении. Я надеюсь, что вы сосредоточитесь на своем бизнесе и не будете вмешиваться в дела других стран! (17).

Из комментария видно, что автор опровергает аргументы бренда, говоря о том, что родственникам и друзьям из этого района, напротив, хорошо живется.

Качество одежды H&M, как известно, низкое. Можно сказать, что это одноразовые изделия и они не достойны хорошего хлопка из Синьцзяна (17).

В данном комментарии мы видим, что автор говорит о ценности и самой местности, и качества хлопка для китайского человека, которые H&M неосмотрительно обесценила.

Основная причина критики рассматриваемого КС критикиа состоит в том, что заявление бренда голословно. Другая особенность состоит в том, что критики указывают на нормы, ценности, относительно которых ведется опровержение. При том, что критика в КО эксплицитная и логичная, почти все ученые, исследующие этот социальный феномен, высказывают мнение о том, что кэнселлинг представляет собой деструктивное явление. Действительно, высказывания в критике в КО часто содержат оскорбительные сообщения.

Однако правильнее назвать данную практику неким шаблоном действий или сценарием в ситуациях оскорбительных действий, отменяемых с указанием вины высказывавшихся и последствий для них, последующие акты извинения и желание реабилитироваться.

В контексте исследования аргументативных стратегий *культура отмены* — это дискурсивная практика, в которой объективно выделяется непрототипическая коммуникативная ситуация критики.

2.6. Универсальные и прагматические стратегии аргументации в коммуникативной ситуации критики

Для моделирования коммуникативного события критики вернемся к аргументативному спору, который в нашем исследовании является функциональной абстракцией для исследования реализации контраргументации в прототипической ситуации критики. Как было указано в 2.4., моделью аргументативного спора является четырехчастная модель критической дискуссии, принятая в прагмадиалектическом подходе к аргументации [Еемерен, 2021; Eemeren, 1992].

В аспекте этого баланса расширенная версия прагма-диалектики предлагает инструмент для оценки того, как агенты спора используют аргументацию для решения своих задач. Данный инструмент разработан в концепции стратегического маневрирования и представляет собой методику анализа с помощью диалектической цели и риторической цели дискуссии, которые можно анализировать на всех стадиях дискуссии. Напомним, что четыре «дискуссионные стадии», с помощью которых можно добиться устранения разногласия, это стадии конфронтации, открытия дискуссии, аргументации, заключительная стадия [Еемерен, 2021, с. 79]. На основании анализа работ в этой области [Eemeren, 2010, 2014] дадим определение целей в дискуссии. Диалектическая цель дискуссии — рационально, логично сделать вклад в обсуждение; риторическая цель — представить свой вклад в разрешение разногласий наиболее эффективно и в свою пользу. Каждому этапу

дискуссии соответствует своя диалектическая задача, соответствующая стандартам рациональности, в то же время есть и ее риторический аналог, к которому неизбежно склоняются коммуниканты, если они обращаются к аргументированию своих мнений.

Преобразуя описанный контекст к исследованию коммуникативной ситуации критики, мы будем называть стратегии, реализующие диалектическую цель дискуссии или ее этапов *прагматическими рациональными (универсальными) стратегиями*, понимая под этим критику-рассуждение, основанное на логических аргументах, фактах и разумных выводах. *Специальные прагматическими риторическими стратегии* отклоняются от рациональных и которые составляют их риторический аналог.

Прагматические риторические стратегии в дискурсе — это приемы и методы, которые используются говорящими для достижения определенных целей в процессе общения. Эти стратегии помогают управлять значением, интерпретацией и восприятием высказываний и реализуются за счет такого свойства языковой системы, как вариативность. Экспликацией прагматических установок являются следующие языковые особенности: лексика с семантикой речемыслительной деятельности, эмоционально-оценочная лексика, устойчивые выражения, эвфемизмы, местоимение *мы* в его прагматической функции, различные типы вопросов (вопрос, содержащий совет; риторический вопрос). Эти стратегии помогают не только передавать фактуальную информацию, но и управлять отношениями между участниками общения, создавая более эффективный и конструктивный дискурс.

Экспликацией универсальных стратегий являются нейтральные языковые единицы в сочетании с конструкциями ввода-вывода, фактуальность.

Выводы по второй главе

Коммуникативная ситуация служит инструментом для анализа и категоризации различных аспектов проявления критики в дискурсивной практике отмены. Компонентами коммуникативной ситуации критики являются: продукт критики, объект критики, адресат критики, субъект критики, контекст и цель.

В непрототипической ситуации критики в практике отмены объект критики связан с триггерным высказыванием, противоречащим гражданским ценностям. Адресат критики представляет собой нечеткую аудиторию, которая формируется из значительного количества причастных последователей, разделяющих точку зрения критика. Цель критики в практике отмены состоит в устранении объекта критики из социума, а не в том, чтобы устранять недостатки.

Концепция аргументации-убеждения сводит действие критики к средству тестирования обсуждаемых точек зрения, концепция аргументации-риска позволяет анализировать стратегии критики в аргументативной коммуникации.

Для конструирования прототипической коммуникативной ситуации критики применим прототипический подход на основании анализа семантики языковых единиц — показателей критики, на уровне текстовых показателей выражения критики, а также на основании выявления структуры самой ситуации критики (подход «от слова» и «от объекта»).

Методологическая абстракция «аргументативный спор» составляет критикорационалистический императив аргументативного оптимизма, который предполагает, что устранение разногласий и достижение удовлетворительного для всех сторон дискуссии результата — это идеальная цель, к которой должны стремиться все участники дискуссии.

Способы вербальной репрезентации универсальных стратегий критики в прототипической коммуникативной ситуации критики: кооперативность, объектоориентированность, логичность (рациональность), нейтральность.

Лексемами-репрезентантами безличного рационального действия критики являются: а) *анализ / analysis*, б) *оценка / evaluating* в) *отрицание / negation*. Речевое действие критики, которое включает личную оценку и мнение субъекта критики представлено языковыми средствами со скалярностью отрицательных значений: *мнение / opinion*, *осуждение / animadversion*, *недостаток / fault*.

Стратегии, реализующие диалектическую цель дискуссии или ее этапы (универсальные /рациональные) представляют критику-рассуждение. Прагматические аргументативные стратегии реализуют риторическую цель коммуникативной ситуации критики.

Практика «отмены» как разновидность публичной критики представляет собой непрототипическую коммуникативную ситуацию критики, в которой преобладают прагматические стратегии аргументации субъектов критики.

ГЛАВА III. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПОНЯТИЙ ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ КРИТИКИ

В лингвистике постоянно предпринимаются попытки адаптации аргументологических методов исследований к анализу языковых фактов, в том числе в отношении утвердительных и отрицательных высказываний. Считаем важным обобщить данные о соотношении понятий критики, контраргументации, отрицательной аргументации, точки зрения, тезиса, аргумента. Данный параграф соответствует одной из задач диссертации, состоящей в том, чтобы показать, как работает категориальное поле аргументации в исследуемом лингвистическом материале критики.

3.1. Дискурс опровержения

Если обработка понятий теории аргументации в лингвистических исследованиях по отношению к обоснованию некоторых позиций производится, то таковая в отношении критики не получает регулярного освещения. Одним из немногочисленных исследований является работа О. В. Пучковой, которая показала, что дискурс опровержения является модификацией аргументативного дискурса, и изучила аргументативно-лингвистическое оформление дискурса опровержения с точки зрения способов построения контраргументации. Автор трактует контраргументацию как мыслительно-языковую структуру, обеспечивающую обоснование ложности позиции противника. «Контраргументирование в этой связи выступает как процесс представления доводов против определенного положения» [Пучкова, 2006, с. 8]. Исследователь выявил два уровня реализации критики в контраргументации:

- на микроуровне способом построения контраргументации является критика тезиса, доводов, способа рассуждения;
- на макроуровне критика в диалектической аргументации направлена на утверждение необходимости совместного поиска истины; целеустановкой

критики в эристике является разрушение аргумента противника, при осуществлении софистической аргументации критик-пропонент контраргументации пытается подавить оппонента [там же, с. 11].

В рамках контрманипулятивного речевого сопротивления исследована контраргументация как отрицание и/или опровержение тезиса говорящего с последующим обоснованием собственной (отличающейся) точки зрения [Петрова, 2020, с. 43]. Глубокую разработку смежных вопросов находим в статье Е. Н. Лисанюк, где автор выдвигает прогрессивную идею о более значимой роли критики и контраргументации в получении практического результата, по сравнению с обоснованием и доказательством, внимание к которым традиционно.

В современной теории аргументации выделяется три подхода к пониманию критики, которые связаны с тремя подходами к пониманию аргумента: выводным, диалогическим и абстрактным. «Выводной аргумент предполагает одношаговую критику на основе его анализа и окончательную оценку со стороны его автора, диалогический подразумевает многошаговый пересмотр оценки, осуществляемой преимущественно адресатом по итогам диалога, а абстрактный аргумент сводит свою функцию к способности противостоять контраргументации, что демонстрирует его роль в защите от критики множества аргументов, к которому он принадлежит» [Лисанюк, 2022, с. 5].

В концепции прагма-диалектики существует представление о том, что следует выделять два вида контраргументации [Еемерен, 1992, с. 96]. С некоторыми преобразованиями это можно представить следующим образом:

- 1) контраргументация исходит от оппонента по отношению к высказанному пропонентом мнению (соотносится с полемическим отрицанием);
- 2) контраргументация исходит от пропонента отрицательной точки зрения по какому-то вопросу (соотносится с дескриптивным отрицанием).

Следовательно, возможны два определения: контраргументация (КА-1) — это процесс представления аргументов, направленных на опровержение или ослабление аргументов противоположной стороны. Контраргументация (КА-2) — это процесс обоснования своей позиции в виде отрицательной точки зрения на какой-то объект. Методологически важно, что эти два определения относятся к такой ситуации, когда происходит обсуждение некоторого вопроса, мнения, точки зрения. Например, обсуждается вопрос: *Искусственный интеллект — что это, безграничные возможности или угроза?*

Протагонист положительной точки зрения имеет следующий ответ: *Машины не опасны*. В этом случае мы имеем обосновывающую аргументацию или Арг +. Протагонист отрицательной точки зрения на этот вопрос ответит: *Искусственный интеллект опасен для человечества*. Здесь представлено обоснование отрицательной точки зрения или Арг —, а в терминах контраргументации КА-2. Возникает, однако, некоторая путаница, так как протагонист отрицательной точки зрения одновременно может выступать и антагонистом по отношению к положительной точке зрения, а значит, он выдвигает не только контраргументацию КА-2, но и контраргументацию КА-1. Очевидно, что разработчики прагма-диалектической теории, вводя такие термины, имели в виду возможность реконструкции сложных споров, когда имеется некоторая тема обсуждения и необходимо четко распределить все имеющиеся точки зрения относительно этой темы.

Считаем, что следующие обозначения речевых действий, связанных с критикой, целесообразны и достаточны:

1) реактивная критика (критика существующей аргументации, рассуждения, доказательства или полемическое отрицание) — КА;

2) дескриптивная критика (аргументирование негативной точки зрения). (дескриптивное отрицание) — Арг —.

3.2. Категория аргумента

Еще одной категорией теории аргументации, требующей адаптации в лингвистическом ракурсе, является категория аргумента. Известно, что аргумент в рассуждении — это утверждение или факт, который представляется в качестве доказательства или поддержки определенной точки зрения или утверждения.

Аргументы в тексте — это рассуждения или утверждения, которые поддерживают основную идею или тезис, выраженный автором. Они могут быть представлены в разных формах и служат для убеждения читателя или слушателя. Представим несколько типов аргументов, которые часто встречаются в текстах.

1. Фактические данные. Конкретные цифры, статистика, результаты исследований и другие доказательства, которые подтверждают точку зрения автора.

2. Примеры. Случаи и истории, которые иллюстрируют основные идеи и делают их более понятными и наглядными.

3. Сравнения и аналогии. Сравнение двух или более явлений, представленных с целью показать их сходства или различия, что помогает проиллюстрировать аргумент.

4. Существует класс аргументов, которые можно считать таковыми лишь с оговоркой. К ним относятся ссылки и упоминание мнений экспертов, ученых или авторитетных источников, что добавляет весомость аргументации, а также эмоциональные апелляции, которые направлены на чувства читателя, призывают к сочувствию, страху или радости.

В рамках взаимодействия логического базиса аргументации и лингвистики справедливо возникает вопрос о том, насколько уместно сравнивать логические рассуждения с рассуждениями-аргументами в естественном языке. В лингвистическом поле этот вопрос решается с помощью дескриптивно-семантического подхода к высказыванию. Планом выражения изучаемой категории, как следует из работы Р. Ф. Рохвадзе,

являются языковые единицы (лексического и синтаксического уровня), реализуемые в категориальной ситуации fact и, имеющие общую семантическую функцию — манифестацию фактуального/истинного высказывания. Автор выделяет присущие категориальной ситуации факта ингерентные свойства [Рохвадзе, 2015, с. 9–10]. Проиллюстрируем их на примере аргументов из дискуссии об искусственном интеллекте (пример 18):

- истинность (соответствие человеческого знания окружающему миру, например: *Наша вселенная не позволяет передавать информацию быстрее, чем со скоростью света*);
- верифицируемость (проверка его истинности с помощью доказательств или его сопоставления с эмпирическими данными, например: *Альфа успешно обыгрывает человека в го на доске 19 на 19, но она уже не может играть в го на доске размером 20 на 20*);
- вхождение в эпистемическое пространство (пространство знания характеризует факт как формат знания с оценкой «истинно», например, *С тех пор минуло уже больше чем полстолетия, но у нас нет колонии даже на Луне*);
- каузальность (причинность, действенность, например: *Мы знаем, существует лимит Бреммермана. Лимит не позволяет нам создать машину, превышающую по своей производительности определенный порог*);
- завершенность (периодически отмечается в качестве признака ситуации факта и дополняет перечисленные признаки истинности и верификации, например: *...нейроны в человеческом мозгу работают с очень низкой скоростью, максимум 1000 переключений в секунду и тем не менее, мы утверждаем, что люди обладают интеллектом*) (18).

Идентификация аргументов в тексте исследована в работах Н. А. Пром [Пром, 2020; 2022]. Ученый выделяет такую характеристику факта, как эффективный потенциал в связи с тем, что факт является носителем ценностного признака истинности. Следовательно, в любом дискурсе (научном, юридическом и др.), факт является основой для последующих действий, которые будут расценены как обоснованные. Например, в науке

хорошая репутация фактов позволяет им быть основанием для построения и опровержения теорий, аргументами в дискуссии. В юриспруденции эффектом установленного факта являются определенные правовые действия. Потенциал факта представляет собой прогнозируемую либо конструируемую реакцию на факт [Пром, 2022, с. 7].

В другом месте ученый пишет о фактообразующих принципах [Пром, 2022, с. 149–150] в виде актуальности сообщения, речевых маркерах соответствия факта действительности, речевых маркерах значимости сведений для адресата, релевантности.

3.3. Точка зрения

Еще одним важным элементом, требующим согласования относительно двух дисциплин, является понятие «точка зрения», проблемы изучения которого были заложены в трудах М. М. Бахтина [Бахтин, 1963], Ю. М. Лотмана [Лотман, 1981], развиты в значительном количестве работ (см., например, [Успенский, 1995, Фещенко, 2004, Руженцева, 2022 и др.]).

В лингвистической литературе представлены такие варианты номинации этого понятия, как «фокус», «фокализация». «Точка зрения» представляет собой текстовую сверхкатеорию в виде базовой, основополагающей категории, обладающей большими текстообразующими возможностями. Фокализация в нарратологии относится к тому, с какой точки зрения рассказывается история. Это понятие описывает, как автор выбирает определенный угол зрения для повествования, каким образом это влияет на восприятие читателем или зрителем событий и персонажей. Исследование категории «точка зрения» является обширным и разнородным направлением, в котором выделяются различные подходы к анализу перспективизации, субъектности и объектности, фигуры и фона, взаимодействию текста автора и персонажа, рассматривается явление наблюдателя, фокусирования и дефокусирования в языке (см. обзор в работе О. К. Ирисхановой [Ирисханова, 2014]).

Понятие «точка зрения», наиболее разработанное в литературоведении, в современных исследованиях задействуется и в коммуникативной лингвистике и сдвигается к анализу когнитивного и дискурсивного плана текста, интерпретативных усилий продуцента и адресата речи. Взаимодействие различных точек зрения в дискурсе также входит в эту исследовательскую программу. В частности, это нашло отражение в исследовании коммуникативных стратегий в дискурсе. Так, О. К. Ирисханова исследует вопросы селективности внимания через понятия фокусирования и дефокусирования. Автор выделяет аддитивные (компенсаторные) стратегии, которые «нацелены на передачу фактуальной информации, с наименьшими потерями» [Ирисханова, 2014, с. 248], и неаддитивные (интегративные) стратегии, которые «направлены не столько на передачу некоторого объема информации, сколько на запуск самостоятельного порождения новых смыслов со стороны реципиента» [там же, с. 250]. Ученый считает, что существуют такие типы дискурсов, в которых общий вектор всех стратегий стремится или к компенсаторности, или к интегративности.

Существенным является понятие «объект точки зрения», которое означает то, с какой позиции или перспективы рассматривается определенный объект или явление. Н. Б. Руженцевой разработана схема анализа точки зрения.

1. Проблема, обсуждаемая в тексте.
2. Выразитель точки зрения (субъектная организация текста).
3. Речевое представление авторской точки зрения на проблему.
4. Форма чужой речи, используемая для речевого представления неавторской точки зрения.
5. Аксиологическое содержание точки зрения [Руженцева, 2022, с. 13].

В теории аргументации точка зрения как перспектива определяет, как участники обсуждения воспринимают и интерпретируют аргументы. Признаются следующие аспекты, связанные с этим понятием:

1. Субъективность. Точка зрения каждого участника может быть сформирована их личным опытом, убеждениями и ценностями. Это влияет на то, как они воспринимают аргументы и контраргументы.
2. Многообразие точек зрения. В аргументации часто представлено множество точек зрения. Это может обогатить обсуждение, но также привести к конфликтам, если участники не готовы учитывать мнения других.
3. Контекстуальность. Точка зрения формируется в контексте конкретной ситуации. Социальные, культурные и исторические факторы могут влиять на то, как воспринимаются аргументы.
4. Стратегии убеждения. Разные точки зрения могут требовать различных стратегий аргументации. Например, эмоциональные апелляции могут быть более эффективными для одной аудитории, в то время как логические доводы могут лучше сработать для другой.

Можно сказать, что в теории аргументации точка зрения имеет статус сверхкатегории. Так как она играет ключевую роль, то получает глубокое осмысление, а в обсуждение вовлекаются смежные понятия, такие как мнения, убеждения, тезисы, утверждения, претензии и позиции. Например, Ф. Х. ван Еемерен пишет: «Устное или письменное высказывание является точкой зрения, если оно выражает положительную или отрицательную позицию автора в отношении содержания высказывания, позволяя, таким образом, точно определить, что говорящий или пишущий собирается отстаивать» [Еемерен, 2006, с. 23]. П. Хоутлоссер, анализируя разные концепции теории аргументации, отмечает, что существуют понятия, имеющие «точкозренческую» роль: «тезис», «закключение», «утверждение-претензия», «дебатируемая пропозиция», где говорящий дает понять другим, что он занимает определенную позицию по отношению к утверждению, которое оспаривается. Еще одна идея состоит в том, что мнение выражено в точке зрения. Это происходит не всегда, мнение не обязательно требует доказательства [Хоутлоссер, 2006, с. 53].

Тезис обычно представляет собой основную идею или утверждение, которое автор пытается поддержать или опровергнуть. Точка зрения, с другой стороны, представляет собой позицию или убеждение автора относительно определенной темы или проблемы. Соотношение между точкой зрения и тезисом заключается в том, что *точка зрения определяет позицию автора относительно темы, а тезис является основным утверждением, которое автор пытается поддержать или опровергнуть.*

В теории аргументации сами подходы к понятию точки зрения генерируют разные научные контексты к его трактовке. С позиции неформальной логики важны условия, при которых коммуниканты делают те или иные выводы. Социопсихологический уклон заключается в исследовании убедительности доводов по отношению к точке зрения. Диалектический подход изучает состоятельность точки зрения в процессе обсуждения и спора. Дискурсивный анализ занимается изучением того, как люди выражают свое мнение и точку зрения в процессе интеракции.

Лингвистический подход к анализу точки зрения (помимо семантического компонента) тяготеет как раз к последнему виду упомянутого выше анализа, где смежной для нарратологии и теории аргументации территорией является вопрос индикации точки зрения. Как можно судить из литературы, относительно точки зрения актуально следующее:

1. Структурный показатель (в терминах аргументации) — аргументативный синтаксис (в лингвистических терминах). Точка зрения чаще всего находится или в начале (регрессивный порядок), или в конце (прогрессивный порядок) текста-рассуждения. Например: *Я думаю, что искусственный интеллект для человечества опасен (точка зрения=тезис), потому что это мощная технология, которая может быть использована непредсказуемым образом (аргумент).* Здесь представлен регрессивный порядок представления точки зрения.

Люди во многом судят об опасностях, связанных с искусственным интеллектом по фильмам и книгам. Поэтому первая ассоциация, которая

возникают у людей – это терминаторы судный день. Люди вообще склонны к такому одушевлению окружающей природы (аргументы). Поэтому я думаю, что по большому счету ничего страшного (точка зрения=тезис). В примере представлен прогрессивный порядок представления точки зрения. Подсказкой для экспликации точки зрения является то, что каждый аргумент должен приводить к выводу. На этом основании можно говорить об аргументативном синтаксисе в виде конструкций причинно-аргументирующих отношений.

2. Внешние и внутренние показатели точки зрения. К ним относятся фразы и языковые формулы типа, *по моему мнению*, глаголы, передающие отношение *думать, считать, полагать* и др., слова-аргументаторы *даже, еще*. Языковые показатели аргументации на лексическом уровне дают возможность установить модальность высказываний-утверждений, степень уверенности или неуверенности аргументатора. Показатели точки зрения можно найти в последующих высказываниях аргументатора в виде речений, представляющих собой пояснения, мотивацию, определение, детализацию.

3. Типология точек зрения. Ориентируясь на работу О. В. Курских, в которой в обобщенном виде представлены сведения о точке зрения в лингвистике, приведем две характеристики:

– выделяются три типа «точки зрения»: синхронный, ретроспективный и проспективный, где каждый из выделенных типов определяет способ представления событий и является принципом отбора и сочетания языковых средств;

– ядром плана выражения категории «точка зрения» является структура «личное местоимение + глагольно-временная форма + временной локализатор» [Курских, 2013, с. 5].

Очевидно, что в данном вопросе важен оценочный план и план выражения критики. Если считать, что план языкового выражения точки зрения «личное местоимение + глагольно-временная форма + временной локализатор», то критику можно причислить к ретроспективному типу.

Однако мы считаем возможным в эту структуру включить еще одну категорию нарратологии — *объект точки зрения*.

Для разьяснения категории *объект точки зрения* релевантны термины «мнение» и «отношение», под вторым Д. Окиф понимает «позитивную или негативную оценку человеком какого-либо объекта (другого человека, учреждения, события, продукта, политики и т. д.), опирающуюся на те или иные представления человека о предполагаемых свойствах этого объекта» [O’Keefe, 1990, p. 18]. Д. Шиффрин считает, что у точки зрения много общего с мнением. Но при этом точку зрения необходимо доказывать, тогда как мнение не требует доказательства, а более относится к области веры. По Д. Шиффрину, точку зрения необходимо защищать от нападения [Shiffrin, 1990, p. 248].

Итак, при том что различия в трактовках точки зрения в лингвистике и в аргументологии, безусловно, имеются, эта категория является продуктивным способом структурирования позиций участников коммуникативной ситуации и является некоторой системой координат для установления направления критики, исходящей от оппонента и от пропонента отрицательной оценки. В соответствии с этим представим две модели критики. Первая модель показывает отрицательную точку зрения (ТЗ –) по отношению к объекту (см. рис. 11).

Рисунок 10. Точка зрения по отношению к объекту в дескриптивной критике (инфографика Slidesgo.com)

Объект точки зрения раскрывает тактика моделирования взаимодействия автора и рецензента в научной интеракции, которая представлена в исследовании А. В. Колмогоровой. Мы обратились к этой работе, потому что в ней описано взаимодействие автора научной работы и ее

рецензента (в наших терминах — пропонента и оппонента). При этом исследователь анализирует это взаимодействие относительно научной работы, которая выступает когнитивным объектом [Колмогорова, 2013, с. 257]. Поступим таким же образом и поместим объект критики в центр взаимодействия коммуникантов с противоположными точками зрения (см. рис. 12).

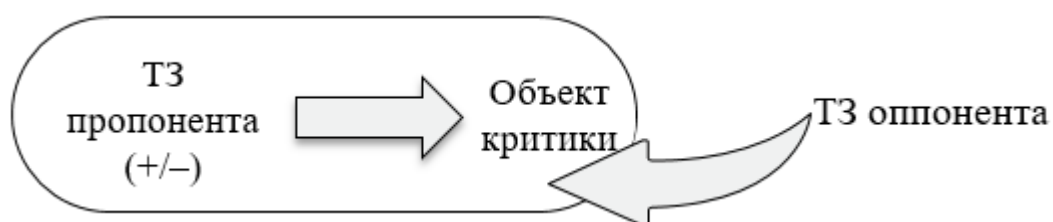

Рисунок 11. Точка зрения по отношению к объекту критики в реактивной критике (инфографика Slidesgo.com)

Сделаем некоторые обобщения относительно объекта точки зрения в критике с учетом двух моделей ее представления. Точка зрения в дескриптивной критике — это мнение, фиксирующее отрицательное отношение субъекта к объекту критики. Объект дескриптивной критики — это то, что подвергается анализу, оценке или осуждению. Это может быть произведение искусства, литературное произведение, политика, поведение людей, социальные явления и др.

Точка зрения в реактивной критике — это мнение, фиксирующее отрицательное отношение субъекта-оппонента к объекту критики. Объектом реактивной критики является точка зрения пропонента, выраженная вербально. Она входит в объем понятия триггера в коммуникации, связанного с метафорой спускового крючка. В лингвистике начинает складываться запрос на изучение триггеров разного типа. Встречаются такие номинации, как триггер-событие, триггер-коммуникация, триггерные письма, триггерная дискуссия, триггерное высказывание и др. [Kornina, 2024]. Исследователи указывают на то, что триггерные высказывания порождают негативную реакцию «по отношению как к автору слов, так и к конструируемой им реальности» [Kornienko, 2022, с. 154]. Изучение вербальных триггеров

открывает много возможностей для понимания механизмов коммуникации, так как триггерные высказывания вызывают индивидуальный или/общественный отклик в виде разных реакций.

Одним из критериев триггерного высказывания является «наличие ответных реакций на высказывание, указывающих на возникшие эмоции/чувства и на оценочное отношение адресата к сообщаемой информации» [Корнина, 2024, р. 921]. В аспекте исследования коммуникативной ситуации критики точка зрения пропонента является триггерным высказыванием. Триггерное высказывание в коммуникативной ситуации критики представляет собой речения разного объема, но может быть реконструировано до выраженного мнения.

3.4. Адресат критики

Реципиент аргументативного текста не всегда соотносится с ролью оппонента. Это рациональный судья или зритель как анализатор рассуждения. В ряде случаев «судья» действительно может совпадать с оппонентом или только подразумеваться в качестве коллективного арбитра. В связи с этим фигура рационального судьи довольно редко представлена в анализе аргументативного дискурса. Но в строгом смысле такая фигура все же есть, например, в судебном дискурсе, она эксплицитна и исполняется судьей, который наблюдает за взаимодействием пропонента и оппонента. Для понимания категории рационального арбитра в аргументации актуально задействовать категорию наблюдателя, которая получает систематическое освещение в лингвистическом поле [Верхотурова, 2006; 2009; 2017].

Т. Л. Верхотурова указывает, что Наблюдатель как категория получает различное осмысление. Он концептуализируется как субъект зрительного, слухового восприятия. В контексте исследований языка, как и в общенаучном контексте, наблюдатель может выполнять функцию субъекта обыденного акта / процесса восприятия *per se* [Верхотурова, 2006, с. 18]. Категория наблюдателя в лингвистике затрагивает аспекты, связанные с точкой зрения,

субъективностью и объективностью высказываний. Категория наблюдателя включает дихотомию *субъективность – объективность*. Наблюдатель может представлять информацию с личной точки зрения (субъективно) или с нейтральной позиции (объективно). В зависимости от того, на каком участнике действия акцентируется внимание, фокус может смещаться с наблюдателя на говорящего.

Примечательна трактовка рационального арбитра в прагматической теории аргументации: «Под выражением “рациональный судья” мы подразумеваем носителя языка, в котором говорящий видит человека, дающего оценку тому, что он говорит. Аргументация, выдвинутая в защиту положительной точки зрения, предназначена для того, чтобы обосновать, согласно стандартам рационального судьи, выраженное мнение, к которому относится данная точка зрения, а аргументация, выдвинутая в защиту отрицательной точки зрения, предназначена для того, чтобы опровергнуть выраженное мнение, согласно стандартам рационального судьи. Носители языка, которые выдвигают аргументацию, предполагают, что их слушатели — рациональные судьи в том смысле, что они попытаются по возможности наиболее правильно оценить, приемлема или неприемлема данная аргументация, то есть они должны судить аргументации по тому вкладу, который она вносит в разрешение спора» [Еемерен, 1994, с. 10].

Мы задействовали категорию адресата в анализе в связи с тем, что агент спора и рациональный арбитр могут быть объединены в одном лице и выполнять роль адресата. И наоборот, в случае, например, жалобы сотрудника на руководителя, последний будет объектом критики, а адресатом будет выступать руководитель вышестоящей организации.

3.5. Аргументативный спор как экспликация коммуникативной ситуации критики

Имеется несколько способов рассмотрения ситуации в лингвистике, а именно с точки зрения: а) простого или сложного речевого события;

б) проявления в тексте (феноменология); в) элемента аксиологической структуры текста; г) нарратива, д) основной единицы фоновых знаний; д) предиката предложения; е) триединства в виде референтного события, идеи-события, текстового события; ж) пространственно-временных отношений [Бочарников, 2024, с. 23]. Из выявленных А. П. Бочарниковым и С. В. Свешниковым способов мы задействуем способ «б», в котором исследуются проявления в тексте (феноменология аргументации). Этот компонент представляет собой обоснование высказанной критики и включает в себя аргументы, примеры, доказательства, ссылки на авторитеты и т.д. Этот компонент может представлять собой как пример монолога (адресат предполагается в виде читателя, зрителя и т.д.), так и диалога с участием адресата.

Рассмотрим возможности моделирования коммуникативной ситуации критики. Но вначале приведем ссылку на работу И. В. Дорофеевой, обобщающей данные о конструировании моделей в лингвистике: «В идеале модель должна быть формальной (т. е. в ней должны быть в явном виде и однозначно заданы исходные объекты, связывающие их отношения и правила обращения с ними) и обладать объяснительной силой (т. е. не только объяснять факты или данные экспериментов, необъяснимые с точки зрения уже существующей теории, но и предсказывать неизвестное раньше, хотя и принципиально возможное поведение оригинала, которое позднее должно подтверждаться данными наблюдения или экспериментов)» [Дорофеева, 2015, с. 43]. Согласно этому определению сконструируем модель анализа коммуникативной ситуации критики, поместив в центр будущей модели компонент, который представляет собой продукт в виде аргументации-критики. Поясним свою исследовательскую позицию следующим образом: в теории аргументации большое внимание уделяется диалогическому взаимодействию, а критика понимается в ней как составляющая аргументации вообще. Обширная литература по этому вопросу [Quiroz, 1992; Muntigl, 1998; Snoeck Henkemans, 2003; Oswald, 2007; Walton, 1992; 2007] содержит

разработки по всем перечисленным выше элементам моделируемого нами события критики, а именно: цели, характеристики и роли участников, контекст, понятие и характеристика целей аргументаторов, коммуникативный кодекс речевого поведения, оценка результата — все это можно исследовать, поместив в центр модели явление аргументации.

Аргументологический анализ способен предоставить актуальный способ структурирования и анализа коммуникативной ситуации. Напомним, что в качестве средства категоризации разнородных ситуаций проявления критики мы предложили считать *аргументативный спор*. В свою очередь, для его моделирования релевантна модель критической дискуссии, которая представляет собой методологическую абстракцию, в которой эксплицируется идея о том, что, вступая в аргументативный диалог, рациональные участники совместно стремятся преодолеть расхождения во мнениях, и для этого соблюдают своеобразный кодекс аргументации в виде максим вежливости и принципов кооперации [Еемерен, 1992, 2021; Eemeren, 2023].

Представим спецификацию основных элементов этой модели и объясним, какое место в ней занимает критика.

Модель критической дискуссии основана на том, что взаимные разногласия сторон (варианты обозначения сторон: пропонент и оппонент, адресат и адресант, протагонист и антагонист) могут быть устранены и преодолены посредством аргументации. В случае, если мнение или точка зрения (АРГ+) не проходит проверку в свете критики (АРГ –), пропонент этой точки зрения должен ее отозвать и согласиться с тем, что он неправ. Критика (АРГ –) структурно соответствует опровергающей аргументации или контраргументации (КА). «Аргументативное использование языка» [Еемерен, 2021, с. 79] — это всегда диалог между сторонами, не придерживающимися единого мнения. В случае монолога пропонента речь следует вести об особом случае дискуссии, где оппонент все же подразумевается. Если роль оппонента не исполняется в явном виде, речь пропонента все еще можно анализировать как вклад в дискуссию, он противостоит возможной критике. Категория

участников такая же, как принята в нашей работе: проponent критики (выдвигает отрицательную точку зрения) и оппонент (критикует точку зрения проponenta). Преодоление разногласий моделируется в четырех диалектических стадиях несмешанной дискуссии. В абстрактном споре акцент делается на рациональности и логической структуре контраргументации, реализующей критику. Текстовыми показателями рациональности является нейтральная лексика, конструкции с причинно-аргументирующей семантикой.

Стадия конфронтации. На этой стадии становится ясным, что существует несогласие. В эталонном варианте участники предполагаемой дискуссии явно обозначают свои позиции. В вариантах возможно косвенное выражение несогласия, а также с помощью внешней стороны – ведущего, модератора, судьи. Языковое выражение начала критики на этой стадии дискуссии следующее.

1. Оппозиционные конструкции: *но, однако, а, в то время как.*
2. Отрицание: *не, ни, никогда, никак.*
3. Вводные слова и фразы: *к сожалению, кажется, мне кажется, на мой взгляд.*
4. Сравнительные структуры: *по сравнению с, в отличие от, не так как.*
5. Вопросы: *Неужели? Правда ли? Как такое возможно?*
6. Усилительные слова: *совершенно не согласен, категорически не согласен.*

Стадия открытия дискуссии. В идеальном варианте стороны выясняют степень совпадения тех оснований, с помощью которых они могут обсуждать разногласие. К таким основаниям относятся фоновые знания, опыт, термины и понятия, стиль и регламент общения. Также на этой стадии принято обозначить и свое согласие выступать «за» или «против» точки зрения, то есть выполнять роль проponenta или оппонента. Часто эта стадия остается неявной или молчаливо предполагаемой. На практике пропуск этой стадии выглядит как то, что люди придают разное значение некоторым понятиям, не готовы

действовать как оппонент или критик, или наоборот, хотят критиковать, но не говорят об этом, а действуют косвенно, устраняются от роли критика.

Языковое выражение начала критики на этой стадии дискуссии следующее.

1. Вводные фразы: *давайте обсудим, предлагаю начать с, давайте рассмотрим.*
2. Вопросы для стимуляции обсуждения: *что вы думаете о? как вы видите, насколько вам знакома эта тема? что вы понимаете под...? какие аргументы можете привести?*
3. Уточнение позиций: *я бы хотел узнать ваше мнение по поводу, как вы относитесь к ...? на чьей вы стороне? как вы считаете?*
4. Предложение своей точки зрения: *я считаю, что, на мой взгляд, мне кажется, что..., не могу с этим согласиться, я обязан высказаться против...*
5. Призыв к участию: *буду рад услышать ваше мнение, что вы думаете по этому поводу.*

Стадия аргументации. На этом этапе происходит собственно оценивание некоторой точки зрения с помощью критики. Для прототипической дискуссии существенно, чтобы выдвигалась не только проаргументация, но и происходила критическая оценка. В ином случае происходит «пустое согласие» (empty agreement в терминах М. Джилберта), когда у участников не было возможности критиковать, но они продолжали быть несогласными. Этот этап довольно сложен для анализа, так как на практике общение приводит к множественным спорам и поддискуссиям. Но для прототипа можно использовать схему контраргумента, фальсифицирующего или верифицирующего аргумент. Для описания текстовых показателей контрагументации приведем данные работы А. В. Пучковой: «Языковое выражение контраргументации представлено сочетаниями разнообразных лексических единиц с противительным, прохибитивным значением (глаголы с алетической и акциональной модальностью, неглагольные средства выражения несогласия, адверсативные

союзы и наречия с противительным значением и т.п.), средствами выражения негативной оценки (аргументативные переменные, вводные слова, перформативные обороты и т.п.), средствами обеспечения когезии про- и контраргумента (эллипсис, вводные конструкции, дескриптивные варианты ментальных перформативных высказываний)» [Пучкова, 2006, с. 5]. Дополним эти данные наблюдениями относительно текстовых показателей критики в аргументации.

1. Модально-волеитативные слова, например: *нельзя согласиться; неправильно думать, что...; можно возразить, вынужден возразить, необходимо учитывать, что; но стоит учесть, что...*

2. Оценочная лексика: *неверно, неправильно, странно, бездоказательно.*

3. Вводные конструкции: *однако, тем не менее, в то же время, с другой стороны, с одной стороны, в то же время, другими словами, в противном случае, в противоположность сказанному; но, напротив; с этого момента, только, в сравнении, при этом, по крайней мере, пока, помимо этого, несмотря на то, что; к сожалению, в сравнении, тогда как, хотя, почти, вместо, еще, даже, уже; on the other hand, on the one hand, at the same time, in other words, in the other half, in contrast, but, on the contrary, on the other side, from this moment, only, by contrast, when doing so, at least, yet, apart from this, despite the fact that, unfortunately, in comparison, whereas, although, almost, instead.*

4. Слова с негативной коннотацией: *недостатки, сомнения, удивление, возражение.*

5. Показатели эпистемической модальности: *конечно, разумеется, по-видимому.*

6. Фразы-клише, выражающие критику и указывающие на недостатки или проблемы в рассматриваемом вопросе или ситуации представляют собой вводно-модальные слова, маркирующие рассуждение. Например: *По моему мнению, это несовершенно, потому что; Мне кажется, что это неудачно, так как; Можно заметить, что это имеет недостатки в виде...; Не стоит*

забывать о том, что это вызывает критику из-за; Следует отметить, что это вызывает сомнения в связи с...

7. Показателен аргументативный синтаксис в виде сложных предложений, выражающих причинно-аргументативные отношения, которые содержат причинные союзы: *так как, потому что, поскольку, оттого что, ввиду того что, благодаря тому что, вследствие того что, в связи с тем что, в силу того что, ибо, затем что.*

Заключительная стадия. Идеальным исходом дискуссии должно быть устранение разногласий. К прототипу также относится и зафиксированное несогласие. При случае стороны могут возобновить дискуссию. То есть на этой стадии в инварианте необходима фиксация результата взаимодействия: согласны стороны, не согласны, устранены разногласия или нет. Текстовыми показателями этой стадии являются следующие речения.

- 1. В заключение, можно сказать, что...*
- 2. Подводя итог, следует отметить, что...*
- 3. В завершение хотелось бы подчеркнуть, что...*
- 4. В заключительном анализе можно сделать вывод, что...*
- 5. Итак, после обсуждения можно сделать вывод о том, что...*

В разделе мы дали описание модели критической дискуссии в виде четырехчастной структуры. Эта модель используется в качестве эталонной для анализа самых разных контекстов дискуссий. Ее методологический смысл состоит в том, что модель позволяет выявлять различные искажения идеала рациональности и фиксировать те шаги, которые не ведут к конструктивному разрешению разногласий. В нашем случае эта модель как функциональная абстракция концептуально и методологически совпадает с прототипической ситуацией критики. Модель критической дискуссии позволяет провести четкую грань между рациональной стратегией и нерациональными речевыми комплексами, которые реализуются в деятельностно-поведенческом аспекте, который представляет собой второе измерение коммуникативного события.

Итак, поясним методологический потенциал модели критической дискуссии в виде алгоритма анализа коммуникативной ситуации критики.

1. Продукт критики. Из имеющегося языкового материала в виде текста или подготовленного скрипта вычленяется текст, содержащий критические суждения и оценку.

2. Стадия аргументации. Фрагменты критики соотносятся с моделью критической дискуссии, аналитически выделяется стадия аргументации. Для анализа модель критической дискуссии выполняет функцию референциальной сетки, с помощью которой можно разметить, какие части предполагаемой дискуссии или монолога представляют собой аргументацию критики, а какие нет. Собственно анализ критики осуществляется в рамках стадии аргументации. Хотя при необходимости исследователь может обратиться и к другим стадиям дискуссии. Зачастую они находятся в имплицитной и не доступны для анализа. В ряде случаев стадии можно реконструировать исходя из контекста.

3. Разметка текста. Для установления и фиксации точек зрения, агентов аргументации, точек зрения, стратегий аргументации, производится разметка текста и реконструкция аргументативных шагов.

3.6. Единица анализа

Для анализа ключевого компонента КС критики в виде продукта критики применим инструмент в виде Аргументативного Шага. «Аргументативный Шаг — это комплекс аргументативных функций, обладающий аргументационной реализационной и идентификационной самостоятельностью, т. е. способностью функционировать в качестве аргумента и быть распознаваемым в качестве аргумента. В отличие от единицы, элемент не обладает идентификационной самостоятельностью: вне Аргументативного Шага невозможно сказать, какую аргументативную функцию выполняет то или иное суждение – оно может быть и Тезисом, и Доводом. Иными словами, элементы аргументации лишены возможности

экстра-уровневого самостоятельного функционирования именно в качестве компонента аргументации (хотя могут самостоятельно функционировать в качестве высказываний)» [Васильев, 2017, с. 140]. Минимальным элементом аргументации вслед за Л. Г. Васильевым следует считать высказывание с определенной аргументной функцией [Васильев, 2017, с. 140]. Для экспликации минимального элемента аргументации принимается минимальный аргументативный комплекс: «аргумент → демонстрация → тезис». Но так как речь идет о критике, то структура аргументативного шага будет иная.

Введем понятие Аргументативный Шаг критики (далее — АШ критики). *АШ критики — это структура, содержащая указание на несостоятельность аргументации. Если речь идет о дескриптивной критике, то структура АШ остается все той же «аргумент → демонстрация → тезис». Однако, если речь идет о реактивной критике, то структура АШ будет иная: выводной взгляд на аргумент критики полагается на фальсификацию аргументативной пропозиции посредством опровержения ее элементов. То есть АШ критики представляет собой прямое или косвенное опровержение. В реактивной критике АШ критики всегда связан с Аргументативным Шагом аргументации-обоснования. Представим на схеме, каким образом происходит реактивная критика.*

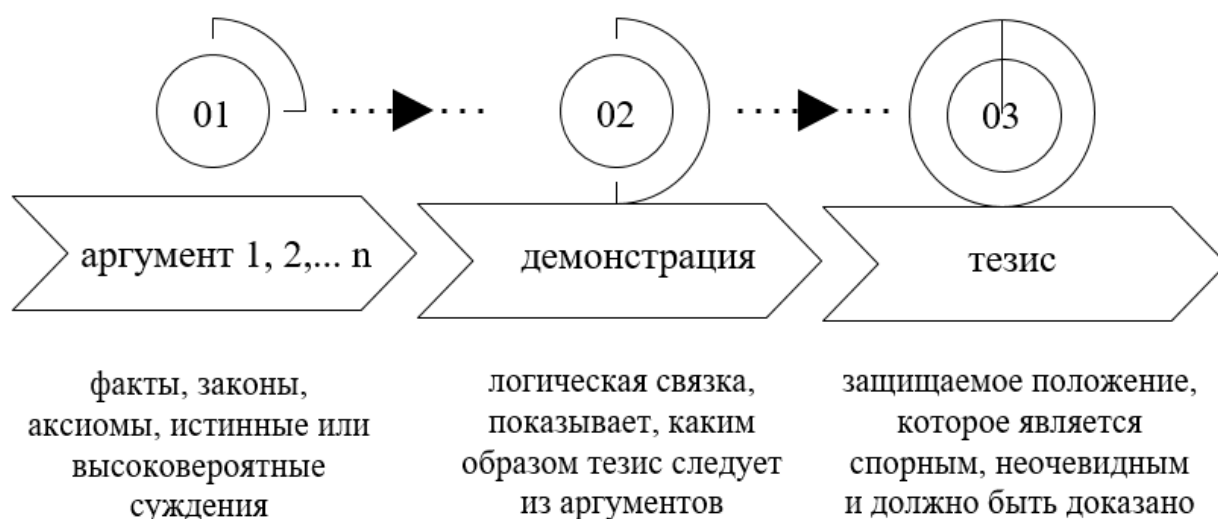

Рисунок. 12. Способы реактивной критики

В случае реактивной критики достаточно подвергнуть сомнению один из трех элементов доказательства: в первом пункте — путем приведения противоречащих фактов, указания на недоброкачественность аргументов, во втором пункте — путем указания на то, что тезис не следует из аргументов, в третьем случае — путем опровержения тезиса или обоснования контртезиса.

Дескриптивная критика представляет собой обоснование-доказательство отрицательной точки зрения в отношении объекта и представляет собой такой же Аргументативный Шаг, как на рис. 6 (аргумент → демонстрация → тезис).

Покажем пример реконструкции критики с использованием системы нотации, принятой в прагма-диалектике: каждому аргументу присваивают номер тезиса, к которому его относят. Например, тезис имеет номер 1, аргумент, который его поддерживает, имеет номер 1.1, следующий аргумент в сочинительной аргументации имеет номер 1.2 и т. д. Если аргументация подчинительная, то аргументам присваиваются номера, 1.1, 1.1.1, 1.1.2 и т. д. Произведена разметка текстов, элементы аргументативного шага подчеркнуты, их функции указаны в скобках.

Для иллюстрации анализа КС критики как коммуникативного события приведем пример в виде сокращенного фрагмента рассказа А. П. Чехова «Критик» (пример 19). *Старый и сгорбленный «благородный отец», с кривым подбородком и малиновым носом, встречается в буфете одного из частных театров со своим старинным приятелем-газетчиком. После обычных приветствий, расспросов и вздохов благородный отец предлагает газетчику выпить по маленькой <...>*

— *Нагляделся я на ваши театры. Хороши, нечего сказать. — ворчит благородный отец, сардонически улыбаясь. — Мерси, не ожидал. А еще тоже столица, центр искусства! Глядеть стыдно.*

— *В Александринке был? — спрашивает газетчик. <...>*

— *Был! — отвечает он как бы нехотя.*

— *Что ж? Нравится?*

— Да, постройка нравится. Снаружи хорош театр, не стану спорить, но насчет самих артистов — извини. Может быть, они и хорошие люди, гении, Дидероты, но с моей точки зрения они для искусства убийцы и больше ничего (ТДК-1). Ежели б в моей власти, я бы их из Петербурга выслал <...>

— Все-таки, если беспристрастно рассуждать, то труппа у нас приличная, — говорит газетчик, закусывая красной капустой.

— Труппа? Гм... Приличная, нечего сказать... Нет, брат, перевелись нынче в России хорошие актеры! Ни одного не осталось! (1.1)

— Ну, так уж и ни одного! Не то что во всей России, но даже у нас в Питере хорошие найдутся. Например, Свободин...

— Сво-бо-дин? — говорит благородный отец, в ужасе отступая назад и всплескивая руками. — Да нешто это актер? Побойся ты бога, нешто такие актеры бывают? Это дилетант! (1.2.) <...>

— Постой, мне все-таки странно... Если Свободин не талант, то кроме его у нас есть Сазонов, Далматов, был Петипа, да в Москве есть Киселевский, Градов-Соколов, в провинции Андреев-Бурлак...

— Послушай, я с тобой серьезно говорю, а ты шутики шутишь, — обижается благородный отец. — Если, по-твоему, всё это артисты, то я не знаю, как и говорить с тобой. Разве это актеры? Самые настоящие посредственности! (1.3). Шарж, утрировка, нитье и больше ничего! Я бы их всех, ежели бы моя власть, к театру на пушечный выстрел не подпускал! Так они мою душу воротят, что на дуэль готов их вызвать! Помилуй, разве это актеры? Они умирать на сцене будут, а такую гримасу скорчат, что в райке все животы порвут.

— Конечно, у всякого свой взгляд, — бормочет газетчик, — но надо быть очень пристрастным и предубежденным, чтобы не согласиться, что, например, Горева...

— Раздули! — перебивает благородный отец. — Кусок льда! Талантливая рыба! Цирлих-манирлих! (1.4) Талантишка есть, не спорю, но нет огня, силы, нет этого, понимаешь ты, перцу! (1.4.1) Что такое ее игра? Порция

фисташкового мороженого! Лимонадная водица! Когда она играет, у хорошего, понимающего зрителя на усах и бороде изморозь садится! (1.4.2) Да и вообще в России нет уж настоящих актрис... нет! Днем с огнем не найдешь... Ежели и бывают талантишки, то скоро мельчают и погибают от нынешнего направления... И актеров нет... <...> Так нельзя, братец ты мой! Это не игра, не искусство! Это значит губить, резать искусство! Погляди ты на Савину... Что это такое?! Таланта — ни божье мой (1.5), одна только напускная бойкость и игривость, которую нельзя допускать на серьезную сцену! (1.5.1) Глядишь на нее и просто, понимаешь ли ты, ужасаешься: где мы? куда идем? к чему стремимся? Пра-а-пало искусство!

— Ты... ты уж очень стр...рого, — заикается газетчик.

— Н-не могу иначе! Я классик, Гамлета играл и требую, чтоб святое искусство было искусством... (2.1). Я старик... В сравнении со мной они все ма...мальчишки...(2.2). Да... Погубили русское искусство! Например, московская Федотова или Ермолова... Юбилеи справляют, а что они путного сделали для искусства? Что? Вкус у публики испортили только! Или, положим, хваленые московский Ленский и Иванов-Козельский... Какие у них таланты? Напускное... (2.2.1). И как они понимают, ей-богу! Ведь для того, чтоб играть, мало одного же... желания, тут нужен еще и дар, искра! (ТДК-2) Разве по последней выпить, а? (19).

Итак, пример представляет собой коммуникативную ситуацию «беседа двух приятелей», в которой происходит обсуждение. Субъект критики — «благородный отец», пожилой актер. Объект или референт критики — все актеры и театры. Внешние условия — непринужденный разговор за рюмкой. Цель — обратить на себя внимание с помощью критики. Представим запись АШ критики в виде таблицы.

Дескриптивная критика

Тезис дескриптивной критики (ТДК-1). Все актеры этого театра плохие и губят искусство.

- 1.1. Нет ни одного хорошего актера.
- 1.2. Свободин – дилетант.
- 1.3. Сазонов, Далматов, Петипа, Киселевский, Градов-Соколов – посредственности.
- 1.4. Актриса Горева не умеет играть.
  - 1.4.1. У нее мало таланта.
  - 1.4.2. Зрители скучают.
- 1.5. Актриса Савина не имеет таланта.
  - 1.5.1. У нее только недопустимая игривость.

ТДК-2. Для того, чтобы играть, нужен дар.

- 2.1. Я настоящий актер.
  - 2.1.1. Я играл классику и Гамлета.
- 2.2. Нынешние актеры по сравнению со мной мальчишки.
  - 2.2.1. Ленский и Иванов-Козельский напускные.

Таблица 2. Реконструкция аргументативных шагов дескриптивной и реактивной критики

Реактивная критика

Тезис реактивной критики (ТРК-1). Все-таки, если беспристрастно рассуждать, то труппа у нас приличная.

- 1.1. Не то что во всей России, но даже у нас в Питере хорошие найдутся.
  - 1.1.1. Например, Свободин.
- ТРК-2. Есть хорошие актеры в других городах.
  - 2.1. Сазонов, Далматов, был Петипа, да в Москве есть Киселевский, Градов-Соколов, в провинции Андреев-Бурлак.
  - 2.2. Горева – хорошая актриса.

Данная коммуникативная ситуация содержит два вида критики. Дескриптивная критика представляет собой отрицательную точку зрения в отношении объекта, которая не связана с предыдущим высказыванием

Речения содержат обоснование отрицательной точки зрения на положение дел в театре. Выявляются два тезиса дескриптивной критики (ТДК). Субъективное мнение критика представлено в виде множественной аргументации, деструктивность формы ее выражения проявляется в виде эмоционально-оценочного модуса высказываний: сарказм, ирония, высмеивание, презрение, неуважение, осуждение. Пейоративная лексика сочетается с другими языковыми инструментами передачи негативных эмоций, риторикой в виде метафор, вопросов, гипотезы. Формально аргументацию точки зрения нельзя признать некорректной, так как аргументы поддерживают тезисы. Но аргументы не соответствуют фактуальности, что представляет собой нарушение одной из максим кооперативного поведения, касающейся качества информации. Речь идет о точности (информация должна быть правильной и соответствовать фактам) и объективности (информация должна предоставляться без предвзятости и искажений).

Реактивная критика представляет собой обратную связь в отношении существующей аргументации (см. рис. 14).

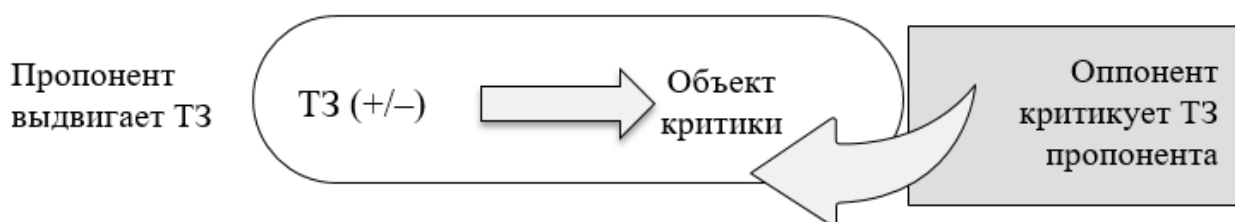

Рисунок. 13. Схема реактивной критики

В примере содержатся реплики, которые опровергают первый элемент имеющегося аргументативного комплекса (аргумент → демонстрация → тезис). Сформирован также и тезис реактивной критики (ТРК). Реактивная критика в примере является кооперативной по отношению к коммуниканту и объекту критики.

Выводы по третьей главе

1. В ходе методологической адаптации понятий теории аргументации для лингвистического исследования коммуникативной ситуации критики было установлено, что смежным для двух научных областей является понятие «точка зрения». Данное понятие позволяет моделировать коммуникацию относительно той позиции (точки зрения), которой придерживается субъект критики.
2. Точка зрения в дескриптивной критике — это мнение, фиксирующее отрицательное отношение субъекта к объекту критики. Объект дескриптивной критики – это то, что подвергается анализу, оценке или осуждению.
3. Точка зрения в реактивной критике — это мнение, фиксирующее отрицательное отношение субъекта-оппонента к объекту критики. Объектом реактивной критики является точка зрения пропонента. В коммуникативной ситуации критики точка зрения пропонента является триггерным высказыванием. Триггерное высказывание — это фраза или утверждение, которое вызывает отклик в виде оценочной реакции. Триггерное высказывание в коммуникативной ситуации критики представляет собой речения разного объема, но может быть реконструировано до более развернутого представления точки зрения.
4. Модель анализа непрототипической коммуникативной ситуации критики разработана на основе применения четырехчастной модели критической дискуссии, которая выступила в качестве референциальной сетки к коммуникативной ситуации критики, позволяющей вычленить стадию аргументирования с высказываниями, содержащими критические суждения. Данные суждения включают продукт критики в виде точек зрения и аргументов, выдвигаемых участниками КС критики. Анализ аргументативных шагов с применением концепции стратегического маневрирования позволил ввести в модель оппозицию «риторическая цель — диалектическая цель» и выявить соответствующие прагматические стратегии участников непрототипической КС критики, которые противоположны универсальным аргументативным стратегиям, в прототипической КС критики.

5. Триггерные высказывания в коммуникативной ситуации критики, сделанные случайно или намеренно, апеллируют к ценностным установкам, формальным или неформальным императивам на уровне индивида или группы.

7. Универсальные стратегии аргументации осуществляются в рамках логико-рационального модуса, прагматические стратегии соотносятся с риторической целью дискуссии, что обуславливает непрототипичность коммуникативной ситуации критики и отклонение от идеала рациональности.

ГЛАВА IV. СИСТЕМАТИКА СТРАТЕГИЙ АРГУМЕНТАЦИИ В НЕПРОТОТИПИЧЕСКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ КРИТИКИ

4.1. Непрототипическая коммуникативная ситуация критики в дискурсивной «практике “отмены”»

Практика отмены начинается с критики. Триггерное высказывание вызывает общественное недовольство, это может привести к активной кампании против человека или группы. Непрототипичность коммуникативной ситуации критики в культуре отмены очевидна, так как «чистый язык» конструктивной критики принимает форму агрессивного осуждения, ведущего к травле и исключению провинившегося из активной, привычной для него жизни — творческой, социальной, экономической и др. С другой стороны, коммуникация в этом контексте имеет выраженную ценностно-эмоциональную направленность. Во всех случаях высказывания-триггеры представляют собой дискредитацию устоев и императивов общества, что не может не вызывать негативной реакции, так как задевает личные чувства, вызывает чувство неполноценности или обостряет страхи. Это обстоятельство также обуславливает непрототипичность анализируемой коммуникативной ситуации. Триггерные высказывания включают значимый ценностный компонент или посыл и во всех случаях порождают негативную речевую реакцию-критику.

Критика рассматривается в связи с высказыванием, которое представляет собой вербализованную точку зрения проponenta. В анализе мы исходили из того, что такие высказывания, даже несмотря на то, что нередко представляют собой спонтанные, незапланированные речевые действия, почти всегда содержат фрагмент рассуждения, и их можно реконструировать, следовательно, выявить логико-языковые механизмы деструктивной критики.

Прежде чем приступить к анализу КС критики на предмет выявления стратегий и установления ошибок аргументации, вернемся к стратегиям аргументации во взаимосвязи с целями участников дискуссии/спора. В главе 2

были представлены характеристики целей и стратегий, реализуемых в дискуссии/споре. Так, диалектическая цель реализуется универсальными стратегиями, представляющими собой логические модели, используемые для устранения разногласий путем рационального рассуждения. В то время как риторическая цель, достигается множеством аргументативных стратегий, нарушающих правила речевого взаимодействия для достижения своей цели, и, не совпадающей с целями другой стороны дискуссии/спора.

Итак, в контексте данного исследования мы понимаем под рациональными/универсальными стратегиями, реализующими диалектическую речь, критику-рассуждение, основанную на логических аргументах, фактах и разумных выводах, высказанных по отношению к триггерному высказыванию. Тогда как риторическими/прагматическими стратегиями, реализующими риторическую речь, называем стратегии, отклоняющиеся от рациональных стратегий, представленных необоснованной критикой.

На языковом уровне универсальные стратегии, как правило, представлены нейтральными языковыми единицами, передающими фактуальную информацию. Риторические стратегии затрагивают эмоциональную сторону дискуссии, управляют отношениями между участниками, создавая ярко выраженную, эмоциональную атмосферу. Риторика обычно включает лексику с отрицательной семантикой, психологические аргументы и стилистические приемы.

4.2. Описание корпуса примеров

Известно немалое количество примеров отмены групп, государств, языков и культур. В работе использован корпус эмпирического материала, который составлен из коммуникативных ситуаций, в которых критика концентрировалась вокруг триггерного высказывания. Материал сгруппирован на основе критических высказываний, опубликованных в электронных версиях газет, медиаресурсах, новостных сайтах, социальных сетях. В ходе практической работы было проанализировано 11 примеров коммуникативных ситуаций, в

которых триггерное вербальное действие повлекло за собой публичную критику. Весь материал разделен на группы КС критики. Формат КС критики предполагает описание контекста, ситуации, субъектов и результата.

Конечная выборка включает КС критики 1–8, проанализированные по модели реактивной критики. Некоторые КС критики названы по ключевым словам, выражающим обсуждаемую в них ценность и представляют собой одноименную ситуацию (мы прибегли к компрессии для описания коммуникативного случая, например «Солнечные дети»). Другие КС критики включают в себя несколько контекстов критики, объединенных одной идеей, например, КС критики «Расизм» включает три коммуникативные ситуации. Корпус примеров организован в соответствии с КС критики, в число примеров входили комментарии, содержащие аргументативные шаги критики, однако, на одном ресурсе число примеров-реплик может быть значительным. Поэтому мы отказались от нумерации примеров в четвертой главе, указав перечень ресурсов в приложении. Комментируя использованные ресурсы, отметим, что, в соответствии с алгоритмом анализа коммуникативной ситуации критики (п. 3.5.), сначала проводилась разметка текста для выявления стадии аргументации и выявления аргументативных шагов в ней. Таким образом, в одном примере было выявлено до 40 аргументативных шагов критики. Всего проанализировано 3200 аргументативных шагов критики.

Группы примеров и их краткое описание даны ниже, в таблице 3.

Таблица 3. Краткое описание КС критики отмены

№ КС критики	Объект критики	Высказывание-триггер
1.	Лайма Вайкуле	Памятники советским воинам не имеют ценности и не нужны.
2.	Джоан Роулинг	I refuse to bow down to a movement that I believe is doing demonstrable harm in seeking to erode 'woman' as a political and biological class.
3.	Регина Тодоренко	Женщины сами виноваты в том, что становятся жертвами домашнего насилия.

№ КС критики	Объект критики	Высказывание-триггер
4.	Алексей Серебряков	Хамство – национальная черта россиян.
5.	Мария Аронова	Дети с синдромом Дауна это горе и потенциальные убийцы.
6.	Ульяна Сергеенко Анфиса Чехова H&M	To my N****s in Paris. Бурятские женщины некрасивые. H&M is deeply concerned by reports from civil society organizations and media that include accusations of "forced labor" and discrimination of ethno-religious minorities in Xinjiang, and it strictly prohibits any type of forced labor in the supply chain, regardless of the country or region.
7.	Пшемислав Бабыж Анна Нетребко	A world without heaven, nations, and religions. This is a vision of peace that is to encompass everyone. This is a vision of communism, unfortunately. I am neither a member of a political party nor linked to any leader of Russia, I recognize and regret that my actions and statements in the past could in part be misconstrued.
8.	Анастасия Ивлева	Красивые полуобнаженные люди на вечеринке – это красиво и понятно.

Некоторые примеры триггерных высказываний представляют собой развернутую аргументацию. В таблице указана основная идея, которая послужила поводом для критики. Предвосхищая дальнейшие исследования, отметим, что реакции на триггерные высказывания не всегда были только негативные, были и такие, которые поддерживали автора, то есть можно говорить о поляризации общества по отношению к триггерным точкам зрения.

4.3. Стратегии аргументации в непрототипической коммуникативной ситуации критики

В соответствии с локализацией точек зрения в коммуникативной ситуации критики, к анализу будут привлекаться АШ критики в виде точки зрения оппонента на произошедшее вербальное действие, послужившее пусковым механизмом события отмены. Уточним, что точка зрения в реактивной

критике — это мнение, фиксирующее отрицательное отношение субъекта-оппонента к объекту критики. Объектом реактивной критики является триггерное высказывание, представляющее точку зрения проponenta.

Рисунок 14. Триггерное высказывание — объект критики

Алгоритм анализа КС критики следующий: применение АШК — реконструкция языкового материала — выявление стратегий аргументации с их последующим описанием.

4.4. Коммуникативная ситуация «Снос памятников советским воинам»

Советская и латвийская эстрадная певица, актриса Лайма Вайкуле высказалась на своем Youtube канале о Дне Победы, о памятниках советским солдатам в Латвии:

Мамин брат, мой дядя — был эсесовцем. Это тоже надо уважать!.. А то Россия приватизировала День Победы, как будто только они в войне участвовали! <...> Россия приватизировала День Победы и все на свете, все им принадлежит <...> мы победители, а где остальные? Я не говорю уже про это возмущение про этих нескольких сотен человек, которые идут к памятнику Свободы – эсэсовцы и так далее... Это люди, которые были по другую сторону. Например, мой родственник, мамин брат был по другую сторону <...> Такое было время, надо это понимать, надо это уважать. Вообще, люди, которые говорили про памятники советским солдатам, что они хотят пойти и преклонить голову перед памятником, чтобы вспомнить отца, который воевал. Так походи на кладбище к своему отцу в той стране, в которой он живет, и преклони свою голову. Это же просто памятник. Никакой художественной ценности не имеет, тем более в Латвии в последние годы там просто приходили

выпивать и после праздников оставляли просто свалку. Что хорошего? А голову перед родственниками надо преклонять на их могилах.

Реконструкция критики следующая

Тезис имплицитный: *Поддерживаю снос советских памятников в Латвии и других странах.*

1. Неправильно, что Россия приватизировала День Победы.

1.1. Не только они участвовали в войне.

1.2. Других людей, которые участвовали в войне, надо тоже уважать.

1.2.1. Например, эсесовцы тоже участвовали.

1.2.1.1. Дядя Л. Вайкуле также был эсесовцем.

2. Памятник Советским воинам не несет никакой художественной ценности

2.1. Там выпивают и оставляют свалку.

2.2. Почитать память надо на могиле родственников.

Приведем несколько примеров критики этого речения певицы из социальных сетей.

Цецилия Марковна: *Уважать эсэсовца? Памятник эсэсовцам? Эта особь точно к человеческой расе принадлежит?*

Людмила К.: *9 Мая вы можете выпить по 100 грамм за поверженного своего дядю, а мы за Победу!!!*

Первые два комментария иллюстрируют ценности общества, которые находятся на другом полюсе относительно точки зрения певицы. С позиции аргументации мы видим опровержение аргумента. Для комментаторов образ эсесовца — это олицетворение зла, и данный аргумент совершенно неприемлем. В следующем примере содержится опровержение аргумента 2.2.:

Константин П.: *Она, наверное, не знает, что не у всех погибших есть могилы.*

Дмит Рийт: *Хватит эту мразь везде показывать! Исключите её из новостного потока. Они на этом зарабатывают, а вы им это даёте делать. Комментарии эксплицируют действие практики отмены: *хватит показывать, вычеркнуть и забыть, исключить, запретить, умерла.**

Сергей Иванченко: *Нет её больше, умерла вместе со своими родственниками ЭСЕСОВЦАМИ.*

Арина Елисеева: *Вот видите, даже спустя годы потомки фашистов не меняются, хотя Советский Союз им столько хорошего сделал. Зачем вы пишете про эту недобитку? Вычеркнули и забыли.*

Мы видим широкий спектр элементов оскорбительной речи, который характерен для письменной формы разговорной речи или для языка чата (см. подробнее об этом феномене [Кузнецов, 2011; Занадворова, 2024]). К ним относятся личные нападки, уничижительные ярлыки, грубость, сарказм:

Анна Алешина: *У этой курицы же весь репертуар на русском. Запретить ей пользоваться русским языком в творчестве. Пусть поёт новые песни на небратских языках. Удивительно, какой гнидой оказалась.*

Несмотря на сниженную лексику и большое количество эмотивов в речи, структура критики в комментариях все же прослеживается:

Константин П.: *«А то Россия приватизировала День Победы, как будто только они в войне участвовали!» Нет, участвовали не только мы. А вот победили мы, а не СС. Так что и День Победы наш.*

Автор комментария критикует Тезис 1. Приводится цитата этого тезиса, затем следует его опровержение.

G.-Leningrad: *Россия приняла на себя все долговые обязательства СССР. Выплачивать по лэндлизу закончила уже в 21 веке. Россия имеет полное право называть этот день СВОИМ. А эссесовцы могут устраивать шествия в Латвии и Эстонии. На эти шествия Россия не претендует.*

Структура критики этого комментария следующая:

1. Контртезис: Россия имеет полное право называть День Победы своим.

1.1. Россия приняла на себя все долговые обязательства СССР.

1.2. Выплачивать по лэндлизу закончила уже в 21 веке.

Аргумент *Tu quoque* (с латинского — «Ты тоже», менее формально — «Посмотри на себя!») — это логическая ошибка, заключающаяся в попытке опровергнуть аргументы оппонента, указывая на его собственные

несоответствия или противоречия. Эта ошибка основывается на том, что оппонент не следует тем же принципам в отношении себя или других. Такой аргумент в отношении Тезиса 2 находим в следующих двух примерах:

Алексей К.: Так ведь Лайма Вайкуле тоже никакой культурной ценности не представляет. Кому интересно её мнение, — мнение обычной латышской курицы.

ШРВ: Никакой художественной ценности Лайма Вайкуле не имеет. Под её песни даже не бухают. Подлежит сносу.

Итак, как видим, диалектическая стратегия аргументации проявляется в том, что критикуются элементы аргументации в виде аргументов, тезиса.

Риторическая стратегия состоит в некооперативном речевом модусе, однако критика ориентирована на объект, речь идет именно о памятнике и Дне Победы. Риторика проявляется в ошибках аргументации в виде нападков на личность. Особенностью является недиалогическая направленность критики, когда участники общения не стремятся к конструктивному обмену мнениями с критикуемым, но зато проявляют единодушие в рамках общения друг с другом.

Рассмотрим еще примеры критики на те же высказывания Лаймы Вайкуле, взятые с официальных сайтов авторитетных печатных изданий. В них отрицательная точка зрения принадлежит также коллективному пропоненту. Однако, на этот раз это представители общественности, политики, деятели культуры. Обратим внимание на то, что все комментарии, представленные ниже, — это критика тезиса 2 в реконструкции критики высказывания Лаймы Вайкуле о том, что памятники советским солдатам не представляют никакой художественной ценности в Латвии. Ни в одном комментарии тезис не упоминается, однако из комментария понятно, о чем идет речь.

Александр Шолохов (Заместитель председателя Госдумы по культуре в разговоре с NEWS.ru): «Лайма Вайкуле помимо стыда и совести еще потеряла источники доходов и популярность. Теперь при помощи таких заявлений она пытается оставаться на плаву. Как по мне, это и называется подлостью.

Фрагмент критики оппонента не содержит рациональных шагов. Весь аргументативный шаг критики представляет собой контртезис, который не соотносится с элементами аргументативного шага-стимула для критики. Нарушение диалектических стандартов проявляется в том, что несогласие выражается не по отношению к словам певицы, и не по отношению к референту ее речи, например, Дню Победы, поведению людей на местах захоронения, но только по отношению к автору речи. То есть фрагмент представляет собой сдвиг критики с объекта критики в виде высказывания на высказавшегося субъекта. То есть субъект становится объектом критики. Аргументативный шаг критики представляет собой изолированный тезис, который только косвенно связан с тезисом пропонента. На лексическом уровне риторика аргументативного шага критики проявляется в эмотивах и экспрессии: *подлость, стыд, совесть*. Обратимся к следующему комментарию-критике.

Елена Драпеко (Первый зампред Комитета Госдумы РФ по культуре): *«У них появился шанс хоть копейку какую-то, но всё-таки заработать. Кроме того, они через подобные мероприятия ищут себе хозяина. В России люди вычеркнули их из своей жизни, поэтому сегодня беглым артистам необходимо любыми путями закрепиться на чужбине. Не имеет значения, что думает Лайма Вайкуле. Памятники павшим на полях сражений солдатам – святыни»*.

Структура критики данного комментария следующая:

1. В России таких как Лайма Вайкуле вычеркнули из жизни.
  - 1.1. Ее мнение не имеет значения.
  - 1.2. Памятники советским солдатам-святыня.
2. Такие как Лайма Вайкуле привлекают к себе внимание.
  - 2.1. Им нужно зарабатывать.
  - 2.2. Они ищут себе хозяина.

Диалектическая стратегия оппонента реализуется критикой тезиса 2 в высказываниях Лаймы Вайкуле. Логично приводятся аргументы в поддержку тезиса. Фрагмент аргументативного шага критики 1.2. представляет собой опровержение тезиса 2 пропонента. Однако риторические стратегии,

представленные отрицательной лексикой, более эффектны: *беглые артисты, хоть какую-то копейку заработать, любыми путями закрепиться на чужбине*. Использованная лексика выражает пренебрежительное и презрительное отношение к певице, которое сочетается с апелляцией к личности пропонента. Здесь мы также видим переход критики высказывания на субъекта, где большая часть элементов критики представляет собой шаги, которые не связаны с обсуждением Дня Победы и сносом памятников. Конечно, градус эмоций, вызванный общественным императивом, объясняет речевое поведение оппонентов, однако стандарт рациональности их речения не поддерживают.

Дмитрий Кузнецов (Депутат Госдумы Дмитрий Кузнецов) потребовал запретить латвийской певице Лайме Вайкуле въезд на территорию России. Обращение направили в ФСБ. *«Прошу Вас, уважаемый Александр Васильевич, рассмотреть возможность принятия ограничительных мер в форме запрета въезда на территорию Российской Федерации латвийской певице Лайме Вайкуле»*.

В данном комментарии критика прослеживается в обращении к принятию официальных мер в отношении певицы. Используется лексика с отрицательной семантикой — запрет, ограничительные меры. В строгом смысле данный фрагмент не содержит шагов критики, но он примечателен следующим: отступление от диалектической цели предполагаемого обмена мнениями между пропонентом и оппонентом состоит в том, что последний отказывается выражать свою точку зрения и открыто приводить аргументы. Вместо этого он устраняет и пропонента, и его слова из поля обсуждения, что в целом не соответствует диалектическим стандартам. Высказывание не направлено на поддержание диалога. Данное речевое поведение является характерным для исследуемого феномена культуры отмены.

Яна Поплавская (актриса и общественный деятель) в беседе с aif.ru сказала, что если она когда-нибудь, состарившись, понесет такой бред, как сейчас это делает Лайма Вайкуле, то просит ее изолировать от приличного общества. *«Эти ее интервью — безумные! Когда ты думаешь: Господи, и ума-то человек не*

нажил. Я больше всего не люблю комментарии по поводу того, что человек старый. Ну все мы стареем, послушайте! Но, к сожалению, старость – не эквивалент добропорядочности и ума. И уважение к сединам в данном случае не работает. С Лаймой Вайкуле как раз все работает в обратку».

Здесь структуру критики можно представить следующим образом:

1. Лайма Вайкуле не заслуживает уважения.

1.1. Ее интервью безумные, ума человек не нажил.

1.2. Лайма лишена добропорядочности и ума.

В комментарии не прослеживается диалектическая цель, а именно нет критики тезиса или аргумента высказываний певицы. Наиболее полно представлена риторическая цель, которая реализуется использованием эмотивов, а также аргумента- примера: *Я больше всего не люблю комментарии по поводу того, что человек старый.* Данный прием делает риторику автора более выразительной и эмоциональной, но аргумент этот ошибочен и нелогичен: в рациональном модусе старость не является препятствием для рассуждения, поэтому из области рационального этот элемент следует исключить. Мы можем наблюдать уничижительные, даже оскорбительные выражения: *ее интервью безумные, ума-то человек не нажил, с Лаймой все работает в обратку.* Эмоции критика вполне понятны, однако с точки зрения вклада в предполагаемую дискуссию данные шаги не имеют ценности.

Все примеры критики в данной КС четко эксплицируют набор ценностей, относительно которых проявляется несогласие, в репликах они лежат на поверхности. В обобщенном виде их можно представить группой: *патриотизм, историческая память народа, уважение к погибшим во время ВОВ родственникам.*

В обобщенном виде стратегии аргументации данной КС критики можно представить следующим образом: рациональные стратегии реализуются рациональными шагами по опровержению аргумента и тезиса; риторические стратегии представлены переносом критики с высказывания на высказавшегося субъекта, что представлено в основном нападками на личность, апелляцией к

умственным способностям, возрасту, намерению искать выгоду. Субъект становится объектом критики, устранение пропонента и его слов из поля обсуждения.

4.5. Коммуникативная ситуация «Концепция биологического пола»

Британская писательница, создательница любимой франшизы о Гарри Поттере, подверглась отмене за критические высказывания о сексе (биологическом поле) и гендере, за поддержку феминисток.

Joan Rowling:

“If sex isn’t real, there’s no same-sex attraction. If sex isn’t real, the lived reality of women globally is erased. I know and love trans people, but erasing the concept of sex removes the ability of many to meaningfully discuss their lives. It isn’t hate to speak the truth,” she tweeted. “The idea that women like me, who’ve been empathetic to trans people for decades, feeling kinship because they’re vulnerable in the same way as women — i.e., to male violence — ‘hate’ trans people because they think sex is real and has lived consequences — is a nonsense”.

Реконструкция критики следующая:

1. If sex isn’t real, the lived reality of women globally is erased (если не существует биологического пола, то суть женщины стирается).
2. If sex isn’t real, there’s no same-sex attraction (если пол не настоящий, то нет однополого влечения).
3. Erasing the concept of sex removes the ability of many to meaningfully discuss their lives (стирание понятия биологического пола не дает возможности осмысленно рассуждать о своей жизни).

В данном высказывании Дж. Роулинг выдвигает основную идею о том, что если не существует биологического пола, то суть женщины стирается (If sex isn’t real, the lived reality of women globally is erased). Все последующие высказывания писательницы — это логические рассуждения.

На заявления Дж. Роулинг незамедлительно последовала реакция в виде критики представителей сообщества трансгендеров и их сторонников. Обратимся к языковому материалу.

Radcliffe (Harry Potter himself) *“I realize that certain press outlets will probably want to paint this as in-fighting between J.K. Rowling and myself,” he said, “but that is really not what this is about, nor is it what’s important right now. While Jo is unquestionably responsible for the course my life has taken, as someone who has been honored to work with and continues to contribute to The Trevor Project for the last decade, and just as a human being, I feel compelled to say something at this moment. Transgender women are women. Any statement to the contrary erases the identity and dignity of transgender people and goes against all advice given by professional health care associations who have far more expertise on this subject matter than either Jo or I. According to The Trevor Project, 78% of transgender and nonbinary youth reported being the subject of discrimination due to their gender identity. It’s clear that we need to do more to support transgender and nonbinary people, not invalidate their identities, and not cause further harm”.*

“To all the people who now feel that their experience of the books has been tarnished or diminished. I am deeply sorry for the pain these comments have caused you. I really hope that you don’t entirely lose what was valuable in these stories to you.... And in my opinion, nobody can touch that. It means to you what it means to you and I hope that these comments will not taint that too much.”

Представим реконструкцию критики:

Rowling

1.If sex isn’t real, the lived reality of women globally is erased.

2. They (transgenders)’re vulnerable in the same way as women — i.e., to male violence.

Radcliff

1.Transgender women are women.

1.1. Professional health care associations have far more expertise on this subject matter.

1.2. According to The Trevor Project, 78% of transgender and nonbinary youth reported being the subject of discrimination due to their gender identity.

Критика представлена контртезисом *Transgenders women — are women* на тезис Дж. Роулинг, который подкрепляется сильными фактическими

аргументами в виде ссылки на мнение экспертов по вопросу спора — *Professional health care associations have far more expertise on this subject matter*, а также в виде статистических данных — *According to The Trevor Project, 78% of transgender and nonbinary youth reported being the subject of discrimination due to their gender identity*. Диалектическая цель критики оппонента — внести свой вклад в дискуссию о стирании границ между биологическим полом и социальным гендером. Мы видим, что оппонент использует диалектическую аргументацию, в виде логических рассуждений. Их экспликация следующая: *it's clear that, any statement to the contrary*, использует показатели точки зрения: *I am deeply sorry, I really hope*. Кроме того, риторика представлена такими конструкциями, как *It's clear that we need, I'm deeply sorry, I hope that*, а также лексикой с отрицательной семантикой *pain, cause, harm, tarnished, diminished*.

Watson (played Hermione Granger) *“Trans people are who they say they are and deserve to live their lives without being constantly questioned or told they aren't who they say they are. I want my trans followers to know that I and so many other people around the world see you, respect you, and love you for who you are,” she wrote in a series of tweets. “I donate to @Mermaids_Gender and @mamacash. If you can, perhaps you'll feel inclined to do the same. Happy #PRIDE2020 Sending love x”*.

1. Trans people are who they say they are and deserve to live their lives without being constantly questioned or told they aren't who they say they are.
2. I want my trans followers to know that I and so many other people around the world see you, respect you, and love you for who you are.

В примере мы видим риторическую стратегию: Уотсон создает базу для наиболее выгодной для себя позиции, пользуясь тезисом Дж. Роулинг и в какой-то степени опровергая его (1. Trans people are who they say they are and deserve to live their lives without being constantly questioned or told they aren't who they say they are), молодая певица апеллирует к мнению своих транс-фолловеров. Это также показательная для культуры отмены стратегия — стратегия мобилизации аудитории с опорой на критикуемые утверждения.

Представленные выше слова Дж. Роулинг, опубликованные в Твитте, не представляют собой четкое обоснование точки зрения, в них присутствует элемент спонтанности. Однако последовавшая критика стала поводом для публикации писательницей обстоятельного эссе-объяснения, в котором она четко и последовательно аргументирует свою позицию.

Основной тезис писательницы состоит в следующем: Тезис 1. Нельзя уничтожать концепцию биологического пола (I refuse to bow down to a movement that I believe is doing demonstrable harm in seeking to erode 'woman' as a political and biological class).

Аргументация имеет сложную сочинительно-подчинительную структуру. Можно выявить еще несколько подчинительных тезисов:

Тезис 1.1. Destroying the concept of «woman», transgender people erase all the numerous problems inherent to women (Уничтожая концепцию «женщина», трансгендеры стирают все многочисленные проблемы, свойственные именно женщинам).

1.1.1. The UK has experienced a 4,400% increase in girls being referred for transitioning treatment (Катастрофически выросло количество девочек, меняющих пол).

1.1.2. Never have I seen women denigrated and dehumanised to the extent they are now (Мизогиния в обществе только усиливается).

1.1.3. Transwomen of colour are at particular risk (Трансгендерные женщины подвергаются особой опасности).

1.1.3.1. I feel nothing but empathy and solidarity with transwomen who've been abused by men (Абьюз со стороны мужчин).

1.1.3.2. They regret taking steps that have, in some cases, altered their bodies irrevocably, and taken away their fertility (40% сменивших пол женщин жалеют, что не стали матерями).

Тезис 1.2. The idea of changing gender is very dangerous (Идея смены пола очень опасна).

1.2.1. They regret taking steps that have altered their bodies irrevocably (Многие трансгендеры сожалеют о смене пола).

1.2.2. In old age, these people have many health problems (В пожилом возрасте эти люди имеют много проблем со здоровьем).

Тезис 1.3. Transgender people actively influence young people by taking advantage of temporary problems of adolescents (Трансгендеры активно влияют на молодежь, пользуясь временными проблемами подростков).

1.3.1. So many girls war against their bodies in their teens (Все подростки переживают нелегкое время во время полового созревания).

1.3.2. Between 60-90% of gender dysphoric teens will grow out of their dysphoria (60-90 % подростков, испытывающих гендерную дисфорию, в итоге оставляют ее позади и счастливо живут в своем теле).

1.3.3. According to statistics, there are those who undergo reverse procedures (Согласно статистике, есть те, кто проходит обратные процедуры).

Тезис 1.4. I've got five reasons for being worried about the new trans activism, and deciding I need to speak up (Джоан Роулинг считает себя вправе высказывать свою точку зрения открыто).

1.4.1. I'm interested in freedom of speech and have publicly defended it (Считает себя приверженцем свободы слова).

1.4.2. I knew perfectly well what was going to happen (Свобода слова означает, что можно не бояться быть подвергнутой остракизму).

К. Грейди (Constance Grady), Старший корреспондент новостного сайта Vox, так высказалась с критикой на взгляды Дж. Роулинг:

All of the ideas she expressed in her essay are transphobic (Все идеи, которые она выразила в своем эссе, являются трансфобными).

Her views actively seek to take rights away from trans people, while treating the trans identity as something that is up for debate, rather than an intrinsic part of human beings who deserve to be treated with dignity (Ее взгляды «активно стремятся, отнять права у трансгендеров», при этом рассматривая «транс-идентичность

как нечто, что подлежит обсуждению, а не как неотъемлемую часть людей, которые заслуживают достойного обращения).

There is no evidence that transgender people are a threat to anyone (Нет никаких доказательств того, что трансгендеры представляют угрозу для кого-либо).

Rowling

Тезис 1.1. Destroying the concept of “woman”, transgender people erase all the numerous problems inherent to women (Уничтожая концепцию «женщина», трансгендеры стирают все многочисленные проблемы, свойственные именно женщинам).

1.1.1. The UK has experienced a 4400% increase in girls being referred for transitioning treatment (Катастрофически выросло количество девочек, меняющих пол).

1.1.2. Never have I seen women denigrated and dehumanised to the extent they are now (Мизогиния в обществе только усиливается).

1.1.3. Trans women of colour are at particular risk (Трансгендерные женщины подвергаются особой опасности).

1.1.3.1. I feel nothing but empathy and solidarity with trans women who’ve been abused by men (Абьюз со стороны мужчин).

1.1.3.2. They regret taking steps that have, in some cases, altered their bodies irrevocably, and taken away their fertility (40% сменивших пол женщин жалеют, что не стали матерями).

Тезис 1.2. Like women, they’re most likely to be killed by sexual partners (Как и женщины, они чаще всего погибают от рук сексуальных партнёров).

1.2.1. They regret taking steps that have, in some cases, altered their bodies

Grady

1. All of the ideas she expressed in her essay are transphobic (Все идеи, которые она выразила в своем эссе, являются трансфобными).

1.1. Her views actively seek to take rights away from trans people (Ее взгляды «активно стремятся отнять права у трансгендеров»).

1.2. Treats the trans identity as something that is up for debate, rather than an intrinsic part of human beings who deserve to be treated with dignity (Рассматривает транс-идентичность как нечто, что подлежит обсуждению, а не как неотъемлемую часть людей, которые заслуживают достойного обращения).

2. No evidence that transgender people are a threat to anyone (Нет никаких доказательств того, что трансгендеры представляют угрозу для кого-либо).

irrevocably (Многие трансгендеры сожалеют о смене пола).

1.2.2. In old age, these people have many health problems (В пожилом возрасте эти люди имеют много проблем со здоровьем).

Тезис 1.3. Transgender people actively influence young people by taking advantage of temporary problems of adolescents (Трансгендеры активно влияют на молодежь, пользуясь временными проблемами подростков).

1.3.1. So many girls war against their bodies in their teens (Так много девочек воюют против своего тела в подростковом возрасте).

1.3.2. Between 60-90% of gender dysphoric teens will grow out of their dysphoria (60-90 % подростков, испытывающих гендерную дисфорию, в итоге оставляют ее позади и счастливо живут в своем теле).

1.3.3. According to statistics, there are those who undergo reverse procedures (Согласно статистике, есть те, кто проходит обратные процедуры).

Тезис 1.4. I've got five reasons for being worried about the new trans activism, and deciding I need to speak up (Джоан Роулинг считает себя в праве высказывать свою точку зрения открыто).

1.4.1. I'm interested in freedom of speech and have publicly defended it (Считает себя приверженцем свободы слова).

1.4.2. I knew perfectly well what was going to happen (Свобода слова означает, что можно не бояться быть подвергнутой остракизму).

Как видим, критика К. Грейди недиалогична, она не опровергает ни один из тезисов либо аргументов Дж. Роулинг, за исключением тезиса 4 — *I've got five*

reasons for being worried about the new trans activism, который опровергается контртезисом *No evidence that transgender people are a threat to anyone*. Ничем не подкрепленное обвинение в намерении отнять права у трансгендеров также демонстрирует нарушение правил коммуникации и является ошибкой аргументации. В данном случае уместно говорить о реализации риторической стратегии акцентирования оппонентом факта отрицания Дж.Роулинг ценностей современного Европейского общества — *Treats the trans identity as something that is up for debate, rather than an intrinsic part of human beings who deserve to be treated with dignity*.

Б. Райт (Bonnie Wright), сыгравшая роль Джинни Уизли в фильмах о Гарри Поттере, высказываясь с критикой на слова Роулинг, использует прием сравнения: *If Harry Potter was a source of love and belonging for you, that love is infinite and there to take without judgment or question* (Если бы Гарри Поттер был источником любви для вас, вы бы принимали эту любовь бесконечно, без осуждения и вопросов?) <...> *Transwomen are women* (Трансженщины — это женщины).

В данном комментарии критика представлена контртезисом *Transwomen are women* на тезис Дж. Роулинг *If sex isn't real, the lived reality of women globally is erased*. Прием сравнения Гарри Поттера с предметом спора в форме риторического вопроса делает риторике оппонента более выразительной и эффективной. В данном случае реализуется риторическая цель за счет применения стратегии переноса критики с предмета спора на личность Дж. Роулинг.

Э. Редмэйн (Eddie Redmayne, британский актер) так прокомментировал слова Дж. Роулинг:

Trans women are women, transmen are men and non-binary identities are valid (Трансженщины — это женщины, трансмужчины — это мужчины, и небинарные идентичности действительны).

Fostering a diverse and inclusive culture has never been more important (Воспитание разнообразной и инклюзивной культуры никогда не было более важным).

В данном комментарии критика представлена контртезисом *Transwomen are women, transmen are men and non-binary identities are valid* и направлена на опровержение основного тезиса Дж. Роулинг о необходимости существования границы между биологическим полом и социальным гендером. Риторика оппонента включает лексическую единицу *valid* (*пер. автора признанный законом*), усиливающую позицию оппонента. Следующая реплика о важности воспитания разнообразной и инклюзивной культуры не имеет отношения к словам пропонента, однако присутствует в критике оппонента и уводит фокус с объекта критики на проблему, существующую в обществе. В данном случае необоснованные заявления являются ошибкой аргументации в словах оппонента, так как представляют собой эмоциональные выкладки без соответствующих доводов и аргументов.

Продолжим анализ критических высказываний в адрес Дж. Роулинг комментариями с фан-сайтов «Гарри Поттера». The Leaky Cauldron и MuggleNet опубликовали совместное заявление, дистанцировавшись от Роулинг из-за ее замечаний, тем самым продемонстрировав свою позицию по отношению к Дж. Роулинг.

J.K. Rowling has chosen this time to loudly pronounce harmful and disproven beliefs about what it means to be a transgender person <...> The fan sites vowed to “no longer be covering aspects of J.K. Rowling's personal life” and “no longer provide news coverage of J.K. Rowling's works set outside of the wizarding world.” (Дж. К. Роулинг воспользовалась случаем, чтобы громко произнести вредные и опровергнутые убеждения о том, что значит быть трансгендерным человеком» <...> Фан-сайты пообещали больше не освещать аспекты личной жизни Дж. К. Роулинг и ее работ, стоящих за пределами волшебного мира).

В данном комментарии критика направлена непосредственно на высказывание Дж. Роулинг. Ее слова названы *harmful and disproven beliefs*, а общая мысль Дж. Роулинг о стирании границ между полом и гендером представлена как заявление о том, что вообще значит быть трансгендером. Данный прием является не объектоориентированным, не имеющим отношения к

словам пропонента. Критика оппонента переносится на продукт творчества, а затем и на личность писательницы, что является ошибкой аргументации.

Скотт Тернер Шофилд (Scott Turner Schofield, американский актер и трансгендерный активист) обвиняет Дж. Роулинг в распространении необоснованных теорий и в анти-трансгендерной пропаганде. Его комментарий характеризуется официальной и политизированной лексикой: *JoKaren Rowling is weaponizing victimization, spreading scientifically debunked theories, making anti-trans hate speech sound reasonable, and participating in a coordinated political campaign against a marginalized and powerless minority* (Джо Карен Роулинг вооружает виктимизацию, распространяет научно развенчанные теории, делает пропаганду ненависти против трансгендеров разумной/обоснованной и участвует в скоординированной политической кампании против маргинализированного и бессильного меньшинства).

На языковом уровне критика представлена лексикой с отрицательной семантикой — *spreading scientifically debunked theories, making anti-trans hate speech sound reasonable*, терминами-профессионализмами — *weaponizing victimization, coordinated political campaign*, что делает риторику оппонента более экспрессивной. Риторическая стратегия дискредитации реализуется тактикой обвинения пропонента — 1) *JoKaren Rowling is weaponizing victimization*, 2) *is spreading scientifically debunked theories*, 3) *is making anti-trans hate speech sound reasonable*, 4) *is participating in a coordinated political campaign against....* Логически аргументативные шаги критики не соотносятся с элементами аргументации Дж. Роулинг. Продемонстрирована реализация иного императива — подавления инакомыслия: автору вменяется в вину, что *она привела некоторые разумные доводы в пользу незавидного положения трансгендеров*. Очевидно преувеличение и антитеза: *Роулинг представлена вооруженной по отношению к слабым жертвам-трансгендерам*. Это также апелляция к жалости. *Argumentum ad Misericordiam* (Высказывание, при помощи которого пытаются вызвать чувство сострадания с целью достичь согласия с предлагаемым заключением. Этот аргумент часто используется в суде, когда

адвокат может обойти фактические обстоятельства дела и вместо этого подчеркнуть особые обстоятельства, касающиеся его подопечного, которые должны вызывать чувство жалости).

К. Кеннеди (Kerry Kennedy, американская правозащитница, писательница, президент некоммерческой правозащитной организации Центра по правам человека Роберта Ф. Кеннеди) высказалась о том, что нападки Дж. Роулинг на трансгендеров несовместимы с убеждениями и ценностями фонда, который она возглавляет.

Profound disappointment that the author has chosen to use her remarkable gifts to create a narrative that diminishes the identity of trans and nonbinary people, undermining the validity and integrity of the entire transgender community. (Глубокое разочарование тем, что автор решила использовать свои замечательные дары для создания повествования, которое уменьшает идентичность транс- и небинарных людей, подрывая действительность и целостность всего трансгендерного сообщества).

В данном комментарии критика оппонента направлена на личность Дж. Роулинг. Высказывается мнение о том, что автор использует свой дар для повествования, принижающего идентичность транссообщества — *The author has chosen to use her remarkable gifts to create a narrative that diminishes the identity of trans...* Использование эмотива-номинатива *разочарование* и тактики обвинения — *undermining the validity and integrity of the entire transgender community* эксплицитно выражают позицию оппонента к высказываю Дж. Роулинг.

Подводя итог анализу критических комментариев в адрес высказывания Дж. Роулинг о концепции биологического пола, следует отметить следующее:

1. Дж. Роулинг высказалась однозначно и обоснованно о важности различия между биологическим полом и социальным статусом, о важности признания женщины как биологического вида. Триггерная аргументация имеет сложноподчиненную структуру, представлены рациональные аргументы, среди которых статистика и факты.

2. Все последовавшие критические комментарии в ответ на высказывания писательницы носят спонтанный характер, характеризуются недиалогичностью, в большей степени не согласуются с идеями, высказанными проponentом. Общий массив критических комментариев многогранен: одни опровергают тезис Дж. Роулинг, заявляя, что трансгендеры женщины – это тоже женщины, другие критикуют ее за оскорбление трансгендерных людей, третьи переносят критику высказывания на личность писательницы, называя ее трансфобкой. Есть те, кто переносят свою критику на продукт творчества, применяя аргумент «палки», они демонстрируют свою позицию дистанцирования и отказ от сотрудничества.
3. Стратегический потенциал критики представлен в большей степени риторическими стратегиями. Хорошо прослеживается стратегическое маневрирование:
- на уровне топики: оппоненты выбирают лишь некоторые темы, и исключают из обсуждения неудобные или невыгодные для них темы. Так, идея свободы слова и остракизма не упоминается никем из критиков и полностью исключается из обсуждения. Остаются в стороне статистические данные;
  - аргументативные шаги критики имеют общую базу в виде апелляций к эмоциям, происходит глорификация трансгендера. Это обнаруживается на уровне стилистики в виде фигур антитезы, гипофоры, гиперболы, метафор, лексем-глорификаторы (*a diverse and inclusive culture*) и террибилизмы (*weaponizing, victimization*);
  - на уровне адаптации к аудитории стратегическое маневрирование прослеживается в виде стратегией сближения оппонента с аудиторией (поддержка трансгендеров), стратегией обвинения, стратегией дискредитации непопулярной точки зрения и ее автора.

Все примеры критики в данной КС критики четко эксплицируют группу ценностей европейского общества: *трансгендерная идеология, борьба за права трансгендеров, разрушение института семьи, отрицание половой*

идентификации, которые, как видно из примеров, ценятся даже больше, чем один из императивов демократического общества — *свобода слова*.

Универсальная/рациональная стратегия направлена на достижение диалектической цели и реализуется логикой рассуждения Дж. Роулинг относительно значимости различения биологического пола и социального гендера. Риторическая цель реализуется прагматической стратегией, представленной созданием выгодной позиции со стороны оппонента, игнорированием точки зрения пропонента, переносом критики с объекта критики на личность и творчество пропонента.

4.6. Коммуникативная ситуация «Домашнее насилие»

Телеведущая Регина Тодоренко в одном из интервью заявила, что женщины сами провоцируют насилие, потому что им нравится выступать в роли «жертвы и спасительницы». Пользователей социальных сетей возмутили высказывания телеведущей по поводу домашнего насилия:

Нужно быть психологически больным человеком, чтобы взять камеру и начать говорить: «Боже, мой муж меня бьет». Что с мозгами в данный момент происходит? Наверное, наступает какой-то критический момент, чтобы такое сказать. Мой муж меня бьет. А почему? Ты не задумывалась об этом? Что ты сделала, чтобы он тебя не бил? А что ты сделала, чтобы он тебя ударил? Я не хочу оправдать мужчин, но мне и за женщин стыдно, за тех, кто делает из себя жертв, которые ждут жалости, это низко.

На самом деле мы все равно подбираем друг друга по природе. Под то, что нам не хватает, либо что нам очень нравится или, либо что мы хотим исправить в себе... И когда люди живут так долго вместе и что-то где-то терпят и что-то друг другу не говорят, надо спросить себя, а че ты терпела? А зачем ты жила в иллюзорном мире и говорила себе: «Я все изменю, я все смогу, я все смогу сделать?»

Основной тезис телеведущей: *Женщины сами виноваты в том, что становятся жертвами домашнего насилия.*

Представим реконструкцию следующим образом:

1. Женщины сами виноваты в том, что становятся жертвами домашнего насилия.
  - 1.1. Женщины сами провоцируют мужчин на насилие.
    - 1.1.1. Ничего не делают, чтобы этого не случилось.
    - 1.1.2. Делают из себя жертв, ждут жалости.
    - 1.1.3. Что-то где-то терпят и что-то друг другу не говорят.
    - 1.1.4. Живут в иллюзорном мире и говорят себе: «Я все изменю, я все смогу, я все смогу сделать».
  - 1.2. Люди подбирают друг друга по природе.
    - 1.2.1. Под то, что нам не хватает, либо что нам очень нравится или, либо что мы хотим исправить в себе.

В. Топалов (муж Р. Тодоренко) добавил, *что мужик, конечно, может быть грубым, это его природа.*

Эти слова вызвали широкий общественный резонанс, телеведущую и ее мужа осудили многие блогеры, которые выступили с критикой Р. Тодоренко за потворство тирании и садизма в семьях, а также в поверхностности обсуждаемой темы.

Дорогая Регина. 70% женщин подвергающимся насилию, или некоторым из них, не нравится быть жертвами. Я считаю, что женщина, человек с такой аудиторией просто не имеет права говорить такие вещи. Это отвратительно. И да, я посмотрела и этот и другой эфир. Там можно все на цитаты разбирать. Это просто жесть. Это не из той серии, когда сказала, и сама не поняла, что лянула. Это систематически публично высказываемое мнение, - написала в блоге жена рэпера Левана Горозии.

Критика в данном комментарии реализуется диалектической стратегией, представленной опровержением аргумента пропонента – *Женщины сами делают из себя жертв, ждут жалости*, приведением статистических данных. Одновременно проявляется риторическая цель посредством обвинения – *Женщина, человек с такой аудиторией просто не имеет права говорить такие*

вещи. Это отвратительно. Присутствие в риторике оппонента таких жаргонизмов как жесть, не из той серии, лянула усиливает оценочную эмоцию критика, отражающую субъективное отношение оппонента к объекту критики.

Автор телеграм-канала о моде “Good morning, Karl!” и бывший редактор Vogue Е. Федорова: *Какой пример подают издания, которые ее снимают и премии ей дают, и бренды, которые с ней сотрудничают? Вам не жалко всех этих девочек, которые потом будут на нее ориентироваться и думать, что бьет — значит любит, а я сама виновата?*

В Штатах ее карьере в один день пришел бы конец, а у нас ей выдают престижные награды и рекламные контракты. Как? Как? Как? Вот правда нет слов, одни эмоции. Позднее, когда Glamour лишил Тодоренко титула «Женщина года», журналистка написала: «Спасибо! Спасибо! Спасибо! Вы такие крутые! Вы дали нам поверить, что мы можем что-то изменить. Это бесценно».

В комментариях Е. Федоровой критика представлена отрицательными высказываниями.

Какой пример подают издания, которые ее снимают и премии ей дают, и бренды, которые с ней сотрудничают? (семантическое отрицательное высказывание); Вам не жалко всех этих девочек, которые потом будут на нее ориентироваться и думать, что бьет — значит любит, а я сама виновата? (стилистическое отрицательное высказывание). Кроме того, критика переносится с объекта критики, высказывания Р.Тодоренко, на ее личность — *Ее снимают, и премии ей дают, и бренды, которые с ней сотрудничают. Прием сравнения — В Штатах ее карьере в один день пришел бы конец* акцентирует внимание аудитории на степени серьезности ее высказывания, точнее, на возможных последствиях. Использование поговорок *Бьет — значит любит, Нет слов, одни эмоции* выражает высокую степень эмоциональной окраски в комментарии критика, а также его осуждающую позицию.

Ведущий А. Маммо: *Домашнее насилие — это уютный вид насилия. Все происходит дома, ты в тапочках и с кружкой теплого чая, на фоне играет песня из сюрприза жениха. Кайф же? <...> У нас страна такая просто. Нас всех*

насилуют уже много лет. А так как мы все на родине, то и насилие это свое, родное, домашнее.

Риторика критики в представленном комментарии выражается через ряд стилистических приемов: оксюморона — *Домашнее насилие – это уютный вид насилия*; *На родине и насилие свое, родное, домашнее*; сарказма — *Все происходит дома, ты в тапочках и с кружкой теплого чая, на фоне играет песня из сюрприза жениха. Кайф же?* Прием сравнение + ирония — *Нас всех насилуют уже много лет* смещает фокус критики с объекта критики на политику российского общества и выступает инструментом реализации риторической стратегии дискредитации российского общества.

В данной КС критики эксплицитно выражает обеспокоенность со стороны общественности проблемой домашнего насилия. Если обобщить все критические комментарии в один, то мы можем наблюдать кооперативный модус оппонентов в отношении обсуждаемой проблемы. При этом критика пропонента носит осуждающий характер и язвительный тон. Артикулируется ценность: *нулевая толерантность к тем, кто обвиняет жертв и ищет оправдания насильникам.*

Стратегическая составляющая данного комментария проявляется критикой–рассуждением как формой выражения универсальной стратегии, однако в большей степени представлена риторическая цель, реализуемая стратегией дискредитации телеведущей.

4.7. Коммуникативная ситуация «Национальная черта россиян»

Популярный российский актер Алексей Серебряков, известный по фильмам «Левиафан», «9-я рота», «Груз 200» и «ПираМММида», убежден, что национальная идея России заключается в силе, наглости и хамстве. Об этом он заявил в интервью видеоблогеру Юрию Дудю, опубликованном на YouTube-канале «вДудь».

А. Серебряков: Если отъехать на 30, 50, 70 километров от Москвы, вы увидите много элементов из 90-х годов. До сих пор ни знание, ни

сообразительность, ни предприимчивость, ни достоинство не являются национальной идеей. Национальной идеей являются сила, наглость и хамство.

Актер не оставил никакой лазейки для того, чтобы трактовать его слова как-то иначе или объяснить это вырыванием фраз из контекста. Он также признался, что перед интервью дал взятку сотруднику ГАИ: *«Нарушил немножко. Не хотел тратить время, а он так хотел эту взятку. И я подумал: “Может, у него трое детей, черт его знает”»*.

Реконструкция высказывания выглядит следующим образом:

1. Национальная идея России заключается в силе, наглости и хамстве.
  - 1.1. Много элементов из 90-х годов.
  - 1.2. Сотрудник ГАИ взял взятку.
    - 1.2.1. Он так хотел эту взятку.
    - 1.2.2. Может, у него трое детей, черт его знает.

Высказывания известного российского актера всколыхнули общественность. Обратимся к комментариям с критикой в социальных сетях в адрес высказываний А. Серебрякова.

John: Актёр — самая идиотская профессия.

Фокус критики смещен с объекта критики, слов актера, на род его деятельности и имплицитно направлен на личность актера.

Бобринский: продолжает предыдущий комментарий о профессии, которую близорукие люди считают интеллектуальной. А там, как режиссер сказал — так спинку и выгнул. Только вид бравый, а ума, как у белки. В зеркало то глянь: где ты, Лёха, а где чистая философия.

Как и в предыдущем комментарии критика направлена на личность самого актера. Критика — рассуждение о профессии артиста в целом иронично описывает ее с отрицательной стороны. Далее критика переходит на личность артиста. Риторика оппонента включает метафору *Ума, как у белки*, которая эксплицитно оскорбляет артиста и продолжается следующей фразой *Где ты, Леха, а где чистая философия*. Имя Леха — разговорный стиль, в данном случае

выражает снисходительное отношение к актеру. Все перечисленные приемы представляют риторическую стратегию уничижения актера.

Fenix-girl: кто-то когда-то назвал писателей, артистов, художников властителями умов. смотрю я на нашу богему — большая часть алкоголики, наркоманы, геи, бросают своих детей, погрязают в скандалах... и это — властители умов, наша богема превратилась в филиал содома с гоморрой, но привычка изображать пальцы веером, сопли пузырями осталась. Доярка из Хацапетовки, вырастившая 6 детей на их фоне выглядит чище, порядочней.

В данном комментарии критика направлена на представителей творческих профессий, объединенных одним словом — *богема*. Используя прием сравнения вместе с оскорбительной жаргонной лексикой – *пальцы веером, сопли пузырями, доярка с Хацапетовки*, оппонент реализует риторическую стратегию.

Abstinen: Серебряков — злобный и закомплексованный жлоб-неудачник. И не ему, ущербному, судить о России.

Комментарии в адрес актера оскорбительны, критика переносится с объекта критики — слов актера, на его личность. Риторика включает жаргонную лексику — *жлоб, ущербный, реализуя риторическую стратегию унижения*.

Александр: Странно, что он курение и алкоголь не назвал национальной идеей России, ведь этого примерно столько же, сколько хамства. Ах да, забыл, он же курит и пьёт.

В комментарии критика – рассуждение — *Курение и алкоголь тоже могли бы быть национальной идеей, ведь этого примерно столько же, сколько хамства* — реализует диалектическую стратегию. Использование аргумента «Ты Тоже» *Tue Quoque* — указывает на собственное несоответствие актера и является ошибкой аргументации.

Сергей: Актера делают его роли, посмотрите его роли, они все негативные, причем показывают всегда грязь, безысходность. тупость, пьянство и т.д., никогда нет ничего светлого и какой- то перспективы. Значит, что психологически он так и воспринимает нашу действительность, я понимал, когда он снимался в таких ролях в 90-х, но сейчас не понимаю. Не хочу сказать,

что все прекрасно, но то, что наше достояние ХАМСТВО, как он говорит... Уехал человек, ну плохо ему здесь с богом никто не держит, но многие живут, работают, растят детей и не считают свою Родину такой черной и негативной. Я только не понимаю, почему он каждый приезд на работу сюда делает такие заявления. А если честно, у него что-то с психикой ненормально, он плохо кончит, нельзя все воспринимать в негативе, так и до дурдома не далеко (сохранены орфография, пунктуация, стиль автора комментария).

В данном комментарии критика направлена на опровержение тезиса оппонента — *Национальная идея — хамство, наглость и сила*, представлена имплицитно отрицательным высказыванием — *Но то, что наше достояние — хамство* и демонстрирует позицию несогласия. Логической ошибкой является смещение фокуса критики с объекта критики — высказывания, на личность актера. Критика усиливается фактами о том, что актер уехал из страны, что усиливает отрицательное отношение к актеру.

Александр: Значит ПДД нарушаем, подвергаем окружающих опасности, суем милиции деньги. И при этом хаеет окружающих. Не удивительно, что за 20 лет, этот сын народа, служитель муз, так ничему наш народ и не научил. И при этом ещё и удивляется.... Нечего на народ пенять, коль у самого рожка крива, работник культуры б....

Критика в высказывании оппонента представлена рядом стилистических приемов: повторения — *ПДД нарушает, сует деньги, фразеологизмом — сын народа, служитель муз, перефраз — нечего на народ пенять, коль у самого рожка крива*. Все перечисленные приемы — инструменты реализации риторической стратегии.

Писатель-фантаст С. Лукьяненко: *Серебряков замечательно проиллюстрировал два из перечисленных качеств на своем примере: наглость и хамство. Но вряд ли стоит собственные пороки выдавать за пороки народа, к которому ты когда-то принадлежал. Конечно, это печальная ситуация, когда в целом неплохой актер зарабатывает в стране, которую публично ненавидит, презирает, выражает к ней негативное мнение. И еще более неприятно*

наблюдать за тем, что у нас в стране его приглашают, снимают, платят ему деньги и так далее. Я лично считаю, что человек после таких высказываний должен быть некой персоной нон грата, по крайней мере, для всех официальных деятелей и студий. Если в фильме, который снимается, есть хотя бы копейка государственных денег, то есть денег, идущих от народа нашей страны, то мне кажется, в этом фильме не должно быть господина Серебрякова. Если какой-то замечательный режиссер позовет его выступать, это его право. А если там хоть копейка от министерства культа или от «Фонда кино» есть, то, наверное, не надо. Пусть он снимается в Канаде, выступает на каких-нибудь елках для иммигрантов.

Наиболее частотной для данной КС критики является логическая ошибка, которая представляет собой попытку дискредитировать логику и оправданность позиции пропонента, основываясь на том, что он сам не придерживается данной позиции по отношению к себе или другим. Ошибочность состоит в том, чтобы увязать личную позицию и действия оппонента с логическими рассуждениями, приводимыми им. Рациональным аналогом было бы разрушить аргументацию актера, приведя данные о хамстве людей из других стран или указать на примеры достойных людей. Но такие опровержения единичны. Так, в следующем примере содержится развернутое опровержение триггерной аргументации фактологическими данными и историческими отсылками.

Военкор Д. Стешин: Мне показалось, актер Серебряков, проживая постоянно в протекторате США — Канаде, перепутал личностные качества американцев с русскими качествами. Потому что новые соотечественники Серебрякова, прежде чем продемонстрировать свою предприимчивость, просто загноцидили несколько миллионов индейцев и эскимосов — чтобы не мешались, а оставшихся, согнали в резервации. Не есть ли история США эталонный образец силы, наглости и хамства?

Минувшим летом мы прошли на маленькой надувной лодке от истока Волги до Казани — 1600 километров. И что мы увидели? Бабушку, которая в 86 лет, поколов дрова, лезет чинить крышу дровяника. Русских мужиков-

предпринимателей, которые вернулись из мегаполиса обратно на землю и делают вокруг красиво, в своей деревне Дегунино. Туристический город-пряник Плес – мы обедали в частном ресторане при частной гостинице — их на ровном месте открыла русская женщина. У этого заведения почти 100% международный рейтинг качества <...> Единственное, чего мы не видели — русских мужиков, рыдающих на берегу с 40-градусной стеклянной соской в руке. Как-то не встретились нам на этом длинном пути по глуховатым уголкам Родины. Возможно, потому что это кинематографический образ, господин Серебряков. Не путайте его с реальностью! Держите при себе, внутри – нам этого не надо.

Ценность, на которую ссылается коллективная критика, патриотизм претерпевает изменение не в лучшую сторону: *неверное истолкование национальной идеи, псевдопатриотизм.*

Стратегический потенциал критики представлен универсальной стратегией, реализуемой фактами и исторической ссылкой. Прагматическая стратегия представлена дискредитацией логики и позиции пропонента.

4.8. Коммуникативная ситуация «Солнечные дети»

М. Аронова некорректно высказалась о детях с синдромом Дауна в эфире программы «Всё будет хорошо» на телеканале «Россия» 16 октября 2012 года. По ходу телепередачи Аронова заявила, что лично для нее такой ребёнок — «это горе, чудовищное», с которым она бы «точно не справилась». Актриса также сказала, что ребёнок с синдромом Дауна «ничего не понимает», а когда вырастет — «бросит нож, вилку, утюг», «этот ребёнок может убить близкого».

Вы, когда ночью проходите по темному коридору, вы не боитесь, что ваш 11-летний ребенок вас прирежет? Или что даст вам по голове тяжелым утюгом? Если вы хотя бы на секунду знаете, что означает данное заболевание, этот ребенок может убить своего близкого?

Реконструкция речения следующая:

1. Дети с синдромом Дауна – это горе, чудовищное.

- 1.1. Такие дети ничего не понимают.
- 1.2. Такие дети опасны.
- 1.2.1. Такой ребенок может убить близкого.

В ответ на некорректные слова про больных детей Эвелина Блэданс написала в своём блоге:

16 октября мы по телевизору узнали, что наш сын Семен, которому был поставлен Синдром Дауна, является потенциальным убийцей. О такой угрозе узнали десятки миллионов человек. В том числе и десятки тысяч родителей детей с СД.

В данном комментарии критика проявляется имплицитно в виде перефразирования аргументов М. Ароновой о том, что дети с Синдромом Дауна потенциальные убийцы, продолжив свой комментарий фактами о многочисленной аудитории родителей, узнавшей о такой угрозе со стороны своих детей.

Павел Астахов (омбудсмен) выступил с критикой в адрес слов Марии Ароновой.

Своими «неэтичными высказываниями» в программе о детях с синдромом Дауна телеведущая Мария Аронова нарушила декларации прав человека и ребенка, а также Конституцию РФ. Минимум, что должна сделать телеведущая, — это извиниться. Правовую оценку происходящему даст Роскомнадзор.

Государство находится в долгу перед родителями, воспитывающими детей с ограниченными возможностями здоровья. Подобные семьи сталкиваются с ежедневными трудностями и нуждаются в постоянной поддержке. Вместо этого федеральный канал позволяет себе выдавать в эфир столь дискриминационные и оскорбительные высказывания, базирующиеся на невежестве и беспардонности ведущих.

Критика в комментариях представителя власти представлена лексикой с отрицательной семантикой — *неэтичны, нарушила, дает правовую оценку — нарушила декларацию прав человека и ребенка*. Риторика оппонента представлена множественной профессиональной лексикой — *Роскомнадзор*,

декларация прав человека, Конституция, государство, федеральный канал. Диалектическая цель проявляется в нейтральной лексике, аргументом в виде фактов — Подобные семьи сталкиваются с ежедневными трудностями и нуждаются в постоянной поддержке.

Адвокаты Эвелины Блédанс и представители фонда «Даунсайд Ап» обратились в Роскомнадзор с заявлением о привлечении ВГТРК к ответственности за выход передачи с подобными высказываниями в эфир. Роскомнадзор провел анализ программы и установил, что *«сценарные реплики телеведущей носят оскорбительный характер по отношению к больным детям, их родителям и близким». Таким образом, «передача противоречит общепризнанным нормам морали и этики, может оказать негативное влияние на отношение общества к людям с ограниченными возможностями».*

В комментариях официальной организации критика проявляется эмотивностью речи — *оскорбительный характер по отношению к больным детям, их родителям и близким, лексикой с отрицательной семантикой — оскорбительный характер, противоречит, негативное влияние, а также официальной лексикой — противоречит нормам морали и этики.* Диалектическая цель проявляется в том, что критикуются аргументы в высказываниях актрисы — *такие дети опасны, они могут убить близкого.* Тезис Э. Блédанс — *Мы узнали, что наш сын потенциальный убийца* имплицитно выразит вопрос, удивление, несогласие с точкой зрения пропонента.

Даунсайд Ап (некоммерческая организация, которая оказывает поддержку семьям с особенными детьми) выступила с открытым письмом к руководству ВГТРК и Марии Ароновой. Обратимся к некоторым выдержкам из этого письма. *Дайнсайд Ап считает слова оскорбительными для тысячи российских семей, в которых растут дети с особенностями развития. Мы ждем объяснений и извинений от Марии Ароновой и коллектива программы, готовившей передачу к эфиру. Мы надеемся, что подобные случаи не будут повторяться. Люди с особенностями развития и их близкие, так же, как и все имеют право на уважение и защиту своих прав.*

Данный пример комментария представляет критику коллективного оппонента в адрес высказывания Марии Ароновой, а также программы, готовившей эфир. Риторика оппонента включает эмотивность высказывания – *Считаем слова оскорбительными для тысячи российских семей, в которых растут дети с особенностями развития.* Эксплицируется факт нарушения прав человека и ребенка со стороны Марии Ароновой.

Итак, определим стратегический потенциал аргументации в коммуникативной ситуации критики «Отмена Марии Ароновой». Диалектическая цель реализуется универсальной стратегией посредством приведения факта того, что в тысячах семей растут дети дауны. Риторическая цель реализуется прагматической стратегией путем акцентирования, привлечения внимания к проблеме в обществе, апелляция к закону о правах человека и ребенка.

4.9. Коммуникативная ситуация «Расизм»

Известный российский дизайнер Ульяна Сергеенко оказалась в центре международного скандала. На модельера посыпались обвинения в расизме из-за открытки, которую она отправила своей подруге Мирославе Думе. Инцидент произошел накануне показа новой коллекции Сергеенко на неделе моды в Париже. Своим приятельницам она отправила приглашения на мероприятие, подписанные лично ею. Мирослава Дума опубликовала послание в Instagram. На открытке от руки написано: *To my niggas in Paris.* “*To my N****s in Paris,*” Дословно это переводится так: «*Моим ниггерам в Париже*». Оказалось, что между собой девочки иногда называют друг друга словом на букву «н».

Американский фотограф Адам Катц Синдинг опубликовал снимок с подписью: *Seriously!? Why would you a) write this b) post this...This better not be real.*

Комментарий в виде надписи на открытке содержит критику, выраженную безличным предложением *Seriously?* Можно предположить, что американский фотограф удивлен свободе слова в столь сложной обстановке в мире.

Культурная модель Наоми Кэмпбелл обратилась к дизайнеру со словами “*This better not be real!*” «*Лучше бы это было неправдой*», которые также добавила на снимок открытки.

Комментарий известной модели содержит критику в виде отрицания якобы имплицитно выраженной идеи расизма. Можно предположить, что оппонент не верит в истинность идеи о расизме, полразумеваемой в словах российского дизайнера.

Насиба Адилова, подруга Мирославы Думы, так прокомментировала разгоревшийся скандал вокруг российского дизайнера. “*I stand by @thetot's decision, and hope this inspires people to consider how their actions and words affect others.*” («Я поддерживаю решение @ thetot и надеюсь, что это вдохновит людей задуматься о том, как их действия и слова влияют на других»).

В данном комментарии фокус критики смещен с фразы, послужившей триггером к обвинениям в расизме, на необдуманный поступок. Однако выражение *This inspires people to consider how their actions and words affect others* подразумевает известную всем фразу *Думай, что делаешь!* и несет перформативный посыл. Все перечисленные приемы реализуют риторическую цель критика, проявляющуюся в стратегии предупреждения/предостережения о возможных последствиях необдуманных поступков.

Shelton Boyd (@flyrebel) January 23, 2018: *Fashion editors should boycott Ulyana Sergeenko's show tomorrow for this bullshit but nah they're still gonna go and support and write rave reviews and continuously ignore blatant racism ??♂??♂??♂ pic.twitter.com/8rjyr2qZ8I* (Модные редакторы должны бойкотировать шоу Ульяны Сергеенко завтра за эту ерунду, но нет, они все равно пойдут и будут поддерживать и писать восторженные обзоры и постоянно игнорировать вопиющий расизм).

В данном комментарии критика проявляется в призыве бойкотировать шоу российского модельера. Риторика оппонента включает лексику — сленг — *ерунда*, которая выражает несерьезность, с одной стороны, фраз, написанных на пригласительной открытке. Однако манипулятивная стратегия позволяет

подхватить волну скандала и присоединиться к обсуждению в сети. Необоснованная критика смещает фокус со слов проponenta на продукт ее деятельности – на показ моделей, который оппонент призывает бойкотировать.

Другие дизайнеры осудили российского модельера и ее приятельницу за элементарную неосведомленность:

П. Гурунг, непальско-американский модельер: *Speaking of scandals in fashion, this week it came to light that Ulyana Sergeenko and Miroslava Duma were using the N-word and their seemingly insincere apologies created a huge backlash. Do you see this as a pattern in the industry? And what is our job to make sure this changes?* (Говоря о скандалах в моде, на этой неделе выяснилось, что Ульяна Сергеенко и Мирослава Дума используют N-слово и их, казалось бы, неискренние извинения создали огромную обратную реакцию. Вы рассматриваете это как закономерность в отрасли? И какова наша работа, чтобы убедиться, что это меняется?)

В данной части комментария критика оппонента обращена к целой отрасли моды. В словах дизайнера имплицитно проявляется критика в вопросе, обращенным к аудитории — *Do you see this as a pattern in the industry?*

What we have to understand is that as the world gets smaller, through digital access, we all have power to educate ourselves about what could be offensive and what could not be. We need to learn the history behind everyone's word. When you're chasing the "cool," whether that's in fashion or whatever, that's the biggest problem. Not just in terms of racism or bigotry, but overall, you have to be so careful about that. For me, with this particular issue, I look at it as a complete lack of awareness. I'm also interested in how we are checking ourselves, educating ourselves. (Что мы должны понять, так это то, что по мере того, как мир становится меньше, благодаря цифровому доступу у нас у всех есть возможность обучать себя тому, что может быть оскорбительным, а что не может быть. Нам нужно узнать историю, стоящую за словом каждого. Когда вы гонитесь за «крутыми», будь то в моде или что-то еще, это самая большая проблема. Не только с точки зрения расизма или фанатизма, но в целом, вы должны быть так осторожны.

Я смотрю на это как на полное отсутствие осведомленности. Мне также интересно, как мы проверяем себя, обучаем себя).

В данном отрывке содержится критика-рассуждение о личной ответственности за высказывания и поведение в цифровом пространстве.

Обратимся к еще одному примеру обвинения в расизме.

В начале июля этого года российская теле- и радиоведущая Анфиса Чехова стала гостьей одного из российских шоу, где рассказала, как ей удается поддерживать красоту и с какими проблемами они сталкивалась в борьбе за привлекательность и молодость. Однако в ходе беседы телеведущая ненароком обидела бурятских женщин.

А. Чехова: Врач-косметолог вкачал мне литр гиалуронки, и я стала бурятской женщиной. Два месяца я не могла смотреть на свое отражение, ненавидела свое лицо. Я была как алкоголичка, избитая своим сожителем. Ненавидела свое отражение.

Реконструкция высказывания следующая:

1. Бурятские женщины имеют внешность, которую нельзя назвать красивой.
- 1.1. Лицо как у алкоголички, которую избил сожитель.

Слова А. Чеховой произвели эффект разорвавшейся бомбы. К ней в блог набежали возмущенные бурятки. Они стали проклинать звезду, обвинили ее в расизме. Обратимся к комментариям. Оппонент в данном случае коллективный, представляющий бурятскую национальность.

Отвратительная передача, ждем извинений за расистские высказывания в отношении бурятских женщин.

Идите лучше позагорайте, да пофоткайтесь в купальнике, телевидение - не ваша тема. Там надо сначала думать, а потом говорить.

Извинись за свое интервью про бурятское лицо! И впредь не упоминай бурятов.

Помидорами и яйцами закидаем. Не приезжай в Бурятию нашу красивую.

Отекишим лицо может быть у каждого, зачем сравнивать с какой-то национальностью?! Это совсем не смешно. У нас многонациональная страна, не нужно расизма.

Вы, оказывается, националистка, зачем так оскорбляете бурят?! Вы вряд ли видели хотя бы раз Бурятию, мы очень красивые и даже утром. Попробовали бы вы так высказаться про чеченок или татарок, к примеру. Лично я — бурятка по национальности, считаю ваши речи оскорбительными.

В комментариях критика направлена на опровержение тезиса – *Мы очень даже красивые!* Эксплицитно выражена позиция коллективного оппонента о том, что высказывание носит характер расистского — *Оказывается, вы националистка!* Далее фокус критики смещается с высказывания на личность А. Чеховой — *Иди лучище позагорай, тебе не место на телевидении.* Риторика высказываний в большей степени оскорбительная — *Помидорами и яйцами закидаем! Не приезжай в Бурятию!* Обращение на «ты» — показатель нарушения общепринятых правил общения. Прием сравнения высказаться в адрес кавказских народностей демонстрирует эмоциональный накал критика. Диалектическая цель проявляется в стратегии информирования о том, что Россия многонациональная страна, в которой не должно быть расизма. Риторическая цель проявляется в стратегиях обвинения и предупреждения, которые достаточно эффектно представляют риторику оппонента.

Еще один пример КС критики представляет собой международный скандал, возникший из-за заявления компании Н&М. Руководство на сайте компании опубликовало следующее:

... It was deeply concerned by reports from civil society organizations and media that include accusations of forced labor and discrimination of ethno-religious minorities in Xinjiang and that it had stopped buying cotton from growers in the region.

Заявление вызвало многогранный скандал. Одни критики высказывались о расовых нападках, невежестве и цинизме руководства Н&М, допустившей такое высказывание:

Госслужащая из Гуанчжоу Дж. Ли: *My husband said the whole thing that brands distort the truth about China while making money here made him furious ... It's sad because we've bought clothes from these brands for years and we are happy with their quality and style* (Мой муж сказал, что всё это — то, что бренды искажают правду о Китае, зарабатывая здесь деньги. Это печально, потому что мы годами покупали одежду этих брендов и довольны ее качеством и стилем).

Другие — о политической подоплеке. Вот, к примеру, как прокомментировал позицию Н&М Эндрю Гилхолм (Andrew Gilholm, a principal focusing on Asia at consulting firm Control Risks):

“All sorts of industries and companies that probably didn't consider themselves politically exposed have ended up in trouble. Sometimes there just isn't a neutral position.” (Все виды отраслей и компаний, которые, вероятно, не считали себя политически уязвимыми, оказались в беде. Иногда просто нет нейтральной позиции»).

В данной комментарии критика представлена нейтральной лексикой, стратегия информирования реализует диалектическую цель оппонента.

Третьи — опровергают слова компании о рабском труде.

Want to make money in China while spreading false rumors and boycotting Xinjiang cotton? Wishful thinking!” the group said in a post, echoing one of the People's Liberation Army's statements that called H&M's stance “ignorant and arrogant”.

(«Хотите зарабатывать деньги в Китае, распространяя ложные слухи и бойкотируя синьцзянский хлопок? Принятие желаемого за действительное!» — говорится в сообщении группы, повторяя одно из заявлений Народно-освободительной армии, в котором позиция Н&М названа «невежественной и высокомерной»).

В данной комментарии точка зрения коллективного оппонента содержит критику, направленную на разрушение тезиса в заявлении компании Н&М об использовании рабского труда — *spreading false rumors*. Риторика высказывания включает лексику с отрицательной семантикой — *false rumors, ignorant and arrogant*. Диалектическая цель реализуется универсальной стратегией,

представленной приведением общеизвестных фактов о многонациональном статусе России. Риторическая цель реализуется прагматической стратегией, представленной на лексическом уровне – использованием лексики, отражающей расистское отношение (У. Сергиенко, А. Чехова), на уровне топики — апелляцией к морали (распространение лживых слухов (компании H&M)).

4.10. Коммуникативная ситуация «Не в общем хоре»

Церемония открытия Олимпиады в Париже вызвала негативную реакцию у людей по всему миру. Спортсмены, местные жители, болельщики и журналисты выразили недоумение от пошлости организаторов. Многие высказали свое отношение к глумлению над религией, пропаганде нетрадиционных ценностей, что происходило на церемонии в Париже. Польский комментатор Пшемислав Бабьяж был отстранен от работы на Олимпиаде за отсылку к песне Джона Леннона “Imagine”.

Яркий пример цензуры в ответ на высказывание журналистом собственной позиции продемонстрировал польский телеканал TVP Sport. 60-летний комментатор Пшемислав Бабьяж работал на церемонии открытия Игр и возмутился происходящим на экране, сделав отсылку к песне Джона Леннона Imagine. Польский комментатор оказался не в общем хоре, сказав следующее: *A world without heaven, nations, and religions. This is a vision of peace that is to encompass everyone. This is a vision of communism, unfortunately* (Представьте, что нет рая, наций, религии, и это видение мира, которое должно охватить всех. К сожалению, это идеология коммунизма).

Смысл этого комментария заключается в том, что журналист связал концепцию открытия олимпийских игр с идеей коммунизма и счел это фактом, достойным сожаления. Аргументация-триггер имеет следующую цепочку рассуждения: то, что происходит на открытии Игр, очень похоже на то, о чем поется в песне Дж. Леннона, где нет рая, наций, религии – это идеология коммунизма. Коммунизм — это идеология, достойная сожаления. Таковым же следует считать и церемонию открытия.

Польский государственный телеканал Telewizja Polska TVP отреагировал следующим образом: *Mutual understanding, tolerance, reconciliation — these are not only the basic ideas of the Olympics, they are also the foundation of the standards that guide the new Polish Television. There is no consent to violate them* (Взаимопонимание, толерантность, примирение — это не только основные олимпийские идеи, это также основа стандартов, которыми руководствуется новое Польское телевидение. Нарушать их недопустимо. Мы вынуждены сообщить, что после вчерашних скандальных слов было принято решение об отстранении Бабьяжа от исполнения обязанностей. Он не будет комментировать соревнования Олимпийских игр).

Здесь мы видим «аргумент к палке» — это прием, который подразумевает использование силы или угрозы в качестве средства убеждения, а не рациональных доводов. Это часто встречается в ситуациях, когда одна сторона пытается навязать свою точку зрения, прибегая к запугиванию или принуждению, вместо того чтобы опираться на факты и логические аргументы. Ценностная установка — *конформизм и недопустимость подвергать сомнению существующий порядок*.

В данном примере стратегический потенциал критики представлен универсальной стратегией — посредством упоминания идей и стандартов польского телевидения об Олимпийских играх, прагматической стратегией — путем демонстрации власти государственного канала телевидения.

Обратимся еще к одному примеру коммуникативной ситуации критики, однако, в данном случае речь пойдет об отмене деятелей культуры, их признанных заслуг, профессионального творчества.

В период с 2022 по 2024 гг. в ряде стран Европы и в США были отменены концерты российских деятелей культуры и искусства. Так, Метрополитан Опера в Нью Йорке отменила концерты всемирно известной оперной певицы А. Нетребко. Причиной отмены послужили ее политические взгляды. Певица так прокомментировала свою позицию.

Netrebko said she was *neither a member of a political party nor am I linked to any leader of Russia*, and admitted that she *recognizes and regrets that my actions and statements in the past could in part be misconstrued*. (Нетребко сказала *Я не являюсь членом какой-либо политической партии и не связана с каким-либо руководителем России* и признала, что *признает и сожалеет о том, что ее действия и заявления в прошлом могли быть частично неверно истолкованы*).

Обратимся к комментариям, содержащим критику в адрес А. Нетребко.

Peter Gelb (the general manager of Metropolitan Opera in New York):

Having read Anna’s statement, we’re not prepared to change our position,” said a statement from the Met’s general manager, Peter Gelb. *“If Anna demonstrates that she has truly and completely disassociated herself from Putin over the long-term, I would be willing to have a conversation.* (Прочитав заявление Анны, мы не готовы изменить нашу позицию, — заявил генеральный директор Метрополитен Питер Гелб. Если Анна продемонстрирует, что она действительно и полностью отделилась от Путина в долгосрочной перспективе, я был бы готов к разговору).

Реконструкция критики может быть представлена следующим образом

A. Netrebko

Peter Gelb

1. I am neither a member of a political party nor am linked to any leader of Russia.

2. I recognize and regret that my actions and statement in the past could be misconstrued.

1. We are not prepared to change our position.

1.1. If Anna demonstrates she has truly and completely disassociated herself from Putin, I would be willing to have a conversation.

В данном примере критика представлена контраргументом оппонента на тезис — заявление оперной певицы о том, что она не является представителем какой-либо политической партии: *I am neither a member of a political party nor am linked to any leader of Russia*. Однако оппонент настаивает на том, чтобы певица публично продемонстрировала свое отношение к руководителю страны: *If Anna demonstrates she has truly and completely disassociated herself from Putin... .* Игнорирование слов проponenta и выбор темы, удобной для выражения своей

позиции — пример стратегического маневрирования, при котором оппонент использует контртезис на слова А. Нетребко о признании и сожалении о каких-либо действиях и заявлениях, сделанных ранее, и которые были истолкованы неверно: *I recognize and regret that my actions and statement in the past could be misconstrued*. Оппонент игнорирует слова певицы и выражает свою позицию: Мы не готовы поменять свою позицию — *We are not prepared to change our position*.

Смысл данного комментария эксплицитно выражает требование публично заявить о своих политических взглядах, а имплицитно подразумевается следующее — *Заяви открыто, что не поддерживаешь политику Путина, и мы изменим свое решение — двери Метрополитан Опера будут для вас открыты*. Данный пример отчетливо реализует прагматическую стратегию — реализацию интересов оппонента.

В данной КС критики критические комментарии не только направлены на объект критики — слова и действия в поддержку политики своего государства, но и к такой ценности как любовь к своей Родине, от которой необходимо отказаться публично.

Стратегический потенциал критики представлен только прагматической стратегией. У оппонента нет цели устранить разногласия, однако, есть намерение выразить свою точку зрения. На уровне топики оппонент выбирает удобную тему для дискуссии, на лексическом уровне используется нейтральная лексика, а на уровне презентации игнорируются слова певицы. Следует отметить отсутствие интереса к А. Нетребко как к талантливой певице. Призыв заявить о политических взглядах публично — демонстрируется не прямое побуждение к действию.

4.11. Коммуникативная ситуация «Голая вечеринка»

Грандиозный скандал вокруг мероприятия, организованного Н. Ивлеевой, только начал набирать силу, когда гламурная телеведущая окончательно и

опрометчиво прокомментировала первые критические комментарии. Представим аргументацию-триггер:

Это, конечно, того стоило. Я обожаю, что почти на каждой моей вечеринке пишут комментарии, что “это разврат ниже некуда, что они творят, это какая-то бесовщина, сатанина”. Хотя просто люди пришли красивые в красивых нарядах, в полуобнаженных. Поэтому я надеюсь, что это не закончится никогда. Больше комментариев, больше негодования на совершенно простые, красивые, понятные вещи.

Реконструкция:

1. Такие мероприятия стоит устраивать.
  - 1.1. Всегда о таких мероприятиях пишут комментарии.
    - 1.1.1. Приходят красивые люди в красивых нарядах.
    - 1.1.2. Сравнивают такие мероприятия с бесовщиной, развратом и сатаниной.
    - 1.1.3. Больше комментариев, больше негодования на простые, красивые вещи.

Данный пример представляет собой реакцию на критику коллективного пропонента. Как видим, блогер отвечает только на аргументы по отношению к нарядам и поведению участников. Аргументы о бойцах и оскорблении мобилизованных она игнорирует. Как известно, эта публикация была спешно удалена, за ней последовали многомесечные извинения как самой Ивлеевой, так и других участников вечеринки, которые в спешном порядке отправились поддерживать бойцов. Диалектическая цель — внести свой вклад в разрешение проблемы отчасти присутствует, поскольку последовали ответные комментарии на критику мероприятия. Однако наиболее выразительно представлена риторическая цель, самопрезентация пропонентом используется для повышения интереса к своей персоне, для этого автор триггерного высказывания использует отрицательную по семантике лексику — разврат, сатанина, бесовщина. Использование эмотивов направлено на акцент своей персоны. Все перечисленные приемы и техники помогают наиболее эффектно оправдать свой поступок.

Коллективный проponent отрицательной точки зрения представлен различными акторами (Президент, военные, общественные и государственные деятели, политики). Представим разные комментарии с критикой в адрес триггерного высказывания.

Военные отметили, что *они защищают родину, а их товарищи гибнут на передовой, пока в московских клубах звезды шоу-бизнеса позволяют себе «творить разврат»*. Бойцы также добавили, что *ночью, пока шла вечеринка, добровольцы взяли в плен восемь украинских военных и ликвидировали 18. А в это время представители шоу-бизнеса развращают нашу молодежь, показывая нецензурные ролики. Мы поддерживаем инициативу движения “Зов народа” по проверке данных мероприятий», — заявили бойцы ВС РФ.*

Критика в комментарии направлена на разрушение тезиса проponenta — *Такие мероприятия стоит устраивать*. Называя мероприятие как то, что *творит разврат, развращает нашу молодежь*, оппонент реализует стратегию дискредитации, которая эксплицируется на стилистическом уровне противопоставлением — *военные защищают родину, их товарищи гибнут, а звезды шоу-бизнеса творят разврат*.

Президент России также дал критический комментарий.

Надо, конечно, обращать внимание на ребят, которые возвращаются из зоны специальной военной операции. Люди, когда решаются на это, проходят это горнило и возвращаются, очень многие приоритеты жизненные выстраиваются по-другому, здесь уже не будешь прыгать без штанов на каких-нибудь мероприятиях.

Критика в комментарии представлена лексикой с отрицательной семантикой — *прыгать без штанов на каких-нибудь мероприятиях*. Прием сравнения эксплицитно отражает негативное отношение политика к высказыванию блогера и разрушает тезис проponenta — *Красивое мероприятие, где собрались красивые люди*.

Следующий комментарий принадлежит Е. Мизулиной, российскому общественному деятелю.

«Проводить такие мероприятия в то время, когда гибнут наши ребята на СВО и многие дети теряют отцов, — цинично. Наши бойцы на фронте сражаются точно не за это. И я в этом абсолютно уверена, пообщавшись недавно с ранеными солдатами. Такие тусовки — выстрел в ногу всей политике, которую проводит государство. Причем самое страшное, что, видимо, организаторам непонятно, что не так. Все просто — не так все. Они живут в другом мире, отличном от того, в котором живет вся страна. — написала Мизулина в своем Telegram-канале. «Оставаться при этом лицами российских соцсетей и госканалов как минимум странно. Таким людям должен быть объявлен бойкот, причем на государственном уровне».

В данном комментарии критика представлена контртезисом оппонента *Проводить такие мероприятия — цинично*, который, в свою очередь, подкрепляется аргументами — *гибнут ребята на СВО, бойца сражаются на фронте*. Риторика оппонента представлена лексикой с отрицательной семантикой — *гибнут, цинично, страшное*. Идиома — *выстрел в ногу* эксплицитно выражает негативную оценку и позицию оппонента по отношению объекту критики. Фокус критики смещен с объекта критики на личность пропонента — *Организаторам непонятно, что не так; Они живут в другом мире, отличном от того, в котором живет вся страна*. Диалектическая цель критики представлена стратегией информирования — приводится факт встречи с ранеными солдатами, имплицитно выражающий отрицательную оценку словам пропонента и критикуемому мероприятию. Риторическая цель реализуется стратегией дискредитации посредством обвинения пропонента в циничности.

Следующий комментарий с критикой принадлежит российскому государственному и политическому деятелю, депутату В. Милонову.

«У меня такое ощущение, что стадо обезьян ограбило ювелирный магазин и [магазин] нижнего белья, нацепили на себя как могли и бегают в стаде, тусуются, друг друга фотографируют, и им радостно от этого. На самом деле так мерзко от этого, особенно [учитывая], в какое время живем. Представляю, как сейчас мобилизованные и страдающие от боевых действий люди, как им

тяжело видеть, как шимпанзе на жопу цапнула цацку за 23 млн, ходит и трясет своим причинным местом на камеру. Обезьяны ведут себя гораздо более прилично. Худшее проявление, которое может быть, абсолютно мерзкое и гадкое. — высказался Милонов в беседе с NEWS.ru. Депутат также призвал объявить бойкот тем, кто принимал участие в этом мероприятии. *Уголовные преследования вряд ли могут быть, но неэтично их куда-либо выпускать. Им точно нужен карантин».*

Критика оппонента направлена на разрушение аргумента пропонента — *Красивое мероприятие, на котором собрались красивые люди.* Используя прием сравнения, дискредитирует автора высказывания. Применяя аргумент *Argumentum Misericordiam*, оппонент апеллирует к жалости аудитории. На уровне лексики использование метафоры *стадо обезьян*, и антитезы противопоставляет 2 группы — веселящихся и страдающих. Стилистически маркированной является обшцентажная лексика, лексика с негативной семантикой, пейоративная лексика.

Л. Слуцкий, депутат государственной Думы, так прокомментировал слова А. Ивлеевой.

Мы предлагаем всем подумать и внести законопроект о том, чтобы эту элитку лишить званий народных и заслуженных артистов. Сегодня, когда страна встает плечом к плечу в поддержку специальной военной операции, в поддержку действий президента по укреплению вооруженных сил, в поддержку наших ребят на передовой, все это самолюбование, все нарциссы, которые участвуют в голых вечеринках...

Согласно концепции стратегического маневрирования, рациональная (диалектическая) стратегия представлена логикой рассуждения: страна объединяется в период проведения СВО — элитка веселится — ее (элитку) нужно наказывать. Для этого необходимо внести законопроект о лишении званий народных и заслуженных артистов. Риторическая стратегия реализуется уничижительной лексикой *элитка, нарциссы, самолюбование, голая вечеринка.* Фразеологизм *плечом к плечу* выступает в роли аргумента к большинству,

демонстрируя слаженность и сплоченность граждан страны в трудный период. Прием сравнения противопоставляет две группы — *ребята на передовой* — *все нарциссы, участвующие в голой вечеринке* отражает ценности одни (патриотизм и праздная жизнь, соответственно).

Все вышеперечисленные комментарии можно представить как коллективную критику. Тогда реконструкция коллективной критики может быть представлена следующим образом.

1. Ивлеевой и всем участникам голой вечеринки необходимо объявить бойкот.
  - 1.1. Ивлеева провела циничное мероприятие.
    - 1.1.1. Участники вели себя развратно.
  - 1.2. Бойцы за это не сражаются.
  - 1.3. Военнослужащие оскорблены развратом в столичных клубах.
2. Ивлеева дискредитирует государственную политику и развращает молодежь.
3. Ивлеева не живет интересами страны.
  - 3.1. Участники оскорбляют чувства тех, кто страдает на боевых действиях.
  - 3.2. Участники веселятся и тратят деньги на наряды.

Стратегический потенциал представлен универсальной стратегией путем использования аргументов и тезисов, направленных на сознание аудитории, выступающих за сохранение ценностей в обществе. Прагматическая стратегия представлена использованием лексики с отрицательной семантикой, эмотивами, пейоративной лексикой, обсцентной лексикой.

Выводы по четвертой главе

Дискурсивная практика отмены является одним из примеров непрототипической коммуникативной ситуации критики. Это активная критика высказываний и действий некоторых лиц, открытое выражение отрицательной точки зрения, отрицательная оценка объекта, по отношению к которому запускается кампании по привлечению к ответственности.

Относительно локализации точек зрения и объекта критики выделены две модели критики: модель реактивной критики и модель дескриптивной критики. Среди отличительных характеристик модели реактивной критики следует назвать критикующие высказывания как реакцию на высказывания-триггеры лица/группы людей.

Оценивая стратегический потенциал аргументации в коммуникативной ситуации критики на анализируемом материале, который можно описать как практику отмены, отметим следующее.

Во-первых, триггерные высказывания поддаются реконструкции и в анализе они (кроме примера фразы У. Сергеенко) были представлены как пропозиции аргументативного шага. Все проанализированные высказывания породили острую негативную реакцию и привели к возникновению обширного коммуникативного контекста критики и неконтролируемого развития событий. Это позволяет заключить, что такие высказывания представляют собой коммуникативные триггеры, механизм действия которых состоит в апеллировании к ценностям, антиценностям, социальным императивам. Это эксплицирует ценности, которые складываются или уже сложились в обществе.

Во-вторых, обращение к языковому материалу показывает, что часть триггерных высказываний была сделана ненароком, случайно. Небольшая часть, наоборот, представляет собой подготовленные рассуждения. В целом высказывания-триггеры способствуют возникновению нового выводного значения. Многие объекты–жертвы травли ответствовали, что они имели в виду что-то другое, но их неправильно поняли.

В-третьих, анализ критики триггерных высказываний показывает, что в структурном отношении часть критики соотносится с элементами аргументативного шага пропонента. То есть в анализе можно видеть опровержение элементов триггерной аргументации в виде аргументов, тезиса, связи между ними, а также встречается обоснование антитезиса. Это универсальные стратегии аргументации в критике, придерживаясь которых можно рациональным способом разрешать разногласия.

Таким образом, универсальные стратегии соотносятся с диалектической целью критики, они проявляются в критике-рассуждении, в опровержении тезисов и аргументов, в предоставлении фактов, научных данных, экспертных мнений.

Прагматика критики прослеживается на уровне риторических стратегий, инструментом анализа которых является концепция стратегического мневрирования:

а) на лексическом уровне переход к риторической цели в предложениях с критикой представлен лексикой с отрицательной семантикой, жаргонизмами, сленгом, профессиональной лексикой, пейоративной лексикой, категорией эмотивности, различными стилистическими приемами и средствами выразительности – оксюморон, ирония, сарказм, метафора, фразеологизмы, пословицы и поговорки, безличные предложения, перформативные фразы. Экспрессивный синтаксис выражен антитезой, гипофорой;

б) тематический потенциал состоит в том, что используются определенные схемы рассуждений и соответственно схемы аргументов:

- аргумент к большинству;
- аргумент к жалости;
- аргумент «ты тоже»;
- аргумент к палке.

Данные схемы, традиционно называемые ошибками аргументации, дополним еще одной, которую мы выявили и описали в анализе, это *ошибка экстраполяции*: отрицательное качество высказывания и его автора переносится

на продукт его творчества и деятельности. Показательно, что из критики исключается часть элементов аргументативного комплекса. Особенно хорошо это видно при реконструкции триггерной аргументации. То есть оппонент концентрируется на одних сторонах речи и игнорирует другие. Таким образом, из обсуждения исключаются некоторые темы и смыслы.

Адаптация к аудитории — еще один уровень риторической аргументации. В примерах критики он проявился в том, что оппонент высказывается и действует в рамках лояльной аудитории, которая формируется спонтанно и выражает причастность обсуждаемой теме. Голоса тех, кто не соответствует общей концепции, не учитываются, а рациональные аргументы с их стороны игнорируются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реализация критики в феномене «новой этики» как дискурсивной практике отмены заставляет взглянуть на критику как инструмент воздействия на мнение общественности, трансформации ценностей в обществе. Критика как рациональное действие и коммуникативное явление, являясь совместным опытом языкового взаимодействия коммуникантов, обладает стратегическим потенциалом и познавательно-преобразующей функцией. Роль феномена «культура отмены» как новой дискурсивной практики в теории и практике аргументации возможно определить через анализ критики в аргументации.

В рамках проведенного исследования решены следующие задачи:

1. Уточнен логико-философский базис критики, проанализированы подходы к ее изучению. Логико-философский базис критики представляет собой междисциплинарный трансфер исследуемого явления: философии, логики, аргументации и лингвистики. Философский аспект представлен познавательно-преобразующей ролью критики. Логическая критика – критика опровержения – выявляет логические ошибки, сделанные на основе неправильных аргументативных шагов. Лингвистический статус критики представлен семантическим и синтаксическим отрицанием, прагматикой отрицания в коммуникативной ситуации, лингвокультурными особенностями дискурсов, реализующих критику. Область аргументации позволяет описать критику относительно точки зрения как: 1) реактивную критику (критику существующей аргументации, рассуждения, доказательства), 2) дескриптивную иницирующую критику (аргументирование негативной точки зрения относительно некоторого положения дел).
2. Сформулировано лингвистическое описание феномена «культура отмены» с точки зрения дискурса. Дискурсивная практика отмены представляет собой непрототипическую коммуникативную ситуацию критики. Следует различать «дискурс вокруг “культуры отмены”» и дискурсивную практику «отмены», где второй термин — это шаблон действий, который представляет собой выражение критики в виде социального порицания. Акторами практики отмены являются

как отдельные пользователи Сети, так и крупные политические фигуры. Дистрибутивный анализ корпуса примеров позволил выявить значение этого термина, которое представляет собой сценарий устранения, вычеркивания объекта и всего, что с ним связано. Телеология критики в практике отмены, таким образом, отличается от рациональной критики, направленной на работу с недостатками.

3. Адаптирована методология теории аргументации к исследованию критики. Продемонстрировано, как функционирует категориальное поле аргументации в исследуемом лингвистическом материале (типичные структурно-композиционные схемы аргументов и отношения между компонентами последних).

4. Разработана модель анализа коммуникативной ситуации критики в практике «отмены» на основании прототипической ситуации критики. Дано описание прототипической и непрототипической коммуникативных ситуаций критики на основании анализа семантики языковых единиц–показателей критики, на уровне текстовых показателей выражения критики. Прототипической коммуникативной ситуацией критики определен аргументативный спор, отражающий критикорационалистическую идею аргументативного оптимизма, предполагающую, что участники спора стремятся к идеальной цели — устранению разногласий. Стратегический потенциал прототипической коммуникативной ситуации критики направлен на кооперативность, логичность и реализуется лексемами рационального действия критики — анализ/analysis, оценка / evaluating, отрицание / negation. Непрототипическая коммуникативная ситуация критики в практике отмены включает специальные прагматические стратегии, обусловленные специфичностью компонентов в виде цели, объектов, адресата и др. Относительно локализации точек зрения и объекта критики выделены две модели критики: модель реактивной критики и модель дескриптивной критики.

5. Выявлено, что универсальные стратегии аргументации составляют прототипическую ситуацию критики и представляют собой систему

кооперативных, логико-рациональных стратегий. Специальные прагматические стратегии аргументации составляют непрототипические ситуации критики и представляют собой систему объектно ориентированных, конфронтационных, паралогических стратегий, которые реализуются в частных тактиках критики. В непрототипической коммуникативной ситуации критики на примере дискурсивной практики отмены стратегии, реализующие диалектическую цель дискуссии или ее этапы (универсальные / рациональные) представляют критику-рассуждение. Специальные прагматические / стратегии представлены неаргументативными шагами и реализуют риторическую цель коммуникативной ситуации критики. Выявлена и описана ошибка аргументации в виде ошибки экстраполяции, при которой отрицательное качество высказывания автора переносится на продукт его творчества и деятельности. При этом из обсуждения исключаются некоторые темы и смыслы.

В процессе отбора эмпирического материала выявлены ценности, претерпевающие в данный момент процесс трансформации, а именно — патриотизм, гражданственность, семья, человеческое достоинство, уважение другой культуры и др. Триггерное высказывание как апелляция к вопросу сохранения той или иной ценности, побуждает к участию в массовой дискуссии события, обсуждаемого в обществе. Анализ языкового материала показал, что общественность, не важно, российская или любого другого государства, радуется за сохранение духовно-нравственных ценностей. Все проанализированные примеры показывают, что императивы общества диктуются политическими событиями, способствуют поляризации общества, подвергаются непрямому воздействию со стороны заинтересованных сторон. Язык как живая система, в первую очередь отражает состояние общества и выявляет угрозы как для лингвосообщества, так и для человечества в целом.

Стратегический потенциал аргументации в непрототипической КС критики состоит в смещении фокуса со специальных прагматических стратегий критики на универсальные, что способствует решению текущего противоречия и создает базу для более конструктивного взаимодействия в будущем.

Перспективу исследования настоящей темы составляет вопрос изучения критики как коммуникативного действия с точки зрения конфликтно обусловленной коммуникации, выявление тактик регулирования коммуникативной ситуации критики. Перспектива практического развития темы состоит в разработке инструментария помогающих профессий модератора и фасилитатора. В свете современных разработок в науке о языке актуально дальнейшее исследование критических высказываний в целях интеграции в программы виртуальных ассистентов.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

КС критики — коммуникативная ситуация критики

АШ критики — аргументативный шаг критики

ТРК — тезис реактивной критики

ТДК — тезис дескриптивной критики

КО — культура отмены

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверькова, А. А. Критика как инструмент проявления власти в научном сообществе / А. А. Аверькова, А. В. Никишина, Н. Г. Баранец // Власть. – 2011. – № 10. – С. 77–79.
2. Алешинская, Е. В. Музыкальный критик как профессиональная культурно-языковая личность / Е. В. Алешинская // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2020. – Т. 17, № 1. – С. 178–181.
3. Андреева, И. В. Грамматическая категория отрицания и ее стилистические потенции в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. В. Андреева. – Москва, 1974. – 33 с.
4. Андреева, И. В. Опровержение в институциональном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. В. Андреева. – Воронеж, 2009. – 22 с.
5. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
6. Асмус, В. Ф. Логика / В. Ф. Асмус. – Москва : Либроком, 2010. – 400 с.
7. Афанасьева, Н. Культура отмены: как интернет следит за вашей репутацией/ Н.Афанасьева // Афиша Daily. – 2020. – 30 ноября. – URL: <https://daily.afisha.ru/brain/17861-kultura-otmeny-kak-internet-sledit-za-vashey-reputaciey> (дата обращения: 06.09.2023).
8. Бадью, А. Загадочное отношение философии и политики / А. Бадью ; перевод с французского Д. Кралечкина. – Москва : Ин-т общегуманитарных исследований, 2016. – 110 с.
9. Бадью, А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью (Фабьена Тарби) / А. Бадью. – Москва : Ин-т общегуманитарных исследований, 2013. – 192 с.
10. Балахонская, Л. В. Речевая агрессия в политических блогах радиостанции «Эхо Москвы» / Л. В. Балахонская, И. А. Быков // Вестник Санкт-

Петербургского университета. Язык и литература. – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 492–506.

11. Баранец, Н. Г. Научная критика в научном сообществе и ее значение для научной традиции / Н. Г. Баранец, А. Б. Веревкин // Симбирский научный вестник. – 2011. – № 2 (4). – С. 128–135.

12. Баранов, А. Н. Аргументация как языковой и когнитивный феномен / А. Н. Баранов // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – Москва : Наука, 1990. – С. 40–52.

13. Баранов, А. Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 84–99.

14. Баранов, А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / А. Н. Баранов. – Москва, 1990а. – 48 с.

15. Баребина, Н. С. Анализ девиантного узуса критики в дискурсивных новациях культуры отмены и woke-культуры / Н. С. Баребина, Г. М. Костюшкина. – DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(1).134-143. – EDN KRUGOF // Известия Байкальского государственного университета. – 2024. – Т. 34, № 1. – С. 134–143.

16. Баребина, Н. С. Аргументация критики в науке о языке (эколингвистический аспект) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Н. С. Баребина. – Иркутск, 2020. – 455 с.

17. Баребина, Н. С. Когнитивный механизм контраргументации в дискурсе медиации : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Баребина. – Иркутск, 2012. – 21 с.

18. Баребина, Н. С. Критика и контраргументация в лингвистической науке (приглашение к размышлению) / Н. С. Баребина. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2019. – 154 с.

19. Баребина, Н. С. Лингвистическая аргументология : учебное пособие / Н. С. Баребина ; науч. ред. Г. М. Костюшкина. – Иркутск : Оттиск, 2021. – 123 с.

20. Баребина, Н. С. Рациональность и риторичность предвыборного дискурса (на материале предвыборных дебатов США 2016 года) / Н. С. Баребина, В. А. Косяков // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. – № 1 (12). – С. 28–43.
21. Батулин, В. К. Логика : учебное пособие / В. К. Батулин. – Москва : ИНФРА-М, 2024. – 96 с.
22. Бах, Э. Неформальные лекции по формальной семантике / Э. Бах. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2010. – 219 с.
23. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — Москва : Советский писатель, 1963. – 363 с.
24. Берков, В. Ф. Логика : учебник / В. Ф. Берков, Я. С. Яскевич, В. И. Павлюкевич ; под ред. В. Ф. Беркова. – Минск : ТетраСистемс, 2012. – 414 с.
25. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн. – Москва : Э, 2018. – 552 с.
26. Бойко, А. В. Девиантологический потенциал «культуры отмены» / А. В. Бойко // Таврические студии. – 2021. – № 28. – С. 4–8.
27. Бокмельдер, Д. А. Обоснование разумных решений / Д. А. Бокмельдер. – Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2014. – 294 с.
28. Бокмельдер, Д. А. Так рассуждать нельзя! / Д. А. Бокмельдер. – Москва : Издательские решения, 2023. – 100 с.
29. Бондаревская, А. В. Невербальные эмоции в коммуникативной ситуации проявления интереса в английской художественной прозе / А. В. Бондаревская., Г. М. Костюшкина, Н. Н. Козлова // Язык и культура в глобальном мире. – Санкт-Петербург, 2023. – С. 37–41.
30. Бондаревская, А. В. Прототипический подход Концептуализация опыта в речевой коммуникации / А. В. Бондаревская // Концептуализация опыта в коммуникативной ситуации проявления интереса / под ред. Г. М. Костюшкиной. – Москва, 2023. – С. 83–76.

31. Борисова, И. Н. Речевое поведение личности в повседневном общении / И. Н. Борисова // Русское повседневное общение: прагматика, культурология / И. Н. Борисова, С. Ю. Данилов, Т. В. Матвеева [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2018. – С. 42–90.
32. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И. Н. Борисова. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2001. – 408 с.
33. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И. Н. Борисова. – Москва : URSS, 2019. – 318 с.
34. Бочарников, А. П. Событие – Это... События как фундаментальная основа для анализа сложных систем / А. П. Бочарников, С. В. Свешников. – Москва : Инфра-М, 2023. – 173 с.
35. Брюшинкин, В. Н. Системная модель аргументации для фрагмента философского текста / В. Н. Брюшинкин // Модели рассуждений - 1 : Логика и аргументация / под ред. В. Н. Брюшкина. – Калининград, 2007. – С. 126–144.
36. Быков, И. А. Культура отмены и персонификация политического дискурса / И. А. Быков, Ю. Ахмедова // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. – 2021. – Т. 1, № 1. – С. 15–26.
37. Вайсман, Д. Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме / Д. Вайсман. – Москва : Дело, 2022. – 304 с.
38. Васильев, Л. Г. Аргументация и ее понимание: Логико-лингвистический подход : монография / Л. Г. Васильев. – Калуга : Изд-во КГУ, 2014. – 331 с.
39. Васильев, Л. Г. Типы тезисов и контртезисов в аргументативном диалоге практического психолога и клиента / Л. Г. Васильев, М. С. Гринева // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2019. – Т. 29, № 3. – С. 408–417.
40. Ватцке, Э. Сравнение медиации и судебноправовой практики с точки зрения теории познания / Э. Ватцке // Медиация – искусство разрешать конфликты. – Москва, 2004. – С. 27–61.

41. Верхотурова, Т. Л. Когнитивная метакатегория «наблюдатель» в языке научной коммуникации / Т. Л. Верхотурова // Когнитивные исследования языка. – 2017. – № 29. – С. 561–565.
42. Верхотурова, Т. Л. Концептуализация наблюдателя в языкознании / Т. Л. Верхотурова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – Т. 4, № 1. – С. 14–22.
43. Верхотурова, Т. Л. Лингвофилософская природа категории «наблюдатель»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. / Т. Л. Верхотурова. – Иркутск, 2009. – 36 с.
44. Витгенштейн, Л. Философские работы. Ч. I / Л. Витгенштейн ; пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. – Москва : Гнозис, 1994. – 612 с.
45. Гальперин, П. Я. Введение в психологию / П. Я. Гальперин. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 150 с.
46. Гетманова, А. Д. Логика : учебник / А. Д. Гетманова. – 8-е изд. – Москва : Омега-Л, 2006. – 416 с.
47. Гольдин, В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи / В. Е. Гольдин // Жанры речи. – Саратов, 1997. – Вып. 1. – С. 23–34.
48. Горбунова, Л. И. Прототипическая ситуация: к вопросу о содержании термина и перспективах его использования / Л. И. Горбунова // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2010. – № 5 (45). – С. 256–362.
49. Горшенина, Н. М. Открытый вопрос: гайд по миру «новой этики» / Н. М. Горшенина, Ю. А. Слуцкая, К. Х. Тегаева. – Москва : НТУ ВШЭ, 2020. – 106 с.
50. Гриценко, В. П. Логика : учебное пособие / В. П. Гриценко. – Краснодар : Южный институт менеджмента, 2008. – 265 с.
51. Грядовой, Д. И. Логика. Общий курс формальной логики : учебник / Д. И. Грядовой. – 3-е изд., перераб и доп. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 327 с.

52. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз ; пер. с фр. М. М. Фуко. – Екатеринбург : Деловая книга, 1998. – 480 с.
53. Демьянков, В. З. Аргументирующий дискурс в общении / В. З. Демьянков // Речевое общение: Проблемы и перспективы. – Москва : ИНИОН, 1983. – С. 114–131.
54. Демьянков, В. З. Эффективность аргументации как речевого воздействия / В. З. Демьянков // Проблемы эффективности речевой коммуникации. – Москва : ИНИОН, 1989. – С. 13–40.
55. Добродомова, А. И. Репрезентация концепта «критика» в коммуникативной культуре английского и русского языков / А. И. Добродомова, М. В. Коротницкая // Наука 21 века: открытия, инновации, технологии : сб. науч. тр. – Смоленск, 2016. – С. 176–182.
56. Дорофеева, И. В. Общенаучный метод моделирования и специфика его применения / И. В. Дорофеева // Вестник Московского Института Лингвистики. – 2015. – № 2. – С. 42–44.
57. Драгалина-Черная, Е. Г. Онтология отрицания: присутствие отсутствия vs. отсутствие присутствия / Е. Г. Драгалина-Черная // Логический анализ языка. Ассерция и негация / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – Москва, 2009. – С. 25–34.
58. Дубинина, И. И. Новая социальная практика «культура отмены» - коммуникация насилия или противодействия насилию? / И. И. Дубинина // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2023. – № 1 (41). – С. 30–36.
59. Дубровская, О. Н. Об интерпретации понятий «событие» и «речевое событие» в лингвистике / О. Н. Дубровская // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2005. – № 5 (28). – С. 129–137.
60. Еемеерен, Ф. Х. ван. Речевые акты в аргументативных дискуссиях / Ф. Х. Еемеерен ван, Р. Гроотендорст ; под ред. А. П. Чахоян. – Санкт-Петербург : Нотабене, 1994. – С. 10–15.
61. Еемеерен, Ф. Х. ван. Систематическая теория аргументации: прагма-диалектический подход / Ф. Х. ван Еемеерен. – Москва : Канон+, 2021. – 264 с.

62. Еемерен, Ф. Х. ван. Современное состояние теории аргументации / Ф. Х. ван Еемерен // Важнейшие концепции теории аргументации / науч. ред. А. И. Мигунов ; пер. с англ. В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2006. – С. 14–34.
63. Желтухина, М. Р. Человек и его дискурс – 7: медиаобраз – гражданин – государство – культура / М. Р. Желтухина, Д. В. Парамонова, М. В. Бусыгина / Отв. ред. М.Р. Желтухина; ВГСПУ; ИЯ РАН. – Волгоград: ИЯ РАН; ООО «ПринТерра-Дизайн», 2023. – 250 с.
64. Жмакина, Т. В. Прагма-диалектическая концепция аргументации и модели политики / Т. В. Жмакина // Проблемы управления. – 2019. – № 1 (71). – С. 144–149.
65. Журова, А. В. Стратегии речевого маневрирования в контексте массовой речевой культуры : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Журова. – Омск, 2022. – 22 с.
66. Занадворова, А. В. О терминах «письменная разговорная речь» и «непринужденная письменная речь» / А. В. Занадворова // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2024. – № 3. – С. 86–96.
67. Зигварт, Х. Логика / Х. Зигварт. – Москва : Территория будущего, 2008. – Т. 1 : Учение о суждении, понятии и выводе. – 464 с.
68. Золян, С. Т. Юрий Лотман и социальная семиотика: К постановке проблемы / С. Т. Золян // Матице Српске за славистику = Matica Srpska Journal of Slavic Studies. – 2017. – Vol. 92. – P. 123–150.
69. Зюбина, И. Актуализация конфронтации в политическом дискурсе / И. Зюбина // Юрислингвистика. – 2023. – № 27 (38). – С. 118–123.
70. Ивин, А. А. Логика. Теория и практика : учебное пособие / А. А. Ивин. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2014. – 387 с.
71. Иглтон, Т. Теория литературы. Введение / Т. Иглтон. – Москва : Территория будущего, 2010. – 296 с.

72. Ирисханова, О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. – Москва : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
73. Ирисханова, О. К. Обмен экспертными знаниями как коммуникативное событие / О. К. Ирисханова, Ю. Б. Мотро // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 597. – С. 28–44.
74. Иссерс, О. С. Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени / О. С. Иссерс. – Омск : Изд-во Омского государственного ун-та, 2012. – 276 с.
75. Иссерс, О. С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге / О. С. Иссерс // Русский язык в научном освещении. – 2009. – № 2 (18). – С. 92–104.
76. Карасик, В. И. Языковая спираль. Ценности, знаки, мотивы : монография / В. И. Карасик. – Одесса : Гнозис. 2019. – 424 с.
77. Катасонов, В. Ю. Мир под гипнозом цифры, или Дорога в электронный концлагерь / В. Ю. Катасонов. – Москва : Библиотека РЭО им. С.Ф. Шарапова, 2018. – 419 с.
78. Кин, Д. Демократия и декаданс медиа / Д. Кин. – Москва : Высшая школа экономики, 2015. – 312 с.
79. Киосе, М. И. Теории конструирования события в когнитивной семантике и их экспериментальная верификация / М. И. Киосе // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 3 (50). – С. 59–65.
80. Кириллов, В. И. Логика : учебник / В. И. Кириллов, А. А. Старченко ; под. ред. В. И. Кириллова. – Изд. 6-е, перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2008. – 240 с.
81. Кириллов, В. И. Логика : учебник / В. И. Кириллов. – 3-е изд., стер. – Москва : Норма, 2023. – 240 с.

82. Киселева, А. Э. Cancel culture и институт репутации в России / А. Э. Киселева, А. В. Муромская // Молодой ученый. – 2020. – № 48 (338). – С. 585–588.

83. Колмогорова, А. В. Взаимодействие «автор-рецензент» как сфера реализации распределенной когниции / А. В. Колмогорова // *Studia linguistica cognitiva*. – Москва : Наука, 2013. – Вып. 3: Когнитивная динамика в языковых взаимодействиях. – С. 240–260.

84. Контраргументация в дискурсе медиации / Н. С. Баребина, Г. М. Костюшкина, А. В. Колмогорова [и др.] / под ред. Г. М. Костюшкиной // Концептуальная систематика аргументации. – Москва, 2016. – С. 170–264.

85. Корнакова, Е. В. Лицензирующие свойства отрицания в русском языке / Е. В. Корнакова, Е. А. Лютикова, П. В. Гращенко // *Rhema=Рема*. – 2016. – № 4. – С. 58–82.

86. Космодемьянская, В. И. Агрессия в политическом дискурсе как институализированный вид речевой конфронтации / В. И. Космодемьянская, М. В. Лисенко, М. В. Малыгина // *Политическая лингвистика*. – 2024. – № 3 (105). – С. 60–64.

87. Косова, О. А. Конфликтогенное общение в рамках коммуникативной ситуации отчуждения: коммуникативно-стратегический подход / О. А. Косова // Проблематика и перспективы современных лингвистических исследований. – Уссурийск, 2013. – С. 64–77.

88. Костюшкина, Г. М. Аргументация и концептуальная систематика речи и речевой деятельности / Г. М. Костюшкина // Концептуальная систематика аргументации / Г. М. Костюшкина, А. В. Колмогорова, Н. С. Баребина [и др.]. – Москва, 2016. – С. 10–69.

89. Кравченко, А. В. Информационные технологии и когнитивное развитие: взгляд с эволюционных позиций / А. В. Кравченко // *Вопросы психолингвистики*. – 2019. – № 4 (42). – С. 76–91.

90. Кравченко, А. В. Биологическая реальность языка / А. В. Кравченко // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2013. – № 1 (34). – С. 55–63.

91. Кравченко, А. В. От языкового мифа к биологической реальности: Переосмысляя познавательные установки языкознания. – Изд. 2-е, испр. / А. В. Кравченко. – Москва : ЛЕНАНД, 2021. – 304 с.
92. Крапивкина, О. А. Теоретическое моделирование судебных дискурсивных практик : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / О. А. Крапивкина. – Кемерово, 2019. – 393 с.
93. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2002. – 284 с.
94. Ксенофонтов, В. Н. Логика : учеб-метод. пособие / В. Н. Ксенофонтов. – Москва : Изд-во РАГС, 2006. – 92 с.
95. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – Москва : Знак, 2012. – 208 с.
96. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
97. Кузнецов, А. В. Письменная разговорная речь в онлайн-коммуникации / А. В. Кузнецов // Молодой ученый. – 2011. – Т. 2, № 3 (26). – С. 24–26.
98. Кузьмина, Т. Н. Коммуникативная категория категоричности: прототипический и стратегический аспекты теория языка : автореф. ... дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. Н. Кузьмина. – Майкоп, 2019. – 20 с.
99. Кунаева, Н. В. Дискурсивный анализ высказываний в ситуации возражения (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. В. Кунаева. – Воронеж, 2009. – 24 с.
100. Кунина, Ю. В. Реализация прагматических стратегий англоязычных сетевых pr-текстов / Ю. В. Кунина // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 4. – С. 135–140.
101. Курских, О. В. Языковые средства выражения категории «точка зрения» в современном французском нарративном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. В. Курских. – Воронеж, 2013. 22 с.

102. Кустова, Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений / Г. И. Кустова // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 85–109.
103. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф. – Москва : ЛКИ, 2008. – 256 с.
104. Ланина, Т. Н. Концептуализация опыта в категоричном коммуникативном акте: Прототипический и стратегический аспекты / Т. Н. Ланина // Концептуализация опыта в речевой коммуникации / Г. М. Костюшкина, Н. А. Свердлова, Н. С. Барбина [и др.]. – Москва, 2023. – С. 236–340.
105. Лацис, Ю. Л. Критический рационализм К. Поппера в социально-философском познании / Ю. Л. Лацис, Е. Егоренкова // Web of Scholar. – 2016. – № 3 (3). – С. 4–10.
106. Левинтов, А. Е. Критика / А. Е. Левинтов // Методология научных исследований : материалы науч. семинара. – Ярославль, 2021. – Вып. 2. – С. 10–19.
107. Ли, Е. В. Диалектическое взаимодействие универсальных и этнокультурных стратегий аргументации в политическом дискурсе: на материале русского и корейского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Ли. – Иркутск, 2011. – 21 с.
108. Лисанюк, Е. Н. Логико-когнитивная теория аргументации : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.07 / Е. Н. Лисанюк. – Москва, 2016. – 50 с.
109. Лисанюк, Е. Н. Три взгляда на критику и поддержку в оценке аргументов. Дискурс / Е. Н. Лисанюк. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 5–16.
110. Лисанюк, Е.Н. Аргументация и риск / Е. Н. Лисанюк, Н. В. Перова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 59. – С. 278–289.
111. Лотман, Ю. М. О проблеме значений во вторичных моделирующих системах / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1981. – Вып. 11. – С. 22–37.

112. Лотман, Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. – Тарту, 1977. – Вып. 411. – С. 65–69.
113. Лотман, Ю. М. Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. / Ю. М. Лотман // Культурное наследие древней Руси: Истоки. Становление. Традиции / В. Г. Базанов. – Москва : Наука, 1976. – С. 292–297.
114. Майданов, А. С. Методология научного творчества / А. С. Майданов. – Москва : URSS, 2019. – 512 с.
115. Майорова, Е. В. культура отмены: можно ли отменить язык? / Е. В. Майорова // Этнопсихоллингвистика. – 2022. – № 2 (9). – С. 78–84.
116. Малинович, М. В. Ассерция. Негация. Причинность: взаимодействие категорий / М. В. Малинович, Ю. М. Малинович // Логический анализ языка. Ассерция и негация / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – Москва : Индрик, 2009. – С. 34–44.
117. Малыхина, Г. И. Логика : учебник / Г. И. Малыхина. – 2-е изд. – Минск : Высшая школа, 2023. – 384 с.
118. Медведева, А. В. Коммуникативные стратегии и тактики при выражении критического суждения в английской лингвокультуре (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Медведева. – Уфа, 2015. – 24 с.
119. Медведева, А. В. Содержательная емкость понятия "критика" в англоязычной коммуникации (на материале современного английского языка) / А. В. Медведева // Вестник Башкирского университета. – 2011. – Т. 16, № 2. – С. 436–440.
120. Мелина, А. Ю. О возможности влияния на процессы «культуры отмены» при помощи лингвистических средств / А. Ю. Мелина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2023. – Вып. 8 (876). – С. 59–65.
121. Мертон, Р. Наука и социальный порядок / Р. Мертон // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т. II, вып. 2. – С. 151–168.

122. Михайлова, И. Д. Функции критики и типы критиков (размышления по прочтении работы А. Е. Левинтова «критика») / И. Д. Михайлова // Методология научных исследований. материалы научного семинара. Серия «Библиотека Мастерской оргдеятельностных технологий МГПУ». – Ярославль, 2021. – Вып. 2. – С. 19–26.
123. Моногарова, А. Г. Современный англоязычный дискурс медиации: терминологическая составляющая и система прагматических стратегий : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. Г. Моногарова. – Пятигорск, 2017. – 30 с.
124. Мордовин, А. Ю. Современная прагма-диалектическая теория аргументации : учебное пособие / А. Ю. Мордовин. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2004. – 68 с.
125. Мотро, Ю. Б. Когнитивно-прагматические факторы реализации специальных лексических значений в дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. Б. Мотро. – Москва, 2010. – 29 с.
126. Муравлева, В. Р. Прагмалингвистические особенности коммуникативной ситуации «информационная война» (на материале печатных текстов СМИ) / В. Р. Муравлева : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Москва, 2021. 24 с.
127. Новикова, Н. В. Грани языковой личности критика (на материале выступлений Р.В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы») / Н. В. Новикова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2007. – Т. 7, № 1. – С. 35–40.
128. Объективный генитив при отрицании в русском языке / под ред. Е. В. Рахилиной. – Москва : Пробел, 2008. – 176 с.
129. Орsoева А. А. Конструирование противоречия как способ достижения аттрактивности дискурса коммуникативного события / А. А. Орsoева // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 2 (33). – С. 118–127.

130. Остин, Д. Избранное / Д. Остин ; пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. – Москва : Идея-Пресс, 1999. – 332 с.
131. Падучева, Е. В. Родительный субъект в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 1997. – № 2. – С. 101–116.
132. Петрова, М. В. Речевая контрманипуляция в русскоязычных политических видеоблогах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. В. Петрова. – Красноярск, 2020. – 151 с.
133. Пилюгина, Е. В. Природа феномена «событие» в призме концепции Жюлья Делёза / Е. В. Пилюгина // Studia Humanitatis. – 2015. – № 4. – URL: <https://journals.indexcopernicus.com/api/file/viewrByField/152460.pdf>. (дата обращения: 21.04.2024).
134. Пинкер, С. Рациональность. Что это, почему нам ее не хватает и чем она важна / С. Пинкер. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2023. – 386 с.
135. Поппер, К. Р. Объективное знание: Эволюционный подход / К. Р. Поппер. – Москва : USSR, 2022. – 384 с.
136. Прокуденко, Н. А. Речевой конфликт как коммуникативное событие / Н. А. Прокуденко // Юрислингвистика. – 2010. – № 10 (10). – С. 130–134.
137. Пром, Н. А. Фактоид vs фейк: идентификация и модели анализа / Н. А. Пром // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 142–152.
138. Пром, Н. А. Фактуализация реальности в медиадискурсе: характеристики, типы, способы выражения : автореф. дис. ... д-ра филол. Наук : 10.02.19 / Н. А. Пром. – Москва, 2020. – 40 с.
139. Пучкова, Е. В. Аргументативно-лингвистический анализ дискурса опровержения : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Пучкова. – Калуга, 2006. – 203 с.
140. Рагозина, И. Ф. Отрицание и опровержение Ассерция. Негация. Причинность: взаимодействие категорий / И. Ф. Рагозина // Логический анализ

языка. Ассерция и негация / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – Москва : Индрик, 2009. – С. 75–89.

141. Ремизов, П. В. Критика как форма правовой аргументации / П. В. Ремизов // Философия права. – 2009. – № 3 (34). – С. 81–86.

142. Роднова, М. А. Коммуникативная ситуация публичного взаимодействия в интеллект-шоу «Умницы и умники» / М. А. Роднова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, вып. 5. – С. 152–156.

143. Розанов, А. В. Механизмы функционирования культуры отмены в СМИ / А. В. Розанов, О. С. Полунина // Вестник науки. – 2023. – Т. 4, № 5 (62). – С. 668–673.

144. Розенфельд, М. Я. Речевое воздействие. Практикум / М. Я. Розенфельд, И. А. Стернин. – Воронеж : РИТМ, 2018. – 100 с.

145. Рохвадзе, Р. Ф. Лингвистический статус категории fact в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Р. Ф. Рохвадзе. – Уфа, 2015. – 23 с.

146. Руженцева, Н. Б. Точка зрения в публицистическом дискурсе: речевое представление и аксиологическое содержание / Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2022. – № 3 (93). – С. 12–19.

147. Санников, В. З. Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис / В. З. Санников. – Москва : Наука, 1989. – 266 с.

148. Сафина, Р. А. Стратегии речевого воздействия в предвыборных выступлениях австрийских политиков / Р. А. Сафина, Я. Р. Чернова // Политическая лингвистика. – 2017. – № 5 (65). – С. 147–151.

149. Светлов В. А. Логика : учебное пособие / В. А. Светлов. – Москва : Логос, 2020. – 432 с.

150. Селиверстова, О. Н. Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.

151. Семенова, О. Ф. Культура отмены в системе лингвистических координат / О. Ф. Семенова // Культура отмены в системе лингвистических

координат. // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2024. – № 2 (46). – С.72–82.

152. Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации: теория и практика. – Москва : Изд-во МГЛУ, 2013. – Ч. 2. – 264 с.

153. Семкова, А. В. Категоризация прототипической ситуации желания (на материале английского языка) / А. В. Семкова, Е. М. Агеенко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 1 (447). – С. 146–152.

154. Сидорова, Н. А. Коммуникативное событие как базовая категория диалогического дискурса / Н. А. Сидорова, А. А. Смерчинская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12-2 (78). – С. 141–144.

155. Смолененкова, В. В. Основы риторической критики : учебное пособие / В. В. Смолененкова. – Москва : Инфра-М, 2024. – 192 с.

156. Смолина, О. А. Критерии дифференциации коммуникативного события и коммуникативной ситуации / О. А. Смолина // Сборник научных трудов Ангарского государственного технического университета. – 2008. – Т. 1, № 1. – С. 107–110.

157. Сороколетова, Н. Ю. Поздравление как коммуникативное событие политического дискурса / Н. Ю. Сороколетова // События в коммуникации и когнициии : материалы Международной научной конференции. – Москва, 2016. – 175 с.

158. Социокультурное измерение «культуры отмены» как феномена XXI века / Г. Л. Акопов, Э. Г. Арутюнян, Л. П. Громова, Д. В. Петросян. – DOI 10.25136/2409-8698.2024.7.71219. – EDN YDOESS // Litera. – 2024. – № 7.– URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71219 (дата обращения: 05.04.2025).

159. Стернин, И. А. Основы речевого воздействия / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2012. – 178 с.

160. Стернин, И. А. Законы общения: серия «Дидактический материал» / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1997. – 17 с.

161. Субботина, М. В. Культура отмены: проявление социальной справедливости или новый инструмент манипуляции / М. В. Субботина // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 3. – С. 34–37.
162. Сысоев, Г. Д. Логика : учебно-методическое пособие / Г. Д. Сысоев. – Воронеж : Изд-во ВГПУ, 2022. – 116 с.
163. Тарутин, Н. В. Социальное познание с позиции критического рационализма / Н. В. Тарутин. // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 42. – С. 1025–1028.
164. Топка, Л. В. Ситуация «пожелание»: прототипические и непрототипические единицы категоризации / Л. В. Топка // Язык и культура. – 2013. – № 7. – С. 245–252.
165. Труб, В. М. Противопоставительная структура как средство семантической интерпретации отрицания / В. М. Труб // Восток-Запад: Вторая Международная конференция по модели «Смысл ↔ Текст». – Москва, 2005. – С. 486–497.
166. Труфанов, Д. О. Рациональность как фундаментальная характеристика социальных систем. Постнеклассический (универсумный) подход : монография / Д. О. Труфанов. – Красноярск : СФУ, 2013. – 122 с.
167. Тульчинский, Г. Л. Расширение возможностей семиотического анализа: источники и содержание концепции «глубокой семиотики» / Г. Л. Тульчинский // Вопросы философии. – 2019. – № 11. – С. 115–125.
168. Тульчинский, Г. Л. Междисциплинарный потенциал социальной семиотики и антропология цифровизации / Г. Л. Тульчинский // Социальная семиотика: точки роста / под ред. Г. Л. Тульчинского. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 12–17.
169. Туфанова, Ю. В. Функциональные особенности лингвистической вежливости в коммуникативной ситуации извинения / Ю. В. Туфанова // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2014. – № 2 (85). – С. 316–321.

170. Урысон, Е. В. Русский союз и частица «и»: структура значения / Е. В. Урысон / Вопросы языкознания. – 2000. – № 3. – С. 64–82.
171. Успенский, Б. А. Семиотика искусства / Б. А. Успенский. – Москва : Языки русской культуры, 1995. – 360 с.
172. Фефелов, А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» / А. Ф. Фефелов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – Т. 20, № 1. – С. 126–144.
173. Фещенко, Л. Г. Чужая речь / Л. Г. Фещенко. – СанктПетербург : [б. и.], 2004. – 60 с.
174. Финн, В. К. Интеллект, информационное общество, гуманитарное знание и образование: понятийные и логические основания искусственного интеллекта / В. К. Финн. – Москва : URSS, 2023. – 464 с.
175. Формановская, Н. И. Научная судьба обиходно-бытового стиля речи / Н.И. Формановская // Русская речь. – 2014. – Вып. 1. – С. 52–55.
176. Холкин, Д. В. Люди цифры. Шесть взглядов на новую энергетику / Д. В. Холкин. – Москва : Издательские решения, 2020. – 194 с.
177. Хомелев, В. Г. Философские основания научной теории критики : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01 / В. Г. Хомелев. – Санкт-Петербург, 2004. – 40 с.
178. Хоутлоссер, П. Точки зрения / П. Ф. Хоутлоссер // Важнейшие концепции теории аргументации / Х. ван Еемерен ; науч. ред. А. И. Мигунов. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2006. – С. 34–64.
179. Чапаева, Е. О. Коммуникативная ситуация возмущения / Е. О. Чапаева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – № 11. – С. 128–131.
180. Чернышенко, А. Г. Современный англоязычный дискурс медиации: основные прагматические стратегии и тактики коммуникантов /

- А. Г. Чернышенко // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвузовский сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Пастухов. – Орел, 2014. – С. 139–150.
181. Чугров, С. В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни / С. В. Чугров // Полис. – 2022. – № 5. – С. 88–98.
182. Чуешов, В. И. Основы современной логики / В. И. Чуешов. – Минск : Новое знание, 2003. – 207 с.
183. Шейгал, Е. И. Игровой дискурс: игра как коммуникативное событие / Е. И. Шейгал, Ю. М. Иванова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2008. – Т. 67, № 1. – С. 3–20.
184. Шипунова, О. Д. Логика и теория аргументации / О. Д. Шипунова. – Москва : Гардарики, 2005. – 270 с.
185. Шпомер, Е. А. Принцип критики в коммуникативном поведении к проблеме соотношения коммуникативных законов и типологии языковых личностей коммуникантов / Е. А. Шпомер // Вестник Военного университета. – 2011. – № 1 (25). – С. 45–49.
186. Шубина, А. А. Концептуализация свойства в категориальной ситуации в научном тексте / А. А. Шубина : автореф. ... дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Улан-Удэ, 2022. – 22 с.
187. Шубина, А. А. Концептуализация свойства в категориальной ситуации в научном тексте / А. А. Шубина // Концептуализация опыта в речевой коммуникации : коллективная монография / Г. М. Костюшкина, Н. А. Свердлова, Н. С. Баребина [и др.] ; науч. ред. Г. М. Костюшкина. – Москва, 2023. – С. 474–598.
188. Шустова, С. В. Новая лексика в дискурсивной практике «культуры отмены» / С. В. Шустова, А. А. Шипицин // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 203–217.
189. Щедровицкий, Г. П. Понимание, рефлексия и мышление / Г. П. Щедровицкий // Мышление – Понимание – Рефлексия. – Москва, 2005. – С. 315–340.

190. Щедровицкий, Г. П. Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание / Г. П. Щедровицкий // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. – 1986. – С. 245–279.
191. Якоба, И. А. Борьба аксиологических аттракторов медийного дискурса в период пандемии коронавируса (2020-2021 гг.) / И. А. Якоба // Коммуникативные исследования. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 192–206.
192. Яшин, Б. Л. Логика : учебное пособие / Б. Л. Яшин. – 2-е изд., стер. – Москва : Директ-Медиа, 2019. – 165 с.
193. Apothéloz, D. The function of negation in argumentation / D. Apothéloz, P.-Y. Brandt, G. Quiroz // Journal of Pragmatics. – 1993. – No. 19. – P. 23–38.
194. Brockriede, W. E. «Where is argument?» / W. E. Brockriede // Journal of the American Forensic Association. – 1975. – No. 11. – P. 179–182.
195. Cabrera, J. Introduction to a Negative Approach to Argumentation: Towards a new Ethic for Philosophical Debate / J. Cabrera. – Cambridge : Cambridge Scholar Publishing, 2019. – 205 p.
196. Castelfranchi, C. The Role of Beliefs in Goal Dynamics: Prolegomena to a Constructive Theory of Intentions / C. Castelfranchi, F. Paglieri // Synthese. – 2007. – No. 155. – P. 237–263.
197. Clark, M. Drag Them: A brief etymology of so-called «cancel culture» / M. Clark // Communication and the Public. – 2020. – No. 5. – P. 88–92.
198. Conductive arguments // Dictionnaire de l'argumentation. – URL: <http://icar.cnrs.fr/dicoplantin/conductive-argument-e/>. (дата обращения: 18.09.2024).
199. Dorrian, M. Criticism, negation, action / M. Dorrian // The Journal of Architecture. – 2005. – Vol. 10, no. 3. – P. 229–233.
200. Doury, M. Evaluating analogy. Toward a descriptive approach to argumentative norms. // Considering pragma-dialectics. A festschrift for F. H. van Eemeren on the occasion of his 60th birthday / Eds.: P. Houtlosser, A. van Rees. – London : Lawrence Erlbaum, 2006. – P. 35–49.
201. Eemeren, F. H. van. The Pragma-Dialectical Theory of Argumentation // Handbook of Argumentation Theory / F. H. van Eemeren, B. Garssen,

E. C. W. Krabbe, F. A. Snoeck, Henkemans, B. Verheij, J. H. M. Wagemans. – Amsterdam : Springer, 2014. – P. 517–613.

202. Eemeren, F. H. van. Argumentation, communication, and fallacies : A pragma-dialectical perspective / F. H. van Eemeren, R. Grootendorst. – Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1992. – 235 p.

203. Eemeren, F. H. van. Strategic Maneuvering in Argumentative Discourse: Extending the pragmadialectical theory of argumentation / F. H. van Eemeren // Argumentation in Context. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2010. – 308 p.

204. Eemeren, F. H. van. Strategic Maneuvering in Argumentative Discourse: Extending the pragmadialectical theory of argumentation / F. H. van Eemeren // Argumentation in Context. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2010. – 308 p.

205. Finocchiaro, M. Arguments about Arguments : Systematic, Critical, and Historical Essays in Logical Theory / M. Finocchiaro. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 467 p.

206. Cooper, W. S. Foundations of Logico-Linguistics / W. S. Cooper // A Unified Theory of Information, Language, and Logic. – Boston : Springer, 1978. – 266 p.

207. Gabbay, D. Non-cooperation in dialogue logic / D. Gabbay, J. Woods // Synthese. – 2001. – Vol. 127. – P. 163–164.

208. Gomelauri, A. The culture of cancellation: can the state counteract ostracism? / A. Gomelauri // Современные вызовы и угрозы национальной безопасности : сборник науч. тр. по материалам VIII Международной научно-практической конференции. – Курск, 2023. – С. 13–16.

209. Haegeman, L. The syntax of negation / L. Haegeman // The genitive of negation in Russian. Language and Linguistics Compass / S. Harves. – 2013. – Vol. 7. – No. 12. – P. 647–662.

210. Halliday, M. A. K. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning* / M. A. K. Halliday. – Baltimore : University Park Press, 1978. – 256 p.

211. Halliday, M. A. K. *Language as Social Semiotics: Towards a General Sociolinguistic Theory* / M. A. K. Halliday // *Collected works* / ed. J. Jonathan Webster. – 2009. – Vol. 10. – P. 169–203.

212. Hayek, F. A. *Kinds of Rationalism. The Market and Other Orders* / F. A. Hayek. – Chicago : The University of Chicago Press, 2014. – P. 39–53.

213. Healey, P. *Argumentation, rational disagreement, and the rhetorical constitution of objectivity* / P. Healey // *Proceedings of the Third ISSA Conference on Argumentation* / ed. F. H. Eemeren van [et al.] – Amsterdam, 1994. – Vol. 1. – P. 63–71.

214. Hodge, R. *Social Semiotics* / R. Hodge, G. Kress. – Ithaca : Cornell University Press, 1988. – 280 p.

215. Johnstone, H. W. *Some Reflections on Argumentation* / H. W. Johnstone // *Logique et Analyse*. – 1963. – Vol. 6, no. 21. – P. 30–39.

216. Kopnina, G. A. *Trigger statements as an object of linguistic research: the problem of definition and its identification criteria* / G. A. Kopnina, A. N. Rowe (Zabrodina), G. A. Tsaturyan // *Journal of Siberian Federal University. Humanities Sciences*. – 2024. – Vol. 17 (5). – P. 916–925.

217. Kornienko, A. V. *Speech aggression in the statements of the authorities (based on the materials of the “Word of the Year” contests)* / A. V. Kornienko // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2022. – No. 4. – P. 143–159.

218. Krabbe, E. C. W. *Logic and games* / E. C. W. Krabbe // *Considering pragma-dialectics: A festschrift for Frans H. van Eemeren on the occasion of his 60th birthday* / ed. P. Houtlosser, A. van Rees. – London, 2006. – P. 185–198.

219. Ladusaw, W. *Negation and polarity items* / W. Ladusaw // *The Handbook of Contemporary Semantic Theory* / ed. S. Lappin. – Malden, 1996. – P. 321–341.

220. Laka, I. *Negation in syntax: On the nature of functional categories and projections* / I. Laka. – Cambridge, 1990.

221. Liu, Jiarui Cancel culture: An Interdisciplinary Analysis from Mindsets to Social Practices / Jiarui Liu, Zhi-Qiang Su // *Advances in Education, Humanities and Social Science Research*. – 2023. – P. 324 – 330.
222. Muntigl, P. Conversational structure and facework in arguing / P. Muntigl, W. Turnbull // *Journal of pragmatics*. – 1998. – No. 29. – P. 225–256.
223. Novaes, D. Dialectic and logic in Aristotle and his tradition / D. Novaes, M. Duncombe // *History and Philosophy of Logic*, 2016. – No. 37, iss. 18. – P. 115– 123.
224. O’Keefe, D. *Persuasion: Theory and Research* / D. O’Keefe. – Newbury Park, CA : Sage, 1990. – 270 p.
225. Oswald, S. Argumentation and Cognition: Can Pragma-Dialectics Interplay with Pragma-Semantics? / S. Oswald // *Critical Approaches to Discourse Analysis Across Disciplines CADAAD*. – 2007. – Vol. 1, iss. 1. – P. 148–155.
226. Paglieri, F. *Ruinous Arguments: Escalation of Disagreement and the Dangers of Arguing in Argument Cultures* / F. Paglieri // *Proceedings of OSSA*, 2009. – CD-ROM.
227. Paglieri, F. Why argue? Towards a cost-benefit analysis of argumentation / F. Paglieri, C. Castelfranchi // *Argument and Computation*. – 2010. – Vol. 1, no. 1. – P. 71–91.
228. Peeters, B. On Linguoculturology and Cultural Linguistics / B. Peeters // *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. – 2019. – Vol. 17, no. 4. – P. 6–11.
229. Perelman, Ch. *The New Rhetoric. A treatise on Argumentation* / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. – London : University of Notre Dame Press, 1969. – 566 p.
230. Popper, K. *The logic of scientific discovery* / K. Popper. – London : Psychology Press, 1960. – 513 p.
231. Quiroz, G. How counter-argumentation works / G. Quiroz, D. Apotheloz, P.- Y. Brandt // *Argumentation Illuminated* / ed. F. H. van Eemeren [et al.]. – Amsterdam, 1992. – P. 172–177.

232. Reinbothe, R. Deutsch als internationale Wissenschaftssprache und der Boykott nach dem Ersten Weltkrieg / R. Reinbothe. – Frankfurt am Mein : De Gruyter, 2019. – 628 s.
233. Righter, W. Logic and Criticism / W. Righter. – London : Routledge&Kegan Paul, 1963. – 148 p.
234. Rosch, E. Basic Objects in Natural Categories / E. Rosch [et al.] // Cognitive Psychology. – 1976. – No. 8. – P. 382–436.
235. Rotolo, A. Cancel Culture in Academia: Social Media Self-Presentation in the Context of Imagined Surveillance : Doct. Diss. / A. Rotolo. – Grand Canyon University ProQuest Dissertations Publishing, 2022. – 522 p.
236. Rutledge, P. B. Cancel Culture: Accountability or Bullying / P. B. Rutledge // Psychology Today. – 2021. – Vol. 3. – P. 5–14.
237. Schiffrin, D. The Management of a Co-operative Self during Argument: The Role of Opinions and Stories // Conflict Talk / ed. A. D. Grimshaw. – New York : Cambridge University Press, 1990. – P. 241–259.
238. Semenova, O. F. Cancel culture – the speech behavior of modern society / O. F. Semenova // Review of Business and Economics Studies. – 2023. – Vol. 11, iss. 1. – P. 13–18.
239. Snoeck Henkemans, A. F. Complex argumentation in a critical discussion / A. F. Snoeck Henkemans // Argumentation. – 2003. – Vol. 17, no. 4. – P. 405–419.
240. Snoeck Henkemans, A. F. Speech Act Theory and the Study of Argumentation / F. Snoeck Henkemans // Studies in Logic. – 2014. – Vol. 36, no. 1. – P. 41–58.
241. Verhagen, A. Construal and perspectivization / A. Verhagen // The Oxford handbook of cognitive linguistics / ed. D. Geeraerts, H. Cuyckens. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – P. 48–81.
242. Vogels, E. A. Survey of U.S. adults ‘Americans and Cancel Culture’: Where Some See Calls for Accountability, Others See Censorship, Punishment / E. A. Vogels, M. Anderson, M. Porteus // Pew Research Center. Feature. – 2021. – May 19. – URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2021/05/19/americans-and->

cancel-culture-where-some-see-calls-for-accountability-others-see-censorship-punishment/ (дата обращения: 18.09.2024).

243. Walton, D. Media argumentation: Dialectic, persuasion and rhetoric / D. Walton. – Cambridge : Cambridge University Press. 2007. – 406 p.

244. Walton, D. Types of Dialogue, Dialectical Shifts and Fallacies / D. Walton // Argumentation Illuminated / ed. F. H. van Eemeren [et al.]. – Amsterdam, 1992. – P. 133–147.

245. Yamada T. Acts of Promising in Dynamified Deontic Logic / T. Yamada // New Frontiers in Artificial Intelligence. Lecture Notes in Computer Science. – 2008. – Vol. 4914. – P 95–108.

Словари, энциклопедии, справочные издания

246. Большая советская энциклопедия. В 30 т. – 3-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1969–1986.

247. Большой толковый словарь русского языка онлайн. – URL: <https://gramota.ru> (дата обращения: 26.11.2023).

248. Большой энциклопедический словарь / ред. А. П. Горкин. – Изд-е 2-е, перераб. и доп. – Санкт-Петербург : Большая Российская энциклопедия : Норинт, 2002. – 1456 с.

249. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева; редкол. Н. Д. Арутюнова – Москва : Советская энциклопедия. 1990. – 688 с.

250. Литературная энциклопедия онлайн. – URL: https://gufo.me/dict/literary_encyclopedia (дата обращения: 26.11.2023).

251. Онлайн словарь английского языка. – URL: <https://www.dictionary.com>. (дата обращения: 26.09.2023).

252. Словарь русской идиоматики онлайн. – URL: <https://gufo.me/dict/idiomatic> (дата обращения: 26.11.2023).

253. Толковый словарь Даля онлайн. – URL: <https://slovar.cc/rus/dal/551464.html> (дата обращения: 26.09.2023).

254. Толковый словарь живого великорусского языка. – URL: <https://slovardalja.net/> (дата обращения: 01.12.2023).

255. Толковый словарь русского языка : около 700 слов. ст. ; свыше 6000 значений / Д. Н. Ахапкин [и др.] ; под ред. Д. В. Дмитриева. – Москва : Астрель, 2003. – 782 с.
256. Толковый словарь Ушакова онлайн. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 1.12.2023).
257. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский [и др.]. – Москва : ИНФРА-М, 2009. – 569 с.
258. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cancel-culture> (дата обращения: 23.08.2024).
259. Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus // Cambridge Dictionaries Online. – 2024. – URL: <http://https://dictionary.cambridge.org/ru/thesaurus/critique> (дата обращения: 22.06.2024).
260. Collins Online Dictionary. – URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 01.12.2023).
261. Longman Dictionary of Contemporary English online. – URL: <https://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 01.12.2023).
262. Merriam-Webster Dictionary. – URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 01.12.2023).
263. The Britannica Dictionary online. – URL: <https://www.britannica.com/dictionary/critique> (дата обращения: 01.12.202).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

- (1–3) Castelfranchi, C. The Role of Beliefs in Goal Dynamics: Prolegomena to a Constructive Theory of Intentions / C. Castelfranchi, F. Paglieri // *Synthese*. – 2007. – No. 155. – 263pp.
- (4) Власти Италии назвали цензурой отмену концертов Мацуева // *Classical Music News.ru* 13.02.2023 <https://www.classicalmusicnews.ru/news/vlasti-italii-nazvali-cenzuroj-otmenu-koncertov-maczueva/>
- (5) Татьяна Савельева. Москвичи обсуждают «Столицу» // «Столица», 1997.05.13 НКРЯ
- (6) Копия электронной переписки по поводу версии докторской диссертации В. О. Мантурова от мая 2007 года <https://mccme.ru/circles/oim/home/manturov.pdf> (дата обращения 16.09.2023)
- (7) Пархоменко оскорбительно высказался о погибшей докторе Лизе // *Взгляд.ru*. – 30 ноября 2018. URL: <https://vz.ru/news/2018/11/30/953231.html> (дата обращения 16.09.2024).
- (8–16) Примеры из текстов Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) по состоянию на (10.11.2024).
- (17) Злобин А. Владельцы торговых центров в Китае начали закрывать магазины H&M из-за бойкота // *Forbes*. 27 марта 2021. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/424707-vladelcy-torgovyh-centrov-v-kitae-nachali-zakryvat-magaziny-hm-iz-za-boykota>
- (18) «ИИ – возможности или угроза?» // Передача «Большие дебаты». Телеканал Эврика HD URL: <http://eurekahtv.tv/> URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QhruMXshUFs>
- (19) Чехов А. П. Критик // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982. Т. 6. [Рассказы], 1887. – М.: Наука, 1976. – С. 173–178.
- (20) Gardner A. A Complete Breakdown of the J.K. Rowling Transgender-Comments Controversy // *Glamour*. September, 3, 2023. – URL:

<https://www.glamour.com/story/a-complete-breakdown-of-the-jk-rowling-transgender-comments-controversy>

Приложение 1. Материалы КС критики в «практике “отмены”»

Коммуникативная ситуация «Снос памятников советским воинам»

Краткий контекст: На своем канале в социальных сетях певица Лайма Вайкуле негативно высказывалась об исторической памяти в виде памятников, она считает, что Россия «приватизировала» День Победы и русский язык. Певицу осудили за слова о сносе памятников советским солдатам. Заявления певицы повлекли массу комментариев, осуждающих такое поведение некогда любимой в стране певицы. Критика со стороны общественности направлена на высказывания певицы и носит характер осуждения и упрека.

Ресурсы:

1. Белорусцева А. В МИД России назвали варварством высказывания Лаймы Вайкуле о памятниках советским воинам // Российская газета. 23.04.2023. URL: <https://rg.ru/2023/04/23/kogda-otkazala-pamiat.html> (дата обращения 01.09.2024)
2. Саблина А. «Изыди, Лайка!» Народ отреагировал на слова Вайкуле о «вонючих рабах». // Аргументы и факты / Aif.ru. 12.08.2023. URL: https://aif.ru/culture/person/izydi_layka_narod_otreagiroval_na_slova_vaykule_o_vonyuchih_rabah (дата обращения 13.06.2024)
3. Либгардт О. Лайма Вайкуле сделала резкое и возмутительное заявление о Дне Победы и памятниках солдатам. // Комсомольская правда. 21.05.2023. URL: <https://www.kp.ru/daily/27493.5/4752279/> дата обращения 15.03.2024)
4. Умеренков Е. Вайкуле порассуждала о сносе советских памятников в Латвии // Культура / Lenta.ru. 21.05.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/06/15/snos/> (дата обращения 25.05.2024)
5. «Змея ты подколотная!» Сеть — о Вайкуле и сносе памятника советским воинам // Аргументы и факты / Aif.ru – URL: https://aif.ru/culture/person/zmeya_ty_podkolodnaya_set_o_vaykule_i_snose_pamyatnika_sovetskim_voinam
6. Зотина Н. "Переобувщица": Вайкуле осудили за слова о сносе советских памятников // РИА Новости / 16.06.2023. URL: <https://ria.ru/20230616/vaykule-1878566048.html> (дата обращения 23.05.2024)

7. Новые песни Вайкуле: злобная критика и русофобия как основа репертуара // Яндекс. Дзен. 26.12.2023. URL:<https://news.ru/russia/novye-pesni-vajkule-zlobnaya-kritika-i-rusofobiya-kak-osnova-repertuara/> (дата обращения 20.02.2024)
8. Горячая С. «У шпроты ума больше!» Народ высказался о политических «заявлениях» Вайкуле. // Аргументы и факты / Aif.ru/ 08.05.2023. URL: https://aif.ru/culture/person/u_shproty_uma_bolshe_narod_vyskazalsya_o_politicheskih_zayavleniyah_vaykule (дата обращения 20.09.2024)
9. Предали забвению: Вайкуле нанесён двойной удар за предательство. Это конец // Яндекс.Дзен. 01.04.2023. URL: https://tsargrad.tv/news/predali-zabveniju-vajkule-nanesjon-dvojnoj-udar-za-predatelstvo-jeto-konec_981239 (дата обращения 06.08.2024)
10. Лайма Вайкуле оправдалась за критику памятников советским солдатам: «Я уже замучалась» // Яндекс. Дзен. 25.12.2023. URL: <https://www.starhit.ru/novosti/laima-vaikule-opravdalas-za-kritiku-pamyatnikov-sovetskim-soldatam-ya-uzhe-zamuchalas-1299317/> (дата обращения 10.06.2024)

Коммуникативная ситуация «Концепция биологического вида»

Краткий контекст. Британская писательница, создательницы любимой франшизы о Гарри Поттере, подверглась отмене за критические высказывания о сексе (биологическом поле) и гендере, за поддержку феминисток. Сначала она высказалась кратко, а потом представила целое аргументативное эссе. Отмена произошла из-за «ненавистнических, вызывающих разногласия в обществе взглядов» британской писательницы. Напомним, что автор выпустила колонку «о вопросах гендера и пола», где высказала своё беспокойство большим количеством трансгендерного перехода среди девочек-подростков. Читатели, в том числе и актёры поттерианы, не согласились с мнением Роулинг, и та попала в чёрный список.

Ресурсы:

1. J.K. Rowling Writes about Her Reasons for Speaking out on Sex and Gender Issues // Opinions. 10.06.2020. <https://www.jkrowling.com/opinions/j-k>

rowling-writes-about-her-reasons-for-speaking-out-on-sex-and-gender-issues/ (дата обращения 10.10.2024)

2. Greenfield B. Why was J.K. Rowling canceled? The 'Harry Potter' author's controversies explained. // Yahoo!Life. 16.05.2022. URL: <https://www.yahoo.com/lifestyle/why-was-jk-rowling-canceled-controversies-explained-> (дата обращения 12.07.2024)

3. Gardner A. A Complete Breakdown of the J.K. Rowling Transgender-Comments Controversy // Yahoo!news. 03.09.2024. URL: <https://www.glamour.com/story/a-complete-breakdown-of-the-jk-rowling-transgender-comments-controversy> (дата обращения 25.09.2024)

4. Wild G. J.K. Rowling DEFIES cancel culture as Pottermore sees a SURGE in profits after author controversy // GB News. 01.02.2024. URL: <https://www.gbnews.com/celebrity/jk-rowling-surge-in-profit-pottermore> (дата обращения 05.03.2024)

5. How can I cancel JK Rowling for her blatant transphobia? // British Politics / 15.02.2023. URL: https://britishpoliticsandbritishhistory.quora.com/How-to-cancel-JK-Rowling-for-her-blatant-transphobia?top_ans=197362647 (дата обращения 10.08.2024)

6. JK Rowling is the woman who can't be cancelled // Telegraph.uk / 16.06.2022. URL: <https://www.telegraph.uk> (дата обращения 12.07.2024)

7. JK Rowling's transphobia controversy: a complete timeline // The Week / 15.02.2023. URL: <https://theweek.com/feature/1020838/jk-rowlings-transphobia-controversy-a-complete-timeline> (дата обращения 10.10.2024)

8. A Statement from Kerry Kennedy President of Robert F. Kennedy Human Rights // Human rights. 27.08.2020 URL: <https://rfkhumanrights.org/our-voices/a-statement-from-kerry-kennedy-president-of-robert-f-kennedy-human-rights/> (дата обращения 13.08.2024)

9. Damshanes S. JK Rowling slammed by fans for following a “proud transphobe” on Twitter // Gay Times. 27.06.2019.

URL:<https://www.gaytimes.com/culture/jk-rowling-slammed-by-fans-for-following-a-proud-transphobe-on-twitter/> (дата обращения 20.06.2024)

10. J.K. Rowling's latest tweet seems like transphobic BS. Her fans are heartbroken. // Vox. 19.12.2019.

URL:<https://www.vox.com/culture/2019/12/19/21029852/jk-rowling-terf-transphobia-history-timeline> (дата обращения 24.04.2024)

Коммуникативная ситуация «Домашнее насилие»

Краткий контекст: Телеведущая Регина Тодоренко в одном из интервью заявила, что женщины сами провоцируют насилие, потому что им нравится выступать в роли «жертвы и спасительницы». Пользователей социальных сетей возмутили высказывания телеведущей по поводу домашнего насилия

Ресурсы:

1. Кузьмин Ф. Как реагируют на слова Регины Тодоренко о домашнем насилии // Daily Афиша. 27.04.20. URL: <https://daily.afisha.ru/news/36648-kak-reagiruyut-na-slova-reginy-todorenko-o-domashnem-nasilii-glavnoe/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

2. Расхватили на цитаты. Хронология высказываний Регины Тодоренко о домашнем насилии // Loveradio.ru. 25.04.20. URL: <https://www.loveradio.ru/news/news/rashvatali-na-tsitaty-hronologiya-vyskazyvaniy-reginy-todorenko-o-domashnem-nasilii> (дата обращения 15.11.2024 г.).

3. Морозова А. Похоронила карьеру. Слова Тодоренко о насилии лишают ее работы и званий // Аргументы и факты. 28.05.20. URL: https://aif.ru/culture/person/pohoronila_kareru_slova_todorenko_o_nasilii_lishayut_e_e_raboty_i_zvaniy (дата обращения 15.11.2024 г.).

4. Гайсина И. «В России любят миловать»: как Регина Тодоренко потеряла десятки миллионов рублей, но завоевала тысячи новых подписчиков // Forbes.ru. 04.05.20. URL: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/401589-v-rossii-lyubyat-milovat-kak-regina-todorenko-poteryala-desyatki> (дата обращения 15.11.2024 г.).

5. Регина Тодоренко сняла фильм о домашнем насилии. Эксперты подводят итог скандалу // РИА Новости. 28.04.20. URL: <https://style.rbc.ru/life/5eabd7629a79473fd88c1f4f> (дата обращения 15.11.2024 г.).

6. Шеповская А. Семь пятниц на неделе: Тодоренко лишают титулов и контрактов за оправдание насилия // Известия. 24.05.21. URL: <https://iz.ru/1005125/anastasiiia-chepovskaia/sem-piatnitc-na-nedele-todorenko-lishaiut-titulov-i-kontraktov-za-opravdanie-nasiliia> (дата обращения 15.11.2024 г.).

7. Оброненная Региной Тодоренко фраза стала причиной ее травли // Вести. 28.04.20. URL: <https://www.vesti.ru/article/2403994> (дата обращения 15.11.2024 г.).

8. Амелина М. В сети обсуждают высказывания Регины Тодоренко о домашнем насилии // Версия.ru. 26.04.20. URL: <https://versia.ru/v-seti-obsuzhdayut-vyskazyvaniya-reginy-todorenko-o-domashnem-nasilii> (дата обращения 15.11.2024 г.).

9. Pampers отказался от работы с Тодоренко из-за слов о домашнем насилии // РБК.ru. 28.04.20. URL: <https://lenta.ru/news/2020/04/27/pampers/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

10. Кто такая Регина Тодоренко и за что её отменяли // Secretmag.ru. 28.05.23. URL: <https://secretmag.ru/enciklopediya/kto-takaya-regina-todorenko-i-za-chto-eyo-otmenyali-tolko-glavnoe-i-interesnoe-iz-biografii.htm> (дата обращения 15.11.2024 г.).

Коммуникативная ситуация «Национальная черта россиян»

Краткий контекст: Популярный российский актер Алексей Серебряков, известный по фильмам «Левиафан», «9-я рота», «Груз 200» и «ПираМММида», убежден, что национальная идея России заключается в силе, наглости и хамстве. Об этом он заявил в интервью видеоблогеру Юрию Дудю, опубликованном на YouTube-канале «вДудь».

Ресурсы:

1. Самсонов Г. Алексей Серебряков назвал хамство национальной идеей России // Ridus.ru. 20.02.18. URL: <https://www.ridus.ru/aleksej-serebryakov->

nazval-hamstvo-nacionalnoj-ideej-rossii-271248.html (дата обращения 15.11.2024 г.).

2. Актер Алексей Серебряков заявил, что национальная идея России – это хамство и наглость // Kapital-rus.ru. 21.02. 2018. URL:<https://www.ridus.ru/aleksej-serebryakov-nazval-hamstvo-nacionalnoj-ideej-rossii-271248.html> (дата обращения 15.11.2024 г.).

3. Хожателева Ю. Сергей Лукьяненко: Серебряков на своем примере проиллюстрировал наглость и хамство // Комсомольская правда. 02.02.18. URL:<https://www.kp.ru/daily/26797/3832801/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

4. Стешин Д. Как актер Серебряков кино с реальностью попутал, а Россию с США // WWW.KP. 20.02.18. RU: <https://www.kp.ru/daily/26797/3832628/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

5. Шарифулин В. Серебряков надеется, что за высказывания о России его не лишат работы в стране // TASS. ru. 25.02.19. URL: <https://tass.ru/kultura/6155706> (дата обращения 15.11.2024 г.).

6. Актер Серебряков подвергся порицанию за критику национальной идеи // ЗАКС.ru. 21.02.18. URL: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/174216> (дата обращения 15.11.2024 г.).

7. В Сети отреагировали на слова Серебрякова о "мучениях" из-за России // ria.ru. 03.03.19. URL: <https://ria.ru/20190303/1551515025.html> (дата обращения 15.11.2024 г.).

8. Серебрякова и Раппопорт начали «отменять» в РФ. Все дело в критике СВО? // ria.ru. 13.05.21. URL: <https://news.ru/society/serebryakova-i-rappoport-nachali-otmenyat-v-rf-vse-delo-v-kritike-svo/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

9. Александрова Е. «Я русский!» Побег в Канаду и критика власти. Как и где сейчас живет актер Алексей Серебряков? // runews24.ru. 22.04.24. URL: <https://runews24.ru/articles/22/04/2024/ya-russkij-pobeg-v-kanadu-i-kritika-vlasti-kak-i-gde-sejchas-zhivet-akter-aleksej-serebryakov> (дата обращения 15.11.2024 г.).

10. Либгардт О. Алексей Серебряков и Ксения Раппопорт стали изгоями: «Столько мерзостей наговорили о России» // Комсомольская правда. 24.02.24. URL: <https://www.kp.ru/daily/27562.5/4887234/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

Коммуникативная ситуация «Солнечные дети»

Краткий контекст: М. Аронова некорректно высказалась о детях с синдромом Дауна в эфире программы «Всё будет хорошо» на телеканале «Россия» 16 октября 2012 года. По ходу телепередачи Аронова заявила, что лично для нее такой ребёнок — «это горе, чудовищное», с которым она бы «точно не справилась». Актриса также сказала, что ребёнок с синдромом Дауна «ничего не понимает», а когда вырастет — «бросит нож, вилку, утюг», «этот ребёнок может убить близкого».

Ресурсы:

1. Николаева А. Неэтичные высказывания Ароновой по поводу детей с синдромом Дауна противоречат Конституции // Woman.ru. 19.11.2019. URL: [https://www://ru.wikinews.org/wiki/](https://www.ru.wikinews.org/wiki/) (дата обращения 15.11.2024 г.).

2. Открытое письмо организации «Даунсайд Ап» руководству ВГТРК и Марии Ароновой по поводу выпуска программы «Люблю, не могу». // Правмир. 19.10.2012. URL: <https://www.pravmir.ru/otkrytoe-pismo-organizacii-daunsajd-ap-rukovodstvu-vgtrk-i-marii-aronovoj-po-povodu-vypuska-programmy-lyublyu-ne-mogu/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

3. Маетная Е. Родители детей с синдромом Дауна подают в суд на Марию Аронову // Известия.18.10.12. URL: <https://iz.ru/news/538007> (дата обращения 15.11.2024 г.).

4. На ВГТРК пожаловались в Роскомнадзор за слова ведущей о детях-инвалидах // Lenta.ru. 09.11.12. URL: <https://lenta.ru/news/2012/11/09/aronova/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

5. Телеведущая Эвелина Блёданс подает в суд иск к актрисе Марии Ароновой о защите чести и достоинства детей с синдромом Дауна // Деловой Петербург. 22.11.2012. URL:

https://www.dp.ru/a/2012/10/22/JEvelina_Bledans_podaet_v (дата обращения 15.11.2024 г.).

6. Актриса Бледанс требует опровержения слов Ароновой о синдроме Дауна. // РИА Новости. 29.02.2020. URL: <https://ria.ru/20121109/910233193.html> (дата обращения 15.11.2024 г.).

7. Роскомнадзор признал оскорблением слова Ароновой о синдроме Дауна. // РИА Новости. 29.02.2020. URL: <https://ria.ru/20121119/911315268.html> (дата обращения 15.11.2024 г.).

8. Священник Константин Сопельников: Нужно принять раскаяние Марии Ароновой // Правмир. 20.10.2012. URL: <https://www.pravmir.ru/svyashhennik-konstantin-sopelnikov-nuzhno-prinyat-raskayanie-marii-aronovoj/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

9. Аронову признали виновной в оскорблении детей-даунят. // Татар Информ. 19.11.2012. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/aronovu-priznali-vinovnoy-v-oskorblenii-detey-daunyat> (дата обращения 15.11.2024 г.).

10. Слова о даунах превратили жизнь телеведущей в ад. // НТВ / Центральное телевидение. 25.11.2012. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/372756/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

Коммуникативная ситуация «Расизм»

КС критики включает три примера.

Пример 1. Краткий контекст. С обвинениями в расизме столкнулись российский дизайнер Ульяна Сергиенко. Она оказалась в центре международного скандала из-за открытки, которую она отправила своей подруге Мирославе Думе. Инцидент произошел накануне показа новой коллекции Сергеенко на неделе моды в Париже. Своим приятельницам она отправила приглашения на мероприятие, подписанные лично ею. Мирослава Дума опубликовала послание в Instagram. На открытке от руки написано: To my niggas in Paris. “To my N****s in Paris,” Дословно это переводится так: «Моим ниггерам в Париже». Оказалось, что между собой девочки иногда называют друг друга словом на букву «н».

Ресурсы:

1. Умри белая дрянь. Ульяну Сергиенко и Мирославу Думу обвинили в расизме из-за цитаты из песни Канье Уэста. // Яндекс. Дзен / 360.ru. 24.01.2018. URL: <https://www://360.ru/tekst/obschestvo/umri-belaja-drjan/> (дата обращения 15.11.2024 г.).
2. Демьянова А. После обвинений в расизме Ульяну Сергиенко и Мирославу Дума затравили в Сети // Voice/ 25.01.2018 URL: <https://thevoicemag.ru/> (дата обращения 15.11.2024 г.).
3. Reed S. Prabal Gurung Talks “Sad” Ulyana Sergeenko N-Word Scandal // The Hollywood Reporter. January 26, 2018. URL: <https://www.hollywoodreporter.com/lifestyle/style/prabal-gurung-sad-ulyanna-sergeenko-n-word-scandal-how-industry-can-change-better-1078918/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

Пример 2. Краткий контекст. Анфиса Чехова в качестве гостыи на одном из российских шоу рассказала, как ей удается поддерживать красоту и с какими проблемами она сталкивалась в борьбе за привлекательность и молодость. В ходе беседы телеведущая ненароком обидела бурятских женщин.

Ресурсы:

1. Либгардт О. Пышнотелая Анфиса Чехова оскорбила бурятских женщин и угодила в грандиозный скандал. // Комсомольская правда / kp.ru. 04.07.2021. URL: <https://www.kp.ru/daily/28299.5/4439147/> (дата обращения 15.11.2024 г.).
2. Анфису Чехову обвинили в расизме из-за слов про бурятское лицо. // Baikal Daily. 04.07.2021. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/16/417153/> (дата обращения 15.11.2024 г.).
3. Анфиса Чехова извинилась за слова о бурятках и алкоголизме. // Baikal Daily. 04.07.2021. URL: <https://ria.ru/20210704/chekhova-1739822359.html> (дата обращения 15.11.2024 г.).

Пример 3. Краткий контекст. Шведская компания Н&М оказалась в центре международного скандала, который возник из-за заявления, опубликованного

руководством на сайте компании. Несколько крупнейших китайских интернет-магазинов убрали из продаж одежду и другую продукцию шведской розничной сети. В социальных сетях появилось множество публикаций с критикой торговой марки за ее отказ использовать хлопок из Синьцзян-Уйгурского автономного района из-за предполагаемых нарушений прав человека в этом регионе КНР.

Ресурсы:

1. Paton E. H&M Faces Boycott in China Over Stance on Treatment of Uyghurs // The New York Times. March 24. 2021. – <https://www.nytimes.com/2021/03/24/business/handm-boycott-china-uyghurs.html> (дата обращения 15.11.2024 г.).

2. China Canceled H&M. Every Other Brand Needs to Understand Why. For global companies making big bets on China, the Swedish retail giant is an alarming cautionary tale. // Bloomberg News. 14.03.2022. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2022-china-canceled-hm/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

3. Mallen A. Explainer | Xinjiang timeline: key dates, events as China denies Western forced labour allegations. // South China Morning Post. 09.10.2021. URL: https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3145489/xinjiang-timeline-key-dates-events-china-denies-western?module=perpetual_scroll_0&pgtype=article (дата обращения 15.11.2024 г.).

4. H&M faced backlash over its ‘monkey’ sweatshirt ad. It isn’t the company’s only controversy. // Chicago Tribune. 13.05.2019. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/arts-and-entertainment/wp/2018/01/19/hm-faced-backlash-over-its-monkey-sweatshirt-ad-it-isnt-the-companys-only-controversy/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

Коммуникативная ситуация «Не в общем хоре»

КС критики включает два примера.

Пример 1. Краткий контекст. Польский комментатор Пшемислав Бабьяж высказал собственную позицию относительно церемонии открытия

Олимпийских игр в Париже. Польский телеканал TVP Sport. Польский комментатор оказался не в общем хоре, за что был отстранен от работы на Олимпиаде за отсылку к песне Джона Леннона “Imagine”. Смысл его комментария заключался в том, что он связал концепцию открытия олимпийских игр с идеей коммунизма и счел это фактом, достойным сожаления.

Ресурсы:

1. Черноусов Д. Комментатора «отменили» за слова об открытии Олимпиады. В Польше совсем спятили? // SportBox.ru. 28.07.24. https://news.sportbox.ru/olympics/spbnews_NI2086061_Kommentatora_otmenili_za_slova_ob_otkrytii_Olimpiady_V_Polshe_sovsem_spatili (дата обращения 15.11.2024 г.).

2. Urman M., Leskauskaite D. Journalist Banned From Commenting During The Olympics After Linking Performance To “Communism” // boredpanda.com Jul 30, 2024 <https://www.boredpanda.com/commentator-suspended-for-calling-imagine-a-vision-of-communism-olympic-opening/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

3. Polish TV suspends Olympic commentator for “communist” opening ceremony remarks. // Notes from Poland. 27.07.2024. URL: <https://notesfrompoland.com/2024/07/27/polish-tv-suspends-olympic-commentator-for-communist-opening-ceremony-remarks/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

4. Gera V. Polish journalist suspended for calling ‘Imagine’ a ‘vision of communism’ during Olympic opening. // Yahoo! News. 28.07.2024. URL: <https://apnews.com/article/poland-olympics-john-lennon-imagine-media-b57994d7dfe1436a68d75957c23f6a86> (дата обращения 15.11.2024 г.).

5. Polish TV commentator suspended over remarks during Olympic opening. // Yahoo! News. 28.07.2024. URL: <https://www.yahoo.com/news/polish-tv-commentator-suspended-over-173925280.html> (дата обращения 15.11.2024 г.).

6. "You can't drown out the truth!": the commentator of the Paris Olympics was suspended from the air in Poland. // EaDaily. 28.07.2024. URL: <https://eadaily.com/en/news/2024/07/28/you-cant-drown-out-the-truth-the->

commentator-of-the-paris-olympics-was-suspended-from-the-air-in-poland (дата обращения 15.11.2024 г.).

7. Polish athletes call for return of Olympic commentator suspended over opening ceremony remarks. // Notes from Poland. 30.07.2024. URL: <https://notesfrompoland.com/2024/07/30/polish-athletes-call-for-return-of-olympic-commentator-suspended-over-opening-ceremony-remarks/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

8. Robertson T. Olympic shame TV commentator suspended over 'scandalous' comments made live on air during Paris Olympics opening ceremony. // The Sun. 29.07.2024. URL: <https://www.thesun.co.uk/sport/29535087/tv-presenter-axed-scandalous-comments-paris-olympics-opening-ceremony/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

9. Mularczyk K. Polish journalist who called Lennon song 'Communist' reinstated. // Brussels signal. 02.08.2024. URL: <https://brusselssignal.eu/2024/08/polish-journalist-who-called-lennon-song-communist-reinstated/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

10. Fril M. Olympics commentator fired for making controversial John Lennon statement.// Business Insider. 29.07.2024 URL:<https://www.irishstar.com/sport/other-sports/olympics-commentator-john-lennon-imagine-33352708> (дата обращения 15.11.2024 г.).

Пример 2. Краткий контекст: Ряд западных стран отменили концерты Анны Нетребко. Всемирно известная оперная певица прокомментировала свои политические взгляды, однако представители мировых театров требуют публичного заявления от певицы.

Ресурсы:

1. Russian soprano Netrebko condemns Ukraine war but Met says it's not enough // The Guardian. 03.03.2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/03/soprano-anna-netrebko-withdraws-from-met-performances-rather-than-renounce-putin> (дата обращения 10.01.2025 г.).

2. Norman Lebrecht. Lucerne cancelled Anna Netrebko “under government pressure” // News break. 12.12.2024. URL: <https://www.newsbreak.com/news/3712325745859-lucerne-cancelled-anna-netrebko-under-government-pressure> (дата обращения 10.01.2025 г.)

3. Striking musicians cancel Netrebko and Kaufmann’s Puccini anniversary concert at La Scala. // Gramilano. 30.11.2024 URL: <https://www.gramilano.com/2024/11/strike-puccini-anniversary-concert/> (дата обращения 10.01.2025 г.)

Коммуникативная ситуация «Голая вечеринка»

Краткий контекст: Скандал вокруг «голой» вечеринки Насти Ивлеевой» включает материалы, содержащие критику со стороны общественности в отношении недостойного поведения деятелей культуры и шоу бизнеса. Свои критические замечания о недопустимости проведения подобных мероприятий высказывают политики, военнослужащие, обычные граждане.

Ресурсы:

1. Скандал вокруг «голой» вечеринки Насти Ивлеевой: объясняем, с чего все началось // Журнал «Правила жизни». 28.12.2023. URL: <https://www.pravilamag.ru/entertainment/714781-skandal-vokrug-goloi-vecherinki-nasti-ivleevoi-obuyasnyаем-s-chego-vse-nachalos/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

2. Путин впервые прокомментировал «голую вечеринку» Насти Ивлеевой. // Яндекс.Дзен. 16.01.2024. URL: <https://www.forbes.ru/society/504375-putin-vpervye-prokommentiroval-goluu-vecerinku-nasti-ivleevoj> (дата обращения 15.11.2024 г.).

3. Путин заявил о разных ценностях военных и тех, кто «прыгает без штанов». // РБК. 16.01.2024ю URL: <https://www.rbc.ru/society/16/01/2024/65a693149a79474f62445b80> (дата обращения 15.11.2024 г.).

4. Исповедь отверженной Насти Ивлеевой: «Говорят, Россия умеет прощать» // Комсомольская правда / kp.ru. URL: <https://rutube.ru/video/e7bbbe2cbe698b7c159b61ad430f0237/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

5. Ивлеева прокомментировала "голую вечеринку". // РИА Новости. 03.03.2024. URL: <https://ria.ru/20240503/vecherinke-1943635251.html> (дата обращения 15.11.2024 г.).

6. Videоблог Павола Строкова. Вечеринка Насти Ивлеевой в клубе мутабор 2023 / публичные извинения главных гостей / отмена Ивлеевой // Rutube. – URL: <https://rutube.ru/video/e1809359d5b6ccd907b20eaa8eb41807/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

7. Слуцкий предложил Думе обсудить лишение артистов званий за "неприемлемое поведение" // Бизнес Online. 30.01.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19854451> (дата обращения 15.11.2024 г.).

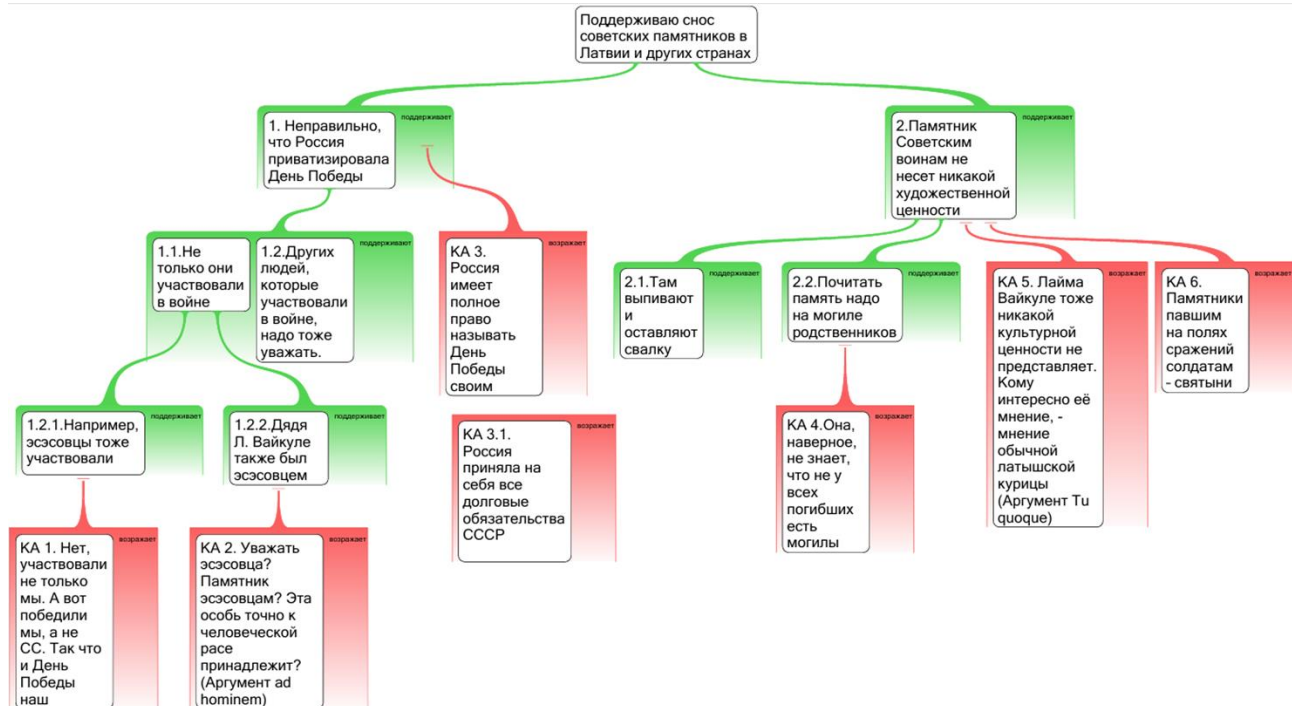
8. В Минобороны объяснили истинный смысл «голой вечеринки» Ивлеевой. // Lenta.ru. 02.04.2024. URL: <https://lenta.ru/news/2024/04/02/v-minoborony-ob-yasnili-taynuu-smysl-goloy-vecherinki-ivleevoy/> (дата обращения 15.11.2024 г.).

9. Выстрел в ногу". Мизулина раскритиковала "голую" вечеринку Ивлеевой. // Яндекс. Дзен. 21.12.2023. URL: <https://dzen.ru/a/ZYRO9o1VN0aKHU4J> (дата обращения 15.11.2024 г.).

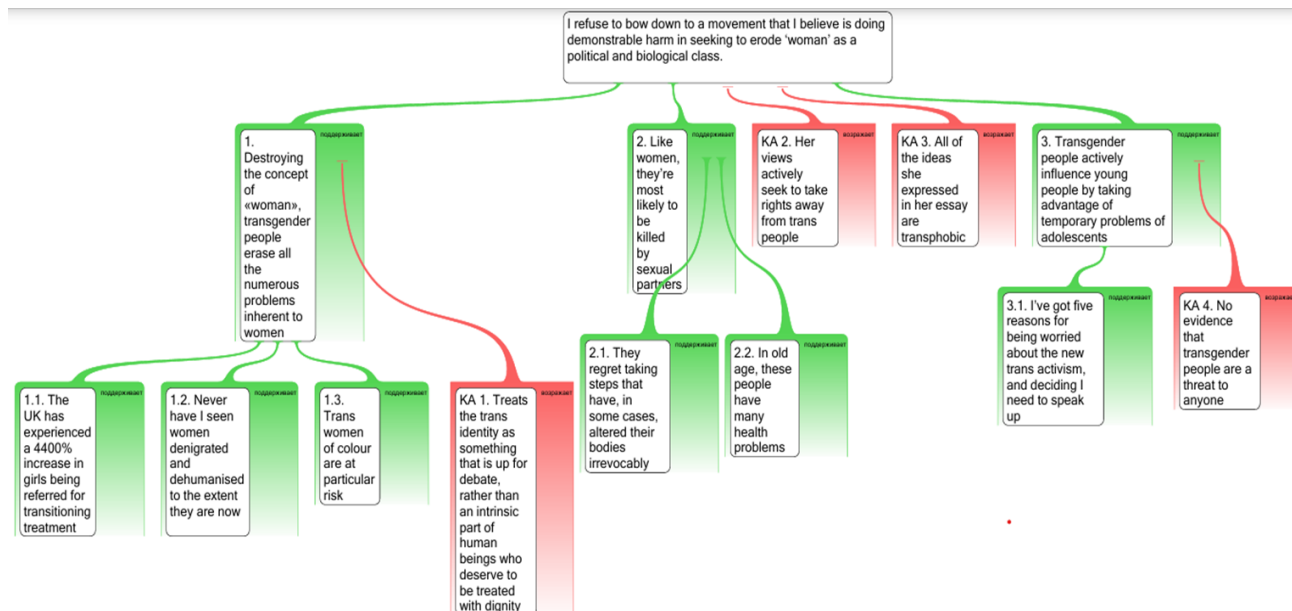
10. «Голая вечеринка» Насти Ивлеевой в Москве вызвала возмущение общественности. // Strana life. 12.01.2024. URL: https://strana.life/news/skandaly_i_sensatsii/golaya_vecherinka_nasti_ivleevoy_v_moskve_vyzvala_vozmushchenie_obshchestvennosti/ (дата обращения 15.11.2024 г.).

Приложение 2. Аргументативные карты КС критики

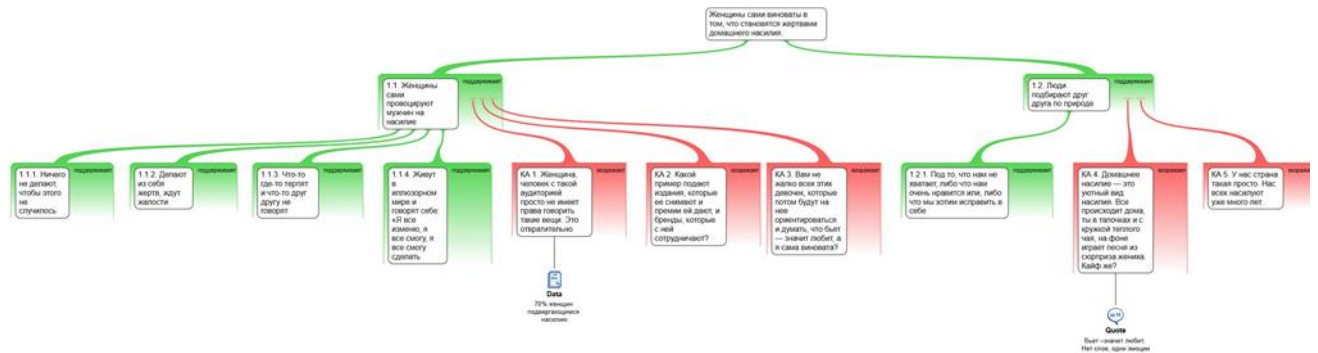
Коммуникативная ситуация «Снос памятников советским войнам»

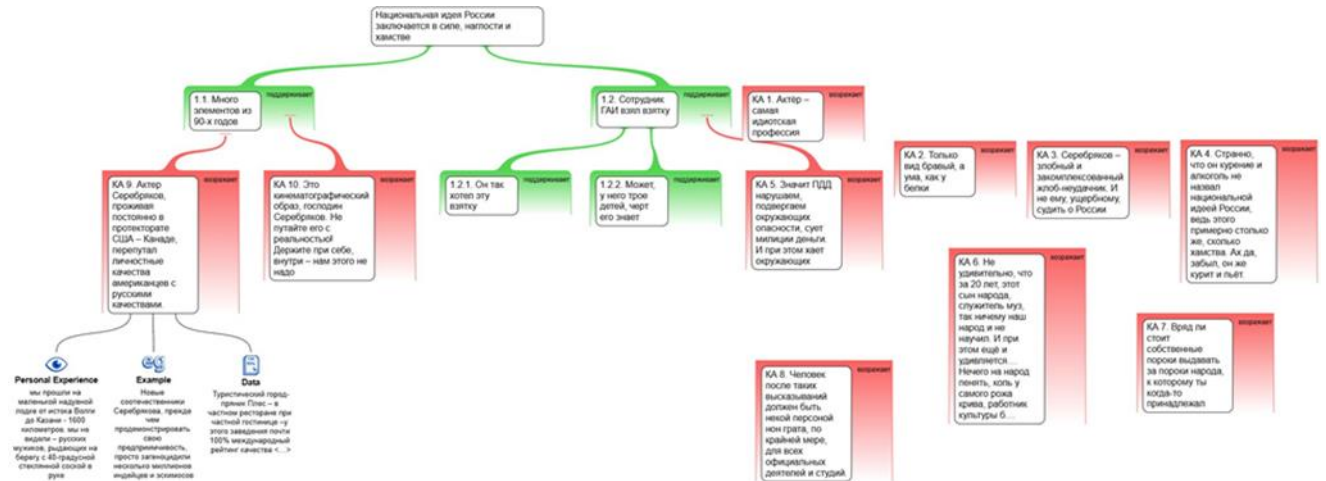
Коммуникативная ситуация «Концепция биологического пола»

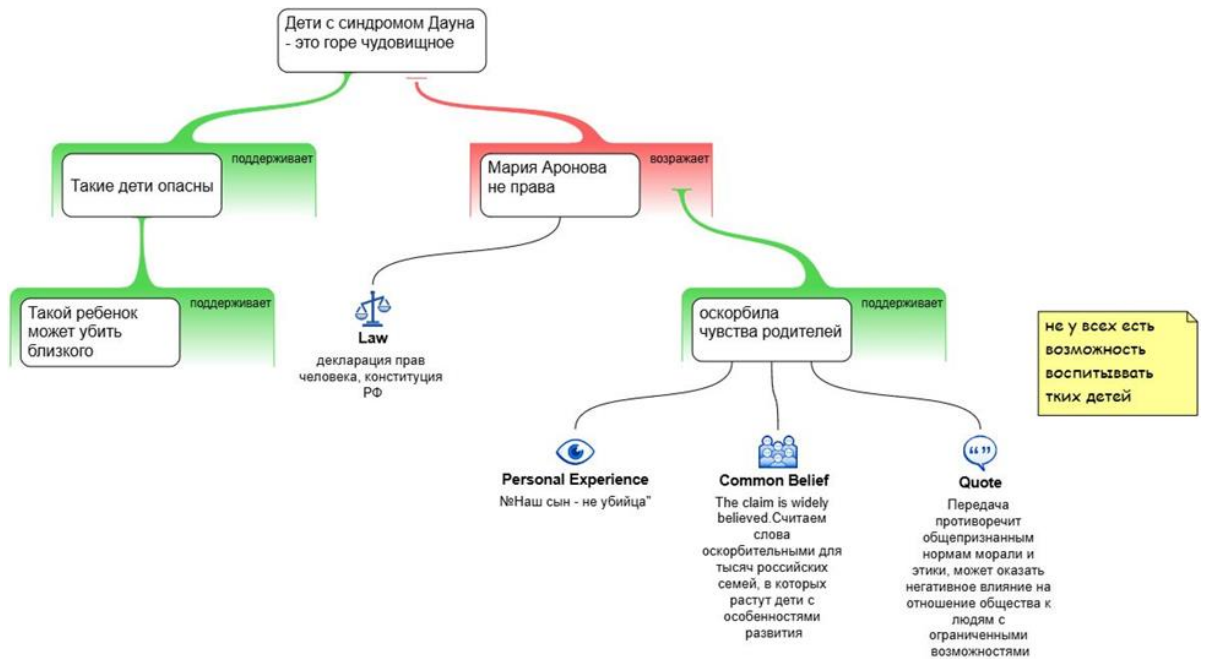
Коммуникативная ситуация «Домашнее насилие»

Коммуникативная ситуация «Национальная черта россиян»

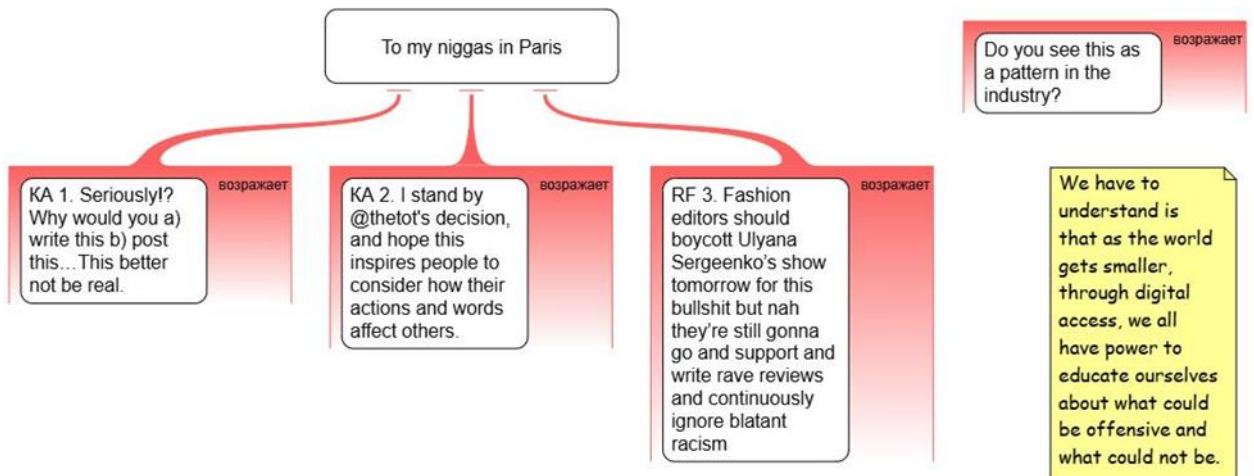

Коммуникативная ситуация «Солнечные дети»

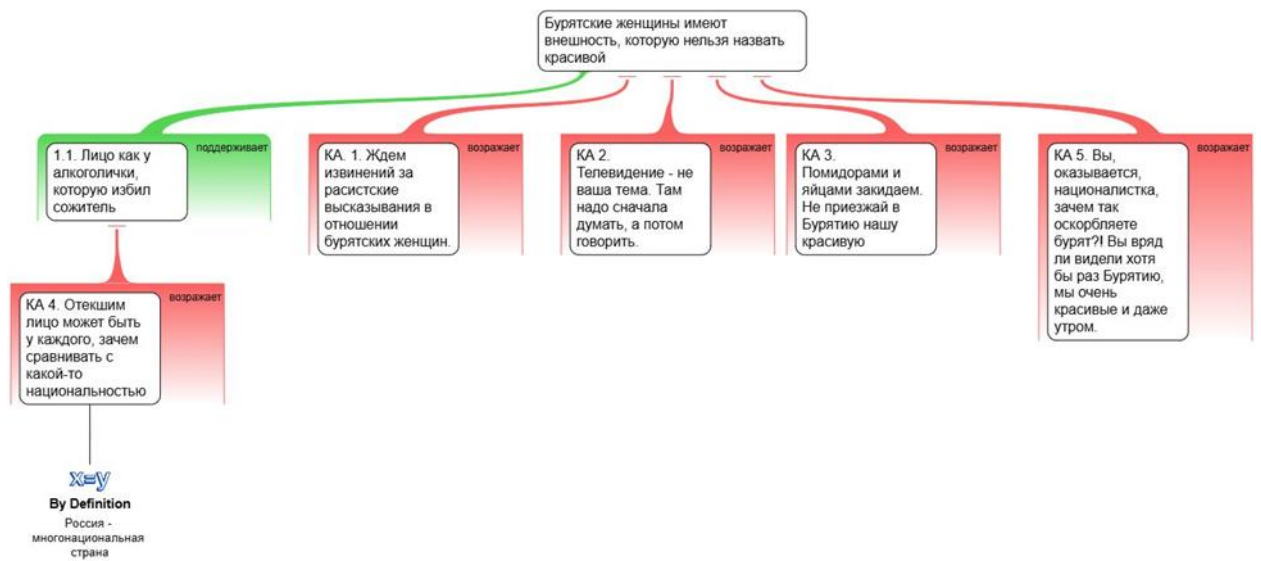

Коммуникативная ситуация «Расизм»

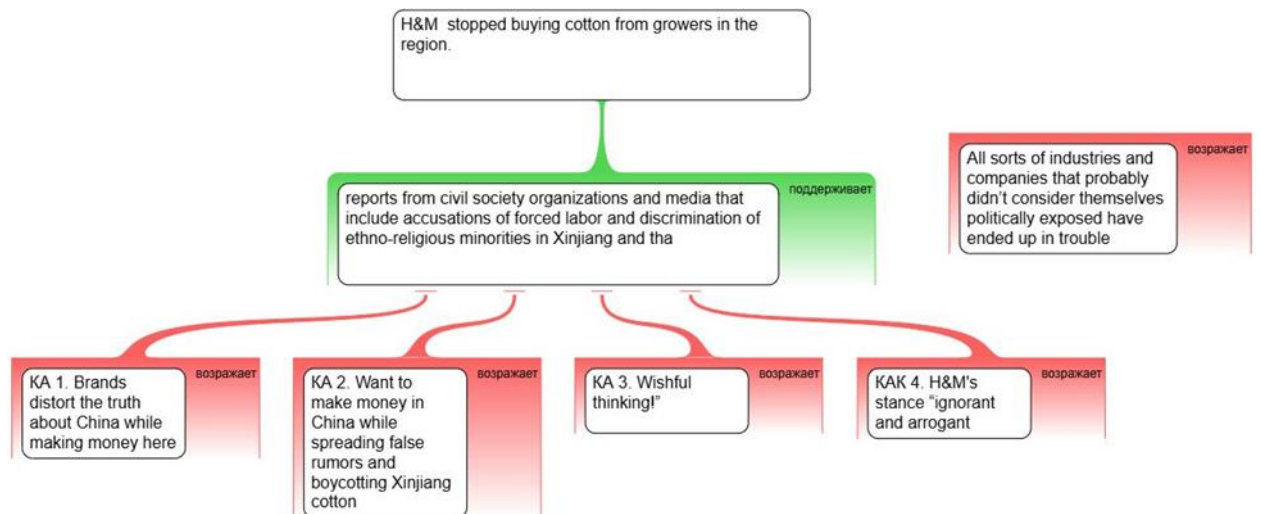
Пример 1.

Пример 2.

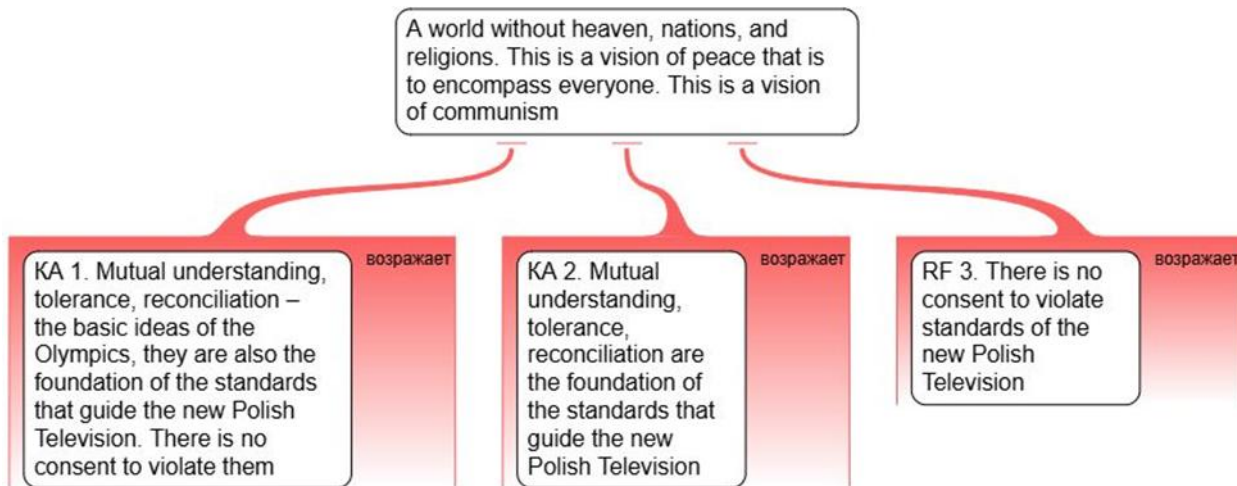

Пример 3.

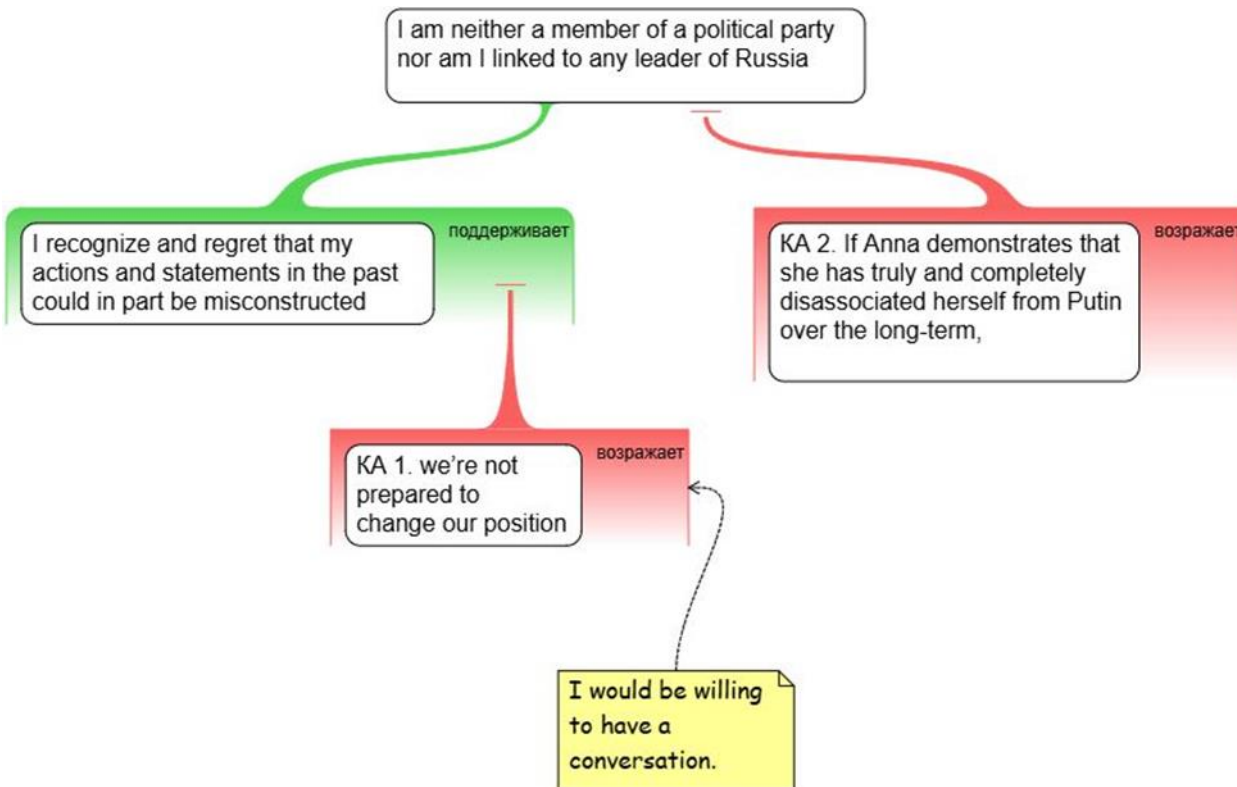

Коммуникативная ситуация «Не в общем хоре»

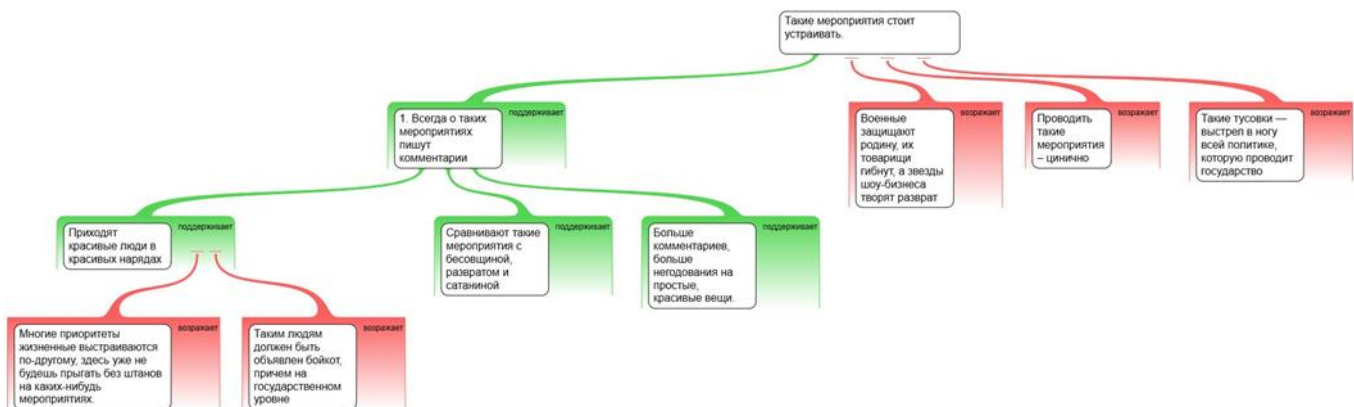
Пример 1.

Пример 2.

Коммуникативная ситуация «Голая вечеринка»

Приложение 3. Словарь терминов

Аргументативный инструментализм – это реальная картина языкового взаимодействия, которая показывает, что участники стратегически используют аргументацию для достижения своих задач, которые бывают жизненно важными и не связанными с тем, чтобы улучшить ситуацию других участников общения.

Аргументативный оптимизм – это взгляд на аргументацию, согласно которому устранение разногласий, доступное с помощью аргументации, является идеальной и желательной целью, к которой стремятся все участники любых споров, если они разумны и рациональны. Считается, что аргументативное взаимодействие в любом случае преобразует позиции участников в лучшую сторону: в случае удачного разрешения разногласий их позиции улучшаются и оптимизируются, в случае неудачного разрешения разногласий участники ничего не теряют, а остаются на своих начальных позициях.

Коммуникативная ситуация – внутренняя форма коммуникативного события, один из структурных компонентов коммуникативного события», коммуникативная ситуация служит инструментом для анализа и категоризации различных аспектов общения и взаимодействия между людьми.

Коммуникативная ситуация, «сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся. С одной стороны, этот комплекс порождает речь, а с другой стороны, отражается в речи в своих существенных компонентах» [Формановская, 2014, с.60].

«**Коммуникативное событие** вычленяется в контексте социальной деятельности как ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально и культурно обусловленный процесс речевого взаимодействия его участников» [Борисова, 2018, с. 43].

Критика-1. Метод познания. Как метод научного исследования, критика играет важную роль в развитии знания и научного прогресса. Она включает анализ и оценку исследований, идей, теорий или выводов, применение логических и эмпирических аргументов для их проверки и опровержения. Критика помогает выявить ограничения и недостатки существующих идей или концепций, а также

предлагает новые альтернативы, гипотезы или подходы. Она способствует обсуждению и обмену мнениями между учеными и способствует дальнейшему развитию знания в конкретной области.

Критика-2. Как коммуникативное явление, критика является процессом выражения негативных мнений разногласий в отношении определенных идей, действий или произведений. Она включает обсуждение, анализ и оценку с позиции собственных убеждений субъектов, их опыта или ценностей. Критика может быть высказана в форме письменного или устного выступления, обзора, комментария, рецензии или дебатов. Коммуникативная критика может иметь разные цели, включая информирование, убеждение, изменение мнения, вызов к действию или развлечение.

Прототипическая ситуация в общем смысле – это типичный или характерный пример определенной ситуации или явления, «некая идеализированная абстрактная сущность», «набор совместно реализующихся характеристик, который более существен для нашего опыта» [Лакофф, 2008, С. 105].

Триггерное высказывание – это высказывание, идентифицируемое с учетом оценочной реакции адресата, вызывающее у него в определенной конситуации такие ценностные ассоциации и эмоциональные переживания, которые могут способствовать переосмыслению им того или иного события/явления и тем самым мотивировать его на совершение какого-либо действия, поступка Копнина, 2024, с. 917.

“Argumentum ad hominem” – «аргумент к человеку» – логическая ошибка, при которой аргумент опровергается указанием на характер, мотив или другой атрибут лица, приводящего аргумент, или лица, связанного с аргументом, вместо указания на несостоятельность самого аргумента, объективные факты или логические рассуждения.

“Argumentum ad Misericordiam” – это латинский термин, высказывание, при помощи которого пытаются вызвать чувство сострадания с целью достичь согласия с предлагаемым заключением.

“Argumentum ad populum” – «аргумент к народу» – вид логически ошибочной аргументации, основанной на мнении, что большинство людей не может ошибаться.

“Argumentum ad rem” – это латинский термин, который переводится с английского как «аргумент по существу». Это относится к аргументации, которая сосредоточена на актуальной проблеме или предмете обсуждения, а не на эмоциях, личностях или других не относящихся к делу факторах.

“Argumentum Tu quoque” – (с латинского «Ты тоже») – логическая ошибка, при которой аргумент опровергается указанием на характер, мотив или другой атрибут лица, приводящего аргумент

“Аргументы ad baculum” – аргумент «к силе», использование какого-либо давления, психологического, физического или иного, на участника в диалоге с целью принудить его принять некоторую точку зрения.

“Аргументы ad hoc” (с латинского «для этой цели») – это тип аргументации, который создается для объяснения конкретного случая или для защиты определенной позиции, без учета более широких контекстов или принципов. Такие аргументы часто используются в дебатах и обсуждениях, но они могут быть логически ошибочными, недостаточными или поверхностными.